ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 36 СЕНТЯБРЬ 1990

1 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ЗНАНИЙ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 36 (3294)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

1 — 8 сентября

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:
Л. Г. АЙРАПЕТЯН,
А. Ю. БОЛОТИН,
В. В. ГЛОТОВ,
А. Э. ГОЛОВКОВ,
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Е. А. ЕВТУШЕНКО,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
Н. И. ТРАВКИН,
С. Н. ФЕДОРОВ,
О. Н. ХЛЕБНИКОВ,
А. В. ХРОМОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
А. С. ЩЕРБАКОВ
(ответственный секретарь),
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

На поле колхозном. (См. в номере материал «Чрезвычайщина».)

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 13.08.90. Подписано к печати 28.08.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2670. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

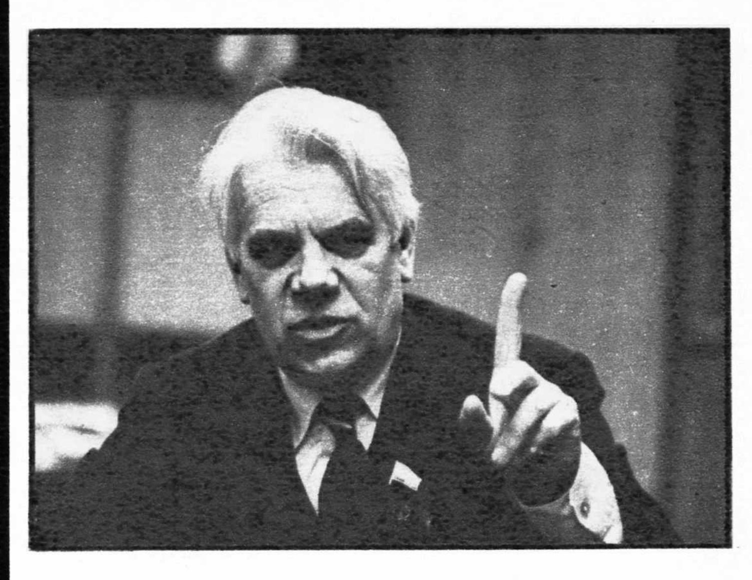

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

© «Огонек», 1990.

С председателем Государственного комитета СССР по народному образованию Геннадием Алексеевичем ЯГОДИНЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Леонид ПЛЕШАКОВ.

— Геннадий Алексеевич, может быть, мой вопрос покажется запоздалым, но мне хочется все-таки спросить: зачем понадобилось Министерство высшего и среднего специального образования, которое вы возглавляли с 1985 года, реорганизовывать в Госкомобразования СССР, собрав под одну крышу ряд существовавших до этого министерств и ведомств? Это наша страсть к переделкам или историческая необходимость?

— Честно говоря, когда было принято решение об объединении, я был противником этого. Возможно, потому, что чувствовал себя в прежнем министерстве уверенно и хорошо, и за те три года, когда был министром, мы только только начали развертывать работы и я боялся, что реорганизация им помешает.

Но когда все это случилось и я получил эту огромную, огромнейшую страну, которая для меня была «терра инкогнита», которая начинается от детских садов, даже от яслей, а фактически — от семьи и продолжается дальше через школу, начальную, девятилетнюю, полную среднюю с ее вариациями, профтехучилище, техникум, потом через институты в их многообразии и впоследствии через непрерывную систему обучения, длящуюся всю жизнь, я понял:

Фото А. КАРАВАЕВА.

ВЕК ЖИВИ, ВЕК

Фото В. ЩЕКОЛДИНА.

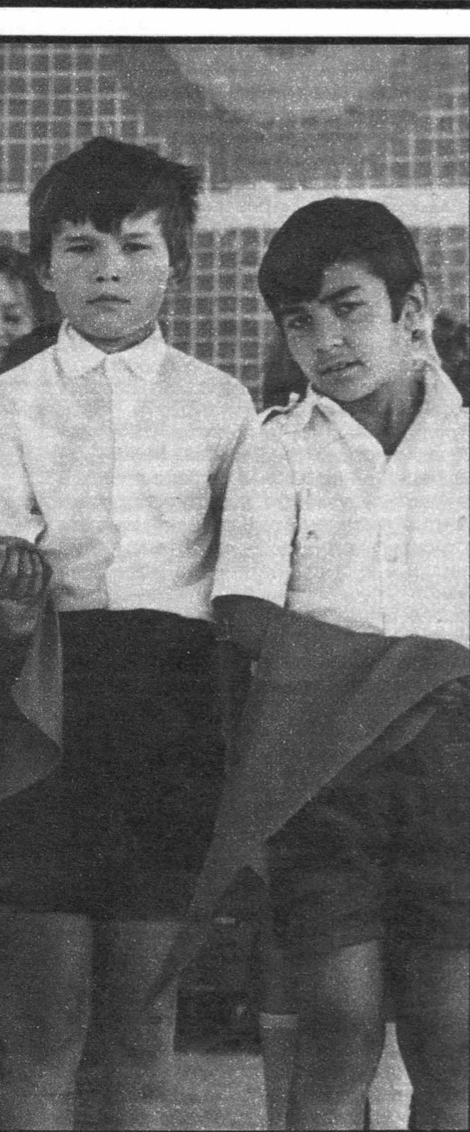
— Я очень часто вспоминаю слова Жоржа Дантона, сказанные во времена Великой французской революции: «Главное для народа после хлеба — школа». Вот и мы в своей деятельности очень долго упирали на то, что время школы еще не пришло, что мы все еще находимся на стадии, когда хлеб важнее школы...

— Во главу угла ставили накопления материальные, а не духовные...

— Вот именно. Может быть, так оно и было по факту, но история нашей страны все-таки показывает другое. Когда был сделан крупнейший духовный рывок? Где-то в 20-е годы. Это был расцвет интеллектуализма, творческий взрыв, поиск новых форм в культуре, искусстве. Посмотрите, сколько учебных заведений в это время организовано, какой бурный период поиска переживала школа! Не столько становления, а именно поиска! Или возьмите конец сороковых — начало пятидесятых. Опять всплеск, внимание к образованию. Почему? Война кончилась, было ясно, что из ее уроков надо делать какие-то выводы,— и опять внимание к образованию.

То же самое видим в развитии таких стран, как Япония, Сингапур, Малайзия, ФРГ, которым удалось сделать быстрый экономический скачок.

Мы декларируем, что вложение капитала в человека — самый выгодный вид вложения. Однако внедрить эту идею в практику не торопимся. Дело в том, к сожалению, что выгода эта

УЧИСЬ

такое объединение разумно, необходимо.

И, конечно, когда встает такая огромная сфера, то ясно, что ею заниматься можно только политически, только стратегически и уже нельзя руководить методами, какие применялись ранее: тащить, не пущать, не давать, жестко регламентировать все и вся.

— То есть нужна единая система, которая бы объединила разные ступени в одно целое?

— Речь идет о более глубоких вещах, речь идет о философии, об осмыслении человеческой личности на разных этапах жизни, об осмыслении человеческого бытия. Ведь главное богатство любой культуры — это все-таки личность. Потому что, как мы ее исторически ни оцениваем, ни усредняем, все равно меряем культуру по достижениям отдельных людей, пусть вместе взятых, но все-таки вместе взятых не толпой, а по отдельности. Поэтому сделать развитие личности принципом всей образовательной системы, несмотря на всю тривиальность такого положения, совсем не просто.

— Почему?

— Над нами тяготеют стереотипы прошлого, которые психологически не преодолены, которые были заложены и в систему образования. В былые времена мы старались как можно раньше определить, сколько стране надо плотников, сколько штукатуров, трактористов, пытались разложить все по полочкам и через стройную систему государственного планирования столько специалистов и готовить.

Одна из трагедий страны состояла в том, что, для того чтобы обеспечить необходимое количество лиц, поступающих после восьмого класса в профтехучилище, в школе сознательно или в большей степени бессознательно создавалась такая атмосфера, что «намеченные» в рабочий класс были счастливы покинуть эту школу и идти куда угодно, не только в ПТУ.

— Можно сказать, что многие негативные явления, с которыми сейчас приходится сталкиваться, были предопределены тем, что в свое время подготовили не тех учителей. То есть мы их готовили на идеологии, которая изначально имела внутренний изъян?

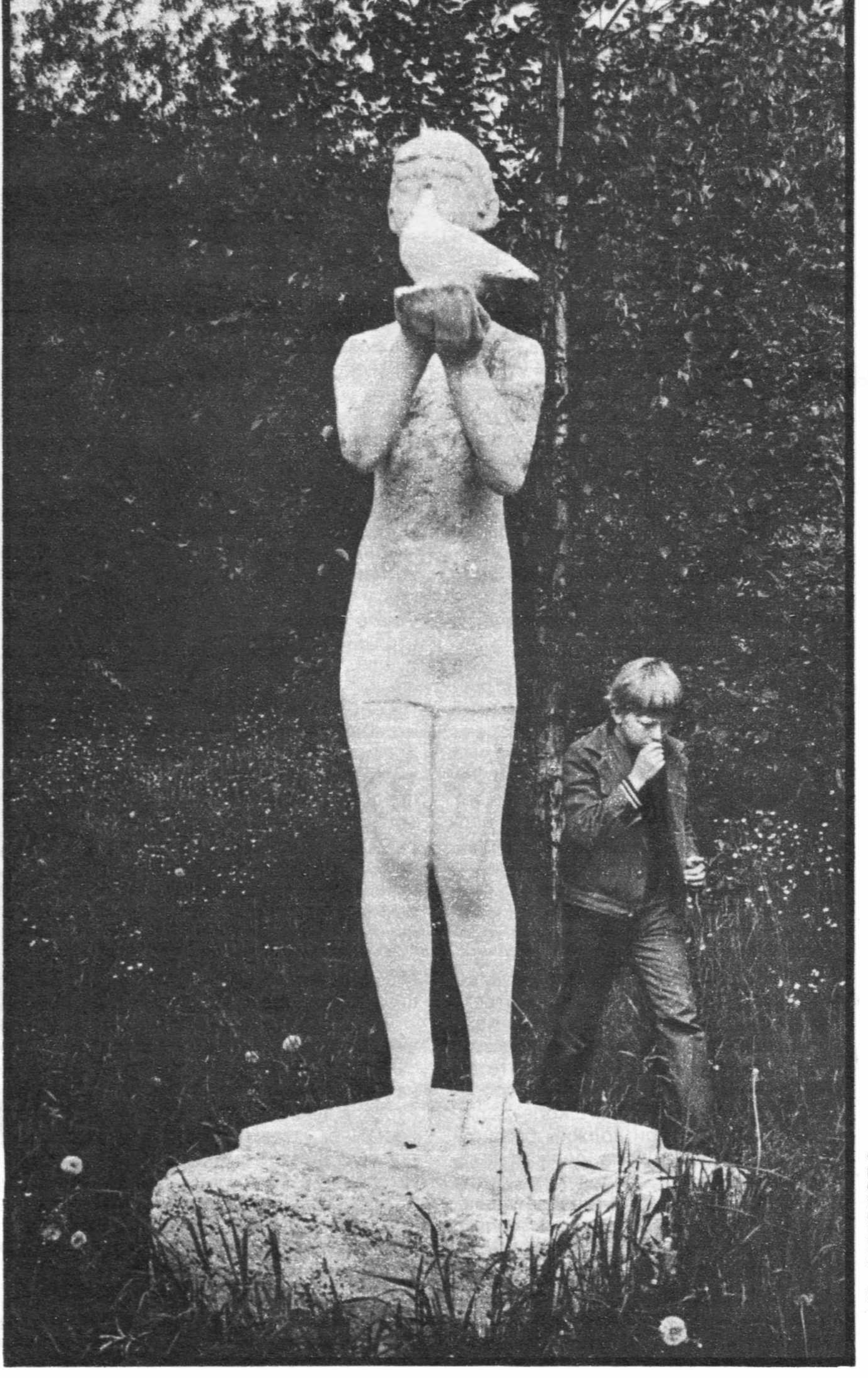

Фото Ю. ФЕДОТОВА.

проявляется не сегодня, а завтра, иногда послезавтра. А заботы и нужды сегодняшние так крепко держат наши планирующие и руководящие органы за горло, что им не до завтра, они думают только о текущем моменте. А когда живешь только нынешним днем, естественно, образование уходит на второй план.

— Но глубокое обновление системы образования, я думаю, зависит не только от директивных инстанций, но и личности педагога...

— Конечно. Но надо помнить и другое. В стране 130 тысяч школ всех видов, где работает около 3 миллионов учителей. Наивно было бы полагать, что новое дело можно поднять там только на энтузиазме, только на личном порыве. Нужны какие-то другие стимулы. Какие? Прежде всего — уважительность общества к учителю. Я по происхождению деревенский, мои родители — сельские учителя из Пензенской области, из района, что лежит у границы с Мордовией.

Мои родители проработали в одной сельской школе более 30 лет. И стоило им появиться на улице, любой встречный еще издали: «Здравствуйте!» — да с поклоном. Потому что и сами они, и их дети, и внуки — все прошли через руки моих родителей.

Вот уважение общества к учителю в микроячейке, когда каждый знает друг друга в лицо, определяется только его отношением к людям и оценкой этими людьми его самого как личности. Когда же мы идем в городок, поселок покрупнее, не говоря уже о мегаполисе, то конкретный учитель теряется в общей массе жителей. Вот тут-то и необходимы защита, уважение к учителю со стороны общества и государства.

— Видимо, материальная в первую очередь...

— Да, и материальная, через зарплату в том числе. Ведь сейчас средняя заработная плата учителя, работающего на полутора ставках, равна 204 рублям, в то время как средний заработок в промышленной сфере — 260 рублей с лишним. Это несправедливо. Ведь учить — это тоже производительный труд. Учитель вкладывает в ученика не только нравственные начала, не только основы отношения к жизни, но и сумму знаний, которые он будет использовать в своей дальнейшей жизни и деятельности. Да и сама наша привычка считать, что сфера материального производства выше сферы интеллектуальной, образования, на мой взгляд, ересь, догма, заложенная в наши гены еще в стародавние времена и от которой мы никак не избавимся.

— К сожалению, материальная ущемленность нашего педагогического корпуса одинакова и в городе, и на селе...

— С той только разницей, что в селе уважение к личности учителя со стороны родителей и вообще всех жителей хотя бы морально в какой-то степени компенсирует неустроенность быта. Но сельский учитель нуждается и в материальной заботе. Сколько их живет в полуразваленных хибарках, на квартирах! Кому-то дров не подвезли, кому-то уголь не выписали. И все-таки на селе учитель более заметен как личность. И хорошего учителя в селе ценят больше, чем хорошего учителя в городе.

Но если говорить о материальной стороне, то мы должны пересмотреть свое отношение к школе вообще. Каждая школа, сельская или городская, должна стать как бы университетом своего микрорайона, его культурообразующим центром. Окна в школе должны светиться и двери должны быть открыты допоздна. Школа должна быть не только для школьников, но и для родителей, чтобы хор был обязательно. Чтобы пьесы ставились, и не только силами учеников. И такие школы, кстати, уже есть.

Но! Чтобы школа работала до 23 часов, уборщица должна успеть ее убрать. Электричество кто-то должен оплатить, а это не заложено нормативно. Поэтому школа должна иметь некие свободы, в том числе и финансовые. Мы сейчас предложили такую систему.

Кроме средств, идущих из государственного бюджета и контролируемых райфо, школа должна иметь еще свои собственные деньги, которыми распоряжается Совет школы, а в нем на равных представлены учителя, ученики и родители. За каждой категорией — треть голосов.

Эти деньги могут быть заработаны школьниками или учителями. А могут быть перечислены какой-то организацией, кооперативом, пожертвованы родителями. В последнем случае пожертвования должны быть анонимными, чтобы не возникали всякие коллизии. Эти деньги должны храниться в сберегательном банке на счету казначея Совета школы, и только Совет решает, на что их тратить: на поездки в Ленинград или Нижний Новгород, на помощь школьнику или доплату учителю.

Знаете, у нас есть такой замечательный педагог Католиков Александр Александрович, который руководит в республике Коми детдомом. Человек он совершенно изумительный, потерял ноги, спасая детей при аварии автобуса. Я был у него в прошлом году и, разговаривая с детьми, спросил, что им больше всего запомнилось из их поездки по стране. Они ответили: «Как мы на базаре покупали продукты». Самостоятельно выбирать продукты, прицениваться, торговаться оказалось для них самым интересным делом.

— Первый самостоятельный шаг в жизни...

— Да-да. Принятие решения, сколько потратить денег,— это жизненная школа, которую взрослые не всегда замечают. А вот дети сами все чувствуют сразу. И им нужно доверять. С ними нужно советоваться по таким житейским вопросам. А для этого и сама школа должна быть более самостоятельной.

— Но согласитесь, кроме воспитания личности, этой личности надо дать еще и знания. Опыт показывает, что тут у нас не все гладко. Не зря же мы все ищем новые формы: лицей, гимназия, колледж...

— Новая форма — это не только название. Идет глубокая перестройка всего учебного процесса в школе. Первые 8 или 9 лет он должен идти по общим программам. Правда, мне лично очень нравится английский подход, когда общая программа может быть осуществлена на трех разных уровнях. Программа одна, а уровень ее изучения, глубина разные. Зачем? А затем, чтобы не нанести урон личности ребенка там, где у него что-то не получается. Вот у него не идет, допустим, физика — не страшно. Зато трактор он может водить лучше, чем тот, кто знает иностранный язык, читает Шекспира.

Завершающая ступень образования становится более профессионально ориентированной. В обычной школе учащиеся, помимо пяти обязательных предметов, выбирают только те, что им больше по душе.

К обязательным предметам относятся прежде всего родной язык и литература. Причем литература в самом широком аспекте, включая мировую классику.

Второй предмет — «Человек и общество», куда войдет история от древнейших времен до современности.

Третий предмет — математика как универсальный предмет.

Четвертый — естествознание, но уже на глобальном уровне. Сейчас такого курса в школе нет, мы тоже над ним теперь работаем — с элементами экологии, с элементами глобалистики, с осмыслением того, какой была Земля в прошлом, стала сейчас, какой она окажется в будущем, чтобы предмет заставил задуматься, есть у планеты это будущее или нет.

Пятый — физкультура как основа здоровья человека, основа физического здоровья всего общества. Ибо здоровье, этот огромный ресурс нации, из-за нашего бескультурья наиболее варварски эксплуатируется.

— Что останется в школьной программе, кроме этих пяти предметов?

— Пять названных — обязательный базис. А дальше — разнообразие. Мы считаем, вот к этим пяти предметам должно быть еще не менее трех предметов по выбору. На этом фоне могут существовать школы с физико-математическим, химико-биологическим, просто химическим уклонами, гуманитарные гимназии. Профессионально-технические училища, техникумы.

— Но для всех обязательны пять ведущих предметов? Даже математика для будущих гуманитариев?..

— Да, обязательна и она. Кстати, я считал прежде, что математика может быть необязательной после 9 лет обучения. Но меня убедили, что это неправильно. Пришлось мне пересмотреть свою позицию. Математика, что бы ни говорили, несет функции универсального языка, обобщающего языка...

— Но ведь все это мы имеем и сейчас.

— Нет, не все. У нас сейчас нет родного языка в старших классах. А та литература, которая есть,— это же не литература, а социально-политические иллюстрации к литературе. Вот 10-й класс, литература, Горький. Во-первых, у Горького берется «Мать», скажем прямо, произведение отнюдь не самое сильное. А в «Матери» на какой отрывок делается упор? Рыбин, по-моему, после суда говорит о Павле: «Ниловна, какой человек, а? Вот надо было бы через тебя перешагнуть — перешагнул бы?» «Перешагнул бы»,— соглашается мать со вздохом. И это у Горького берем, у писателя-гуманиста! Каково? Ведь это хорошо нам с вами, с бородами, мы можем разобраться что к чему, а когда в ребенка такие идеи вбивают?..

— Но это все школа средней ступени. А дальше — высшая. Что тут сделано нового?

— Сейчас на приемных экзаменах мы отказались от всех форм учета биографии: есть стаж, нет стажа, вернулся из армии или не служил вовсе, работал, не работал — не важно. Конкурсные экзамены — единственный критерий. Это очень большое достижение.

Конечно, вступительные экзамены в разные вузы отличаются по сложности, хотя и основаны на одной программе. Но ведь и по одной программе можно спросить по-разному. И поэтому, когда конкурс большой, скажем, на гуманитарные факультеты университета, эти экзамены иногда приобретают форму изощренной пытки. И, конечно, там, где конкурс мал, экзамен делается настолько простым, что его и экзаменом назвать нельзя.

Так вот, мы установили, что не надо любой ценой гнаться за планом приема. Если не приняли достаточное количество — не страшно, мы даже не приводим, как раньше, в соответствие штаты преподавателей, лишь бы не переступить грань: на восемь студентов один преподаватель.

Второе, что мы сделали в высшей школе: отличникам и хорошистам подняли стипендию. Если студент учится только на отличные оценки, его стипендия в полтора раза выше, а если только на «хорошо» и «отлично», то на 25% выше базовой. Базовая стипендия самая маленькая сейчас — 40 рублей, самая высокая — 70 рублей, а с 1 сентября этого года стипендия будет для всех студентов, независимо от успеваемости.

Третье, на что наконец-то решились,— освобождение студентов любого учебного заведения от службы в армии. Раньше разрыв в два-три года из-за армейской службы сводил первый год обучения на нет. Можно было считать, что фактически его не было. Это очень непростое решение.

Конечно, армия лишилась самой способной части молодежи. Но я глубоко уверен, что поступили абсолютно правильно, что наш шаг высоко гражданский и патриотичный, ибо самая высокая форма патриотизма — забота о стране и о ее будущем.

Четвертая акция, которая была архиважной, состояла в том, что мы сказали: нет условного перевода с курса на курс. То есть если у тебя двойка, которую ты до 1 сентября не ликвидировал — уважительная ли причина, неуважительная, никаких индивидуальных графиков,— ты просто не переводишься на следующий курс. Тебя еще могут оставить на второй год, но перевести — нет. А это существенно. Когда в 1985 году я стал министром высшего и среднего специального образования, этим условным переводом пользовалась треть обучающихся. Каждый третий студент был переводим условно, с «хвостом» по одному или двум предметам, а значит, учить его новому было бесполезно: он не знал предыдущего материала, к тому же был сконцентрирован на том, чтобы ликвидировать задолженность. А поскольку в учебном процессе массового обучения любой педагог ориентируется все-таки не на сильного слушателя, а на слабого, чтобы все поняли тему, это приводило к огромным потерям.

И, наконец, пятое нововведение — привлечение студентов к управлению учебным процессом. Мы ввели студентов в ученые советы. Как ни спорно это звучит (недоучка-студент — член ученого совета), но, являясь таковыми, участвуя в отборе и конкурсе преподавателей, студенты получают единственную возможность реально влиять на качество преподавательского состава.

— Может, на ваш взгляд, повлиять на принятую у нас систему образования переход к рыночным отношениям в экономике?

— Вне всякого сомнения. Именно поэтому мы присматриваемся и к зарубежному опыту. Думаю, нам надо вернуться к мировой системе и тоже иметь две ступени высшего образования: бакалавр и магистр. Этого требует развитие рынка. Сейчас у нас считается: раз ты поступил в институт, то ты обязательно будешь тем-то и рабочее место тебе будет приготовлено. Но раз мы идем к рынку, значит, будет и рынок труда, и мы должны подготовить людей к его жестким требованиям.

Ведь у нас сейчас только каждый второй выпускник пединститута становится учителем, только один из трех строительного вуза — строителем. Значит, и в институтах не надо гнаться за узкой специализацией, нужно давать более широкое образование на первой ступени, которая соответствует званию бакалавра, а на второй ступени можно давать более профессиональное в соответствии с заключенными договорами по месту будущей работы. Мы обдумываем сейчас эти положения.

— Если я правильно понял, то нам предстоит поменять всю нашу прежнюю систему народного образования, которая показала свою неэффективность...

— И главное — показала свое несоответствие сегодняшним требованиям экономики, техники, культуры, требованиям современных производств и технологий...

— Но если в обновлении нуждается наша средняя и высшая школа, то, видимо, и в дошкольных учреждениях надо менять многое. Ведь их нельзя исключить из единого процесса подготовки, воспитания и образования...

— Конечно, мы не можем оставить в прежнем виде и систему дошкольных учреждений. У нас она бедна до нищенства. Тут надо менять прежде всего нормативы. То есть на одного воспитателя должно приходиться меньшее количество детей. Эти нормативы уже разработаны, их можно вводить. Теперь уже не государство определяет количество воспитателей и нянечек в детских садах и яслях, а муниципалитет, местный Совет, часто даже только

Окончание на стр. 31.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие товарищи, мне очень хочется вернуть изначальный смысл этому великому слову и попросить у вас товарищеского понимания и товарищеской помощи. Сегодня «Огоньку» очень трудно.

Нас припирают к стене начинающейся подпиской, взвинтив цену еженедельника до сорока шести рублей с лишним. Конечно, с одной стороны, это стоимость всего двух бутылок не самого лучшего советского коньяка, но с другой — нас загоняют в угол, из которого трудно докричаться до демократического читателя. Мы очень рассчитывали на свою хозяйственную самостоятельность, сдавали все регистрационные документы, доверившись свежепринятому Закону о печати. С примерной порядочностью вело себя издательство «Правда», руководители которого долго и честно напрочь отказывались подавать регистрационное заявление на «Огонек», обоснованно считая такую претензию незаконной.

В конце августа руководству издательства был предъявлен ультиматум: или они претендуют на захват «Огонька», или уходят в отставку...

Это рэкет. Мы зарабатываем для Системы слишком много денег, чтобы нас оставили в покое. Когда коллектив редакции потребовал снизить стоимость годовой подписки и за счет сокращения прибылей начать льготную подписку «Огонька» для ветеранов, инвалидов и массовых библиотек, мы получили отказ. Старый марксистский тезис: выколачивание сверхприбылей является приметой угнетательской. Ныне стремление к этому выколачиванию торжествует в решениях и действиях организаций, эксплуататорских формаций официально не признающих. Стоит задуматься.

Нам очень трудно. Игнорируя все законы и правила, от нас требуют работать на копилку, которую мы не хотим больше наполнять. Система уже не ищет логических объяснений, никакие законы о печати даже не цитируются в разговорах с представителями редакции. Дорогие товарищи, нам очень нужна ваша поддержка. Время трудное, сегодня одно государство может оккупировать другое государство лишь потому, что у агрессора появились финансовые затруднения. Где уж тут замечать унижение журналов и отдельных людей. И тем не менее бесцеремонность должна быть наказуема, рэкетирство следует пресекать.

Видит Бог, нас провоцируют на шаги, которых мы предпринимать не хотели, с нами уже даже не разговаривают на равных.

Журнал будет продолжать делаться с максимальной ответственностью перед вами, дорогие читатели. Как выяснилось, у нас нет, да, по сути, и не было другой защиты.

Мы рассчитываем на вас.

Сейчас я уйду в отпуск, но и его использую для борьбы за журнал. Так и не могу понять того провокаторского энтузиазма, с которым нас пытаются вытолкнуть из круга, противопоставить, загнать в угол.

Все решения нашим трудовым коллективом приняты. Мы будем верны им. Жаль, что по-хорошему договориться не удалось; идея народного журнала встала поперек горла некоторым из ревнителей идеалов, доведших страну до катастрофы.

Вы не представляете, как все это обидно и больно. До бессонницы, до муки сердечной.

Виталий КОРОТИЧ

ЦЕНА СЛОВА

Продолжаем информировать читателя о событиях, связанных с регистрацией журнала «Огонек».

Главное событие — совещание 21 августа в Госкомпечати СССР, которое было посвящено конфликтам, возникшим в ходе регистрации «Литературной газеты», журналов «Нева», «Знамя», «Юность» и «Огонек». Напомню: у всех этих органов печати несколько претендентов на статус учредителя.

Перед тем как ознакомить читателя с позициями заинтересованных лиц, позволю себе высказать общее впечатление от совещания. Во-первых, оно выявило некомпетентность Госкомпечати СССР в решении конкретных юридических и организационных задач и уж совсем неожиданно — желание этого ведомства спихнуть с себя возложенные на него Верховным Советом и правительством обязанности. Во-вторых, совещание наглядно продемонстрировало удивительную способность чиновников использовать Закон о печати таким образом, чтобы еще больше закабалить прессу, юридически закрепив монополию на печать дискредитировавших себя за многие годы организаций и ведомств. Кроме этого, совещание полностью подтвердило опасения, высказанные мной ранее («Огонек» № 34): Госкомпечать, вернее, те, кто стоит за проводимой им политикой, затягивает процесс регистрации.

На совещании (как и ранее — Д. Мамлеевым по телефону) было заявлено, что на «Огонек» в качестве учредителя, помимо трудового коллектива журнала, претендует коллектив издательства ЦК КПСС «Правда». На самом деле никакого заявления, написанного по форме, предусмотренной Законом о печати, тогда и еще долго после этого не было. Было **письмо** из издательства с просьбой к Госкомпечати составить график регистрации органов печати, издающихся в «Правде». И более — ничего. Почему это письмо трактуется как «серьезное притязание, чтобы выступить в качестве учредителя» (А. С. Горковлюк), честному человеку понять трудно. Неужели не ясно, что учредитель и издатель — не тождественные друг другу понятия?

Закон требует подать заявку по определенной форме, в которой один из самых главных пунктов — это пункт 6: «Программные цели и задачи» издания. Редакция, когда заполняла этот пункт, заявила те цели и задачи, которые уже обеспечили журналу многомиллионную читательскую аудиторию. Интересно, а какую программу для «Огонька» приготовили аппаратчики из Управления делами ЦК?! Работники Госкомпечати, на словах заявляя, что они «приглушают свои политические пристрастия», «чтобы соблюсти Закон о печати», на деле выступают в роли добровольных адвокатов чиновников со Старой площади; именно их интересы они защищают, вводя в заблуждение общественность.

Другой пример. В выступлении А. Горковлюка позиция «Огонька» и ряда других популярных изданий, чьи редакционные коллективы решили «самоучредиться», была представлена следующим образом: мы-де имеем исключительное право на учреждение самих себя и никто, кроме нас, не может претендовать на это право. Налицо явная передержка, так как никто, никогда и нигде подобного не утверждал. Говорилось о другом, о преимущественном праве трудового коллектива редакции быть собственным учредителем, поскольку, в частности, он подал заявление о регистрации раньше своих «конкурентов». И, руководствуясь буквой и духом Закона, Госкомпечать, будучи действительно беспристрастной, должна была бы нас зарегистрировать, а «конкурентам» нашим отказать, сославшись на п. 2 ст. 11 Закона о печати. И хлопот было бы меньше, и совесть чиста! Но рабская покорность высокопоставленным «хозяевам» заставляет Госкомпечать и совестью пренебречь, и хлопот не чураться.

Теперь вкратце позиции сторон.

Позиция Госкомитета по печати. Горковлюк А. С.: «...Мы в сложном положении. Закон о печати не предусматривает, что же делать при наличии претендентов на статус учредителей. Что мы предлагаем и как мы собираемся действовать. Хотим приостановить действие заявления с момента первой претензии. Хотим предложить товарищам в течение 20 дней договориться — с тем, чтобы выдержать месячный срок регистрации... Может быть, представить суду решать спор...»

На вопрос, когда было подано заявление коллектива издательства «Правда» на учреждение «Огонька», Горковлюк ответил, что «это не имеет существенного значения». На вопрос, адресованный товарищу Мамлееву Д. Ф., как Госкомпечать будет реализовывать положение Закона о недопустимости монополии на средства массовой информации, тот ответил: «Давайте не будем углубляться в теорию».

Позиция Управления делами ЦК КПСС. Костров В. В.: «Да, мы претендуем на то, чтобы быть учредителями. Кто «мы»? Не будем пока раскрывать эту позицию. Думаю, что нам надо встретиться и обговорить все детали будущего этого журнала (имеется в виду «Огонек»)... Если вы хотите иметь какой-то собственный журнал, пожалуйста — создавайте новую редакцию, ищите себе издателя, ищите полиграфическую базу и действуйте, как вам нравится!»

Куклинов А. С.: «Управление делами ЦК КПСС с уважением относится к «Огоньку»... Наша судьба с вами повязана с 1937 года... Для того, чтобы уйти от конфронтации, я бы сдвинул сроки регистрации... Если поглядеть на то, что пишется о нас в прессе, то Управление делами ЦК КПСС — это монстр какой-то, это чудовище на сегодняшний день, которое душит всех и вся...»

На вопрос, уполномочил ли коллектив издательства «Правда» чиновников Управделами ЦК выступать от его имени, прозвучал ответ, что издательство «Правда» — это предприятие ЦК КПСС.

Впечатляют и угрозы, и ностальгическая ссылка на 37-й год, и «уважительное отношение к «Огоньку», и желание оттянуть решение о регистрации бессмысленными переговорами о соучредительстве...

Позиция члена Комитета Верховного Совета СССР по законодательству Себенцова А. Е.: «Наступает подписка. Читатели должны знать, на что они подписываются и какую программу будет выражать то или иное средство массовой информации. Нельзя забывать, что редакции, по сути, представляют собой действующие предприятия, что они являются выразителями определенной программы. Учредители должны взять на себя роль женихов и обращаться к невесте (редакции), чтобы решить с ней вопросы дальнейшей жизни, и не пенять ей, что она-де хочет уйти в монастырь, не договорившись до этого с потенциальными женихами...»

Выступление товарища Себенцова А. Е.— одно из немногих на совещании, содержащее поддержку тех редакций, которые стремятся освободиться от опеки организаций, чьим органом они являются. К сожалению, представитель Комитета Верховного Совета не выразил своего отношения к ситуации с «Огоньком». А ведь наш журнал имеет совсем иную историю. До революции его издавал владелец «Биржевых ведомостей», с 1923 по 1926 год он входил в систему издательства «Мосполиграф», затем до 1937 года он был народным предприятием (ради него было создано Акционерное общество «Огонек», пайщиками которого были 163 издания, позднее реорганизованное в издательское предприятие «Жургаз»). Даже после того, как был арестован создатель и главный редактор «Огонька» Михаил Кольцов и журнал производственно обслуживался, печатался в издательстве ЦК ВКП(б), он не стал чьим-то органом!

***Владимир* ВИГИЛЯНСКИЙ,**
председатель совета трудового коллектива журнала «Огонек»

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Увы, свершилось. В пятницу вечером, не выдержав все нарастающего многодневного давления, руководители издательства ЦК КПСС «Правда» подписали заявление о регистрации «Огонька», сочиненное в недрах отделов ЦК КПСС.

Мы сочувствуем издателям. Более того, испытываем к ним симпатию — за стойкость, за мужественную попытку отстоять законность и свое человеческое достоинство. Шутка ли: им, крепостным ЦК КПСС, более трех недель держаться принципиальной позиции в неравном противостоянии с всесильным хозяином.

Нам удалось краем глаза заглянуть в перечисленные в заявлении программные цели и задачи, предписываемые неким редактором со Старой площади их будущему «Огоньку». Наверное, они не плохи для «Партийной жизни», например, или «Диалога». Но не для «Огонька», каким он сложился в последние годы под влиянием читательских интересов и каким он видится коллективу редакции, открыто для всех выразившему свое кредо — в своем заявлении о регистрации журнала.

Чины из ЦК КПСС, конечно же, ничего не сделали открыто. Они не поставили в известность о концепции задуманного ими «Огонька» не то что коллектив, но и главного редактора, вообще ни одного работника редакции. Все опять во мраке строгой секретности, подпольщины, за спинами общественности, читателей, журналистов. Так действует аппарат партии, возродившейся, как мы не раз читали в «Правде», в истинном большевизме, животворно обновленной на XXVIII съезде. Нетрудно предположить, каким может стать принадлежащий ей «Огонек».

Многие читатели в последние дни заявляют, что воздержатся от подписки на «Огонек», пока не решится вопрос, кто станет его учредителем. Наш совет иной: оформлять подписку! Да, волынка с учредительством может затянуться надолго, но мы, читатели и журналисты, должны победить, ибо закон на нашей стороне. Отказаться же от подписки и вернуть свои деньги, напоминаем, вы имеете право в любой момент.

А пока — мы об этом уже писали в нашем журнале — своей активной подпиской вы реально поддержите «Огонек» в его непростой борьбе за свободу слова. За вашу свободу, дорогой читатель!

■

У нас в Павлодаре на собрании областного партактива выступил делегат XXVIII съезда КПСС, первый секретарь обкома партии, председатель облсовета и народный депутат СССР Ю. Мещеряков. Эта речь изумила нас целым рядом новаций.

Поскольку высшие партийные эшелоны прекращают выплату дотаций Павлодарской организации коммунистов, обком решил изыскать для себя средства на месте. И уже на этом партактиве парторганизация управления внутренних дел облисполкома предложила ему 30% своих членских взносов. Правда, некоторые на собрании воспротивились, но...

Вся страна знает, что в Казахстане выборы в местные Советы проходили не самым демократичным образом. Но нашему «авангарду» и этого показалось мало. Формировать власть надо серьезно и основательно. Интересная мысль — создание территориальных партийных организаций, которые прямо нацелены на работу с избирателями по месту их жительства. Малейшая осечка на выборах исключается!

К производству — интерес особый, все из-за того же сокращения дотаций. Решено ввести на производстве институт «политорганизаторов», которые будут заместителями первого руководителя со ставкой не меньше ставки главного специалиста. А зарплату даст не кто иной, как трудовой коллектив. На партактиве почин был подхвачен и сейчас уже шагает по области. А на каком основании? Почему трудовые коллективы должны содержать партийных функционеров? И в каком штатном расписании вы видели должность замполита?

Ай да народный депутат! Ай да председатель областного Совета! Сам же, можно сказать, отменял шестую статью Конституции и сам же ее не просто реанимировал, но и вознес на небывалую высоту.

Г. ОСИПОВ
Павлодар

■

К вам обращаются военнослужащие вертолетной эскадрильи. В нашем подразделении в данный момент назрела критическая обстановка. Во время XXVIII съезда КПСС и после его окончания в первичной партийной организации эскадрильи из 48 членов КПСС десять офицеров прекратили свое членство в партии.

Этот процесс продолжается, и сейчас из партии вышел секретарь партбюро капитан С. Рыжов.

После этого массового выхода начался жестокий прессинг со стороны политотдела части во главе с подполковником А. Малаховым. Поставлен вопрос о переаттестации вышедших из партии — разумеется, в худшую сторону. Публично заявлено, что, пока партия проводит в армии кадровую политику, все вышедшие из КПСС пусть даже не думают о продвижении по службе. И последняя капля: заявление подполковника Малахова о том, что три человека, в том числе и вышеупомянутый капитан Рыжов, будут уволены из Вооруженных Сил за антипартийную деятельность. В дальнейшем всех вышедших из КПСС соберут в одну эскадрилью, которую впоследствии расформируют.

Все офицеры, вышедшие из КПСС,— отличные специалисты и весь период службы являлись примером для других офицеров. Мы будем стоять за свою честь, и нас поддерживает весь коллектив эскадрильи. Нас интересует, как в государстве, которое стремится стать демократическим и правовым, может происходить преследование людей, которые решили освободиться от догм и начать мыслить самостоятельно?

Мы, офицеры, присягали служить народу и Родине. Большинство из нас несло службу в Забайкалье, на Дальнем Востоке, в Афганистане. Мы не с чужих слов знаем о тяготах и лишениях военной службы. Мы готовы и дальше выполнять свой воинский долг независимо от партийности, но мы не можем смириться с подобной дискриминацией наших товарищей.

ХАЛАИМОВ, МЕЗЕНЦЕВ, ТЕМГУЗ и другие
(всего 56 подписей)

■

Несколько лет назад я побывала во Франции. Поездка была не просто туристической, а «специсательской». В ней было очень мало писателей, но много различных «сотрудников». Разрешение мне, провинциальному поэту, удалось получить на эту поездку «со скрипом» и денег наскрести удалось с трудом...

Не успев покинуть пределы Отечества, я услышала от интуристовской дамы призыв собрать деньги на подарки кому-то ТАМ... Как только мы ступили на землю Франции и получили конвертики с горсточкой франков на «попить чаю близ Монмартра» — снова клич о сборе франков на покупку цветов для возложения к стене Коммунаров и на оплату посещения квартиры-музея Ленина на улице Мари-Роз. Мало кто знает, что во Франции посещение музеев бесплатно... Но как нам не очень вразумительно объяснили, квартира-музей охраняется и обслуживается двумя старичками, которым все наши, советские, приезжая, собирают франки и вручают, как бы благодаря старичков за самоотверженную идейную службу. Великая всетаки вещь — воспитание в каждом из нас духа рабского патриотизма; попробуй воспротивься, не дай свои франки — морально растопчут...

Я бы не вспомнила, может быть, про эти жалкие франки, если бы не доклады на недавно прошедшем XXVIII съезде КПСС зампреда Центральной ревизионной комиссии А. Низовцевой и управляющего делами ЦК КПСС Н. Кручины, в которых говорилось, как щедро, по-царски, распоряжаются они миллиардной казной партии...

А что имеют многие «скромные служители» этой самой партии? Машины лучших марок, санатории в сказочных уголках страны, дачи и прочие вещи, перечислять которые долго... Все это — из той же самой казны, которая служит «ленинским идеям», но в которой не нашлось ни единой копейки — ни советской, ни зарубежной,— чтобы выделить ее на содержание квартиры-музея...

Я думаю, что если бы самые крупные коммунисты нашей страны выделили бы из своих немалых средств немного денег для двух бедных стариков в Париже, то, наверное, в ленинском ореоле прибавилось бы живого человеческого света, того, о котором любят вспоминать выдержанные коммунисты.

А то ведь как получается — идеи ваши, деньги наши...

С. МЕКШЕН
Липецк

■

По коммерческому каналу телевидения несколько раз за день в блоке развлекательных музыкальных номеров прозвучала песня «Русские идут» в исполнении необъявленной рок-группы.

Думаю, что стоит посмотреть на содержание текста этой песни в свете сложнейшей национальной ситуации в нашей стране. Сейчас надо не разжигать, а, наоборот, гасить все связанные с этим вопросом отрицательные эмоции. А текст песни может самым нежелательным образом подействовать на многомиллионную аудиторию зрителей, которые видели и слышали эту передачу.

Не хочу цитировать текст, но тенденция героев песни, которые «открывают дверь плечом», «а кто против — пусть бегут», что рифмуется со строкой «русские идут»,— достаточно ясна. Если еще учесть, что во время инструментального отыгрыша солист, призывая аудиторию аплодировать, спрашивает: «Что, русских в зале нет?» — можно составить впечатление о характере этого опуса.

Как же можно такими агрессивными «произведениями» настраивать людей других национальностей против русского народа, который добр, щедр душой, миролюбив и, конечно, не нуждается в подобной «защите» своих интересов! Могу представить, как в нынешней ситуации слова «русские идут» могут воспринять зрители из Армении, Азербайджана, Прибалтики...

Глубоко убежден, что русскую идею нельзя утверждать через угрозы, по формуле «сила есть — ума не надо». Это могут делать только люди, которые, хотят они этого или нет, способствуют настороженному отношению народов, населяющих нашу страну, к проблеме русского национального возрождения. Эта идея, на мой взгляд, должна осуществляться не за счет утверждения исключительности, превосходства одного народа над другим. Иначе нас ждет эффект горящей спички, поднесенной к пороховой бочке.

Ю. САУЛЬСКИЙ, композитор
Москва

■

Из газеты «Известия» от 7 августа 1990 года я узнал, что за годы правления в Чили военного режима генерала Пиночета было расстреляно и пропало без вести 1800 человек.

Я всем сердцем соболезную чилийскому народу, любая человеческая жизнь бесценна. И если даже единицы приносятся в жертву режиму, такой режим не может считаться демократическим, его можно назвать фашистской диктатурой.

Но в свете чилийской трагедии как оценить масштабы нашей, разразившейся на советской земле во имя самого передового и всесильного учения? Стараниями «отца всех народов» и его приспешников? И как назвать наш режим, нашу идеологию, нашу ВКП(б) — КПСС — «вдохновителя и организатора»?..

По оценкам ряда историков, за 36 лет, не считая потерь, непосредственно связанных с войной, у нас было уничтожено 60 миллионов человек. В год мы теряли по идеологическим мотивам приблизительно 1,7 миллиона человек. Так, выходит, во сколько раз наш строй был бесчеловечней диктатуры Пиночета?

Из информации в «Известиях» следует, что чилийские суды проводят сейчас расследование, чтобы определить степень виновности ВСЕХ, кто нарушал права человека во время диктатуры. А как у нас обстоят дела через 37 лет после смерти тирана? Не суды, а комиссии, назначенные КПСС, изучают материалы и медленно, дозированно реабилитируют невиновных. И ни слова о тех, кто нарушал права человека, кроме ближайших помощников Сталина. Правящая партия уничтожала людей, она же и реабилитирует их.

Так, может, сравнение с кровавым режимом Пиночета вразумит руководящие головы? Уже давно пора выявить поименно всех «героев» беспрецедентной коммунистической бойни — не для наказания, а для назидания. Может быть, эти цифры помогут наконец руководству КПСС набраться мужества и от имени всей партии за все годы своего правления принести покаяние перед всеми нашими народами, перед каждым отдельным гражданином?

В. СЕРЕБРЯКОВ
Московская область

■

С озабоченностью мы следим за сообщениями о том, что в некоторых городах вашей страны граждане еврейской национальности все чаще сталкиваются с оскорблениями и угрозами. Например, в листовке общества «Память», оригиналом и полным переводом которой мы располагаем, высказывается требование «принять закон о десионизации СССР и упразднении привилегированного положения евреев». По этому закону люди должны лишаться работы, выдворяться из страны или быть гражданами второго сорта. Это почти полностью бы соответствовало законам и мероприятиям немецких национал-социалистов 1933—1935 годов.

Понятно, что «Память» пока представляет собой группу фанатиков, к счастью, не столь многочисленную. Но тем более нас не может не тревожить то, что мы слышим, как некоторые значительные русские писатели, ученые и публицисты повторяют на политических митингах, в книгах и журналах, издаваемых миллионными тиражами, абсурдные измышления о «жидо-масонском заговоре», и это в то время, когда весь мир с напряженным вниманием и симпатией следит за демократическими переменами в СССР.

Не воспринимайте превратно это обращение: мы не хотим проводить несоответствующие исторические параллели. И в нашей стране существуют неонацистские, шовинистические и антисемитские группировки. Но на основе анализа истории

нашей собственной страны не можем относиться легкомысленно к этим тенденциям. На нас лежит тяжелым грузом воспоминание о массовых убийствах евреев в нашей стране, вызванных разжиганием антисемитизма, искаженно представляющего евреев угнетателями и общими врагами.

Мы хотели бы этим письмом выразить свою озабоченность и попросить вас всеми силами противостоять зарождению подобных явлений. Нельзя забывать в конце концов, что речь идет и о наших собственных интересах в свободном обмене идеями и информацией в нашем общем доме — Европе. Обмене, свободном от параноидальных страхов и подозрений.

Г. КЕНЕН,
от имени группы ученых
и публицистов ФРГ
Бонн

■

Нельзя без боли читать строки из статьи «Секуритате» («Огонек» № 5) о драматических событиях в Румынии. Беззаконие и произвол «железной гвардии», о бесчинствах которой поведал автору статьи человек, ставший жертвой насилия, у нас не вызывают сомнения. Все, рассказанное им, рождает чувство сострадания и возмущения. Однако разумно ли без комментариев сообщать о том, что в одной из тюрем палачи-железногвардейцы не без иронии говорили своим жертвам, что они работают «по системе» Макаренко? Какая же это «система» А. С. Макаренко, если они доводили людей до животного состояния! Это не «система» Макаренко, а система фашистского насилия. При этом садисты добавляли, что действовали по «запискам» Макаренко, которых, мол, нет в его книгах. Мы с полной уверенностью заявляем, что подобных неопубликованных «записей» А. С. Макаренко после себя не оставил и не мог оставить в силу своих человеческих качеств, подобных заявлений он никогда не делал.

Неопубликованное наследие А. С. Макаренко, с которым работают сейчас не только советские макаренковеды, но и наши зарубежные коллеги, полностью опровергает любую попытку очернить Антона Семеновича, а его педагогическую систему пристегнуть к упряжке сталинщины и чаушесковщины.

И. ЯЦЕНКО, Р. БЕСКИНА,
Ф. МЕР, С. НЕСКАЯ
Москва

■

Сейчас пресса пестрит разоблачениями «афер века»: крупных проектов, в результате чего в землю закапывались миллионы рублей, широких жестов наших лидеров, которые выбрасывали миллиарды на «помощь дружественным режимам». На фоне этого проблемы острова Шпицберген кажутся ерундой. Ежегодные дотации государства на содержание заведомо убыточной угледобычи — всего 80 млн. руб. в год, и людей, блаженствующих на этой синекуре,— всего 2400 человек.

Но, если копнуть, и на Шпицбергене можно обнаружить много интересного. Во-первых, помимо 80 миллионов, которые идут на покрытие расходов на содержание убыточных рудников, норвежские власти вот уже 11 лет ежегодно передают тресту «Арктикуголь» 15 тыс. долларов на проведение природоохранительных мероприятий. Но следов от этих долларов на острове не заметно. Уголь, который здесь добывается, берут только потому, что сейчас госпредприятиям не жалко выбросить на ветер не принадлежащие им деньги. Но как только страна перейдет на рыночные отношения, здешний уголь никто брать не будет. Он годится только как топливо, но в нем слишком высока зольность — забивает колосники печей, и даже на печки он не пойдет. Предчувствуя это, «Арктикуголь» вовсю занимается освоением новых отраслей — добыча и переработка водорослей, производство кирпичей и т. д. Логика простая, выбивается сколько можно денег через Госплан, на них строятся заводы, чтобы потом сказать: «Как же, вложили столько миллионов, не бросать же все это...» Цель ясна — удержаться на плаву, сохранить присутствие на Шпицбергене.

А вот почему: с прошлого года неофициально разрешен «чейндж» — меновая торговля советских шахтеров с норвежцами. Меняются балалайки, часы, водка на кассеты и ширпотреб. Наиболее активно этим занимается начальство; у него есть возможность «толкнуть» дефицитные продукты, получаемые из СССР практически бесплатно.

Шахтеры периодически проводят предупредительные забастовки, в прошлом году избрали совет трудового коллектива. Партком на Шпицбергене на днях наконец ликвидировали, словом, жизнь кипит.

П. ОБУХОВ
секретарь Консульства СССР
Баренцбург, о. Шпицберген

■

В последнее время мы много говорим и пишем о взаимном уважении. И это правильно. Пора от забитости, от принижения личности перейти к равенству, к полной свободе общения независимо от положения и должностей. И пример в этом должны показывать журналисты.

Что это не так, можно (в качестве примера) привести несколько последних публикаций наших центральных газет. Так, 4 июня 1990 года было опубликовано «Интервью М. С. Горбачева и Э. А. Шеварднадзе корреспонденту АПН для советского телевидения». Кто давал интервью, ясно. А кто интервьюировал? Безымянный корреспондент АПН.

В тот же день было напечатано «Интервью М. С. Горбачева Центральному телевидению СССР». Корреспондент опять остался безымянным. 29 июня были опубликованы беседы с членом Политбюро В. А. Медведевым и секретарем ЦК КПСС О. Д. Бакलановым, а те, кто задавал вопросы, остались в тени.

Справедливости ради надо сказать, что 5 июня 1990 года в отчете о совместной пресс-конференции были указаны обе стороны. Но уже 10 июня на пресс-конференции фамилии корреспондентов вновь исчезли, остались лишь редакции, от которых эти вопросы задавались. Нас часто учат: «Начни с себя!». Нельзя ли и журналистам «начать с себя»?

Б. РОМАНОВ
Севастополь

■

Редакция информационного бюллетеня «Кадры», рекламу которого вы увидели на обложке двадцать седьмого номера журнала «Огонек», приносит вам свои извинения и сообщает, что наши банковские реквизиты изменились.

Всем желающим оформить подписку на 6 номеров бюллетеня «Кадры» следует перечислять 180 рублей в Мосстройбанк ИКА «Москва» на счет 161215. Банк получателя: Управление по кассовому исполнению Госбанка СССР, г. Москва, МФО 299 101, р/с. 2345118.

Телефоны: 921-13-48 и 268-56-47.

Редакция бюллетеня «Кадры»

■

Прочитала ваше «Актуальное интервью» в журнале № 12 за этот год с директором гостиницы Центрального Дома туриста В. Абрамовым.

Я работаю гидом-переводчиком во Всесоюзном хозрасчетном объединении «Интурист-Ленинград» уже 20 лет. За последние годы значительно ухудшился сервис в наших гостиницах, и причина не только в отсутствии валюты. У нас есть и импортное сантехническое оборудование, и дорогая заграничная мебель, и большой штат обслуживающего персонала. Но культура обслуживания не на высоте. В гостинице большинство горничных в первую очередь стараются скупить у туристов вещи и только потом приступают к своим прямым обязанностям. А что мешает официанту подать гостю еду на теплой тарелке (машины для подогрева, закупленные на валюту, есть почти во всех ресторанах «Интуриста»), не швырять ее перед туристом, а вежливо подать? Или метрдотелю вежливо, с улыбкой встретить гостей? Надо обратить самое серьезное внимание на элементарные вещи. Извините, но часто, когда едешь на автобусе по нашей необъятной стране, нет по дороге нормального туалета, куда бы не стыдно было войти.

Я не хочу сказать, что все горничные спекулянты, а все официанты грубые. Но именно наши недостатки прежде всего бросаются в глаза иностранным туристам, создавая тем самым неблагоприятное впечатление о нашей стране. А это ведет к сокращению туристов и, естественно, наших доходов.

Хочу сказать о гидах. Не подумайте, что защищаю честь мундира, но скажу, что гиды — это та часть «Интуриста», которая наиболее ответственно относится к своей работе. Мы выслушиваем все претензии наших клиентов, должны краснеть за тараканов в номерах гостиниц, за маленькие порции еды в ресторанах, за грубость таможенников и т. п. Ведь гид один на один с группой. Многие иностранные туристы отмечают высокий профессионализм наших гидов, их тактичность, хорошие организаторские способности.

Я специально не касаюсь экономических вопросов, здесь я во многом согласна с В. Абрамовым. Думаю, что если бы все работники нашей системы с большей сознательностью относились к своей работе, тогда туризм приносил бы стране значительный доход.

Л. ФИШ,
гид-переводчик фирмы
«Интурист-Ленинград»

■

Грядет очередное повышение цен, к сожалению и прискорбию, и на периодику тоже. Но, поскольку «Огонек» стал одним из моих любимых журналов, ничто не может меня поколебать, я останусь подписчиком «Огонька».

Мне очень импонирует желание редакции стать независимой от кого бы то ни было, но быть выразителем общенародных интересов и мнений.

Как в связи с этим понимать членство в КПСС Виталия Коротича, если учитывать 6-й пункт заявления о регистрации журнала?..

К. АДАРИЧ
Тольятти

ОТ РЕДАКЦИИ: Из анкет, заполняемых при приеме на работу в наш журнал, изъяты две графы: партийность и национальность. Мы считаем, что в нерабочее время любой сотрудник «Огонька» волен посещать собрание той партии, которая ему по душе. Отношения сотрудников с КПСС, которая владеет издательством, печатающим «Огонек», становятся все сложнее именно в связи с позицией, занятой ЦК по поводу подавления наших порывов к самостоятельности. Трудовой коллектив обратился к руководству журнала с требованием приостановить членство в КПСС, если события будут развиваться так же. Руководство журнала пока еще не ссорилось с коллективом...

ВАС ЖДЕТ СУДЬБА В КАНАДЕ

Вы можете найти друга и спутника жизни в Канаде и во всей Северной Америке, если расскажете нам немного о себе и вышлете 3 фотографии в конверте с обратным адресом. И обязательно 25 американских долларов наличными или чеком по адресу:
International Love Connection Ins., P. O. Box 4340, Station «C», Calgary, Alberta, Canada T2T 5N2.

Знакомство непременно состоится, в противном случае деньги будут возвращены фирмой.

P. S. Фирма INTERNATIONAL LOVE CONNECTION INC
снижает цену за свои услуги на советском рынке до 15 американских долларов.

International Love Connection Inc.

ПРОШУ СЛОВА!

МЫ ПРОЩАЕМ СЕБЯ...

На этих днях Президент Советского Союза издал два Указа, имеющих принципиальный политический характер:

1. О восстановлении прав всех, кто был репрессирован в 20—30—40—50-е годы.

2. Об отмене тех Указов прошлых лет, которые лишали гражданства за инакомыслие или, точнее, за вольномыслие.

Это акты справедливости, но, на мой взгляд, и акты покаяния.

Великий Кант рассуждал так: есть два предрассудка — не верить ничему и верить всему. Но есть и два таинства: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

Так вот, по нравственному закону наше общество, еще только преобразующееся в свободное, обязано перешагнуть через предрассудки нетерпимости, искусственно организованной борьбы, через законы неправды.

Правда ходит по прямой, с ней не разминешься. Но постижение прошлого не судебный процесс, иначе это будет зеркальным отражением атмосферы страха прошлых лет.

Когда мы говорим, что реабилитируем кого-то, как бы милостиво прощаем их за некие прегрешения прошлых лет,— все это отдает лукавством, лицемерием. Мы прощаем не их, а себя. Это мы виноваты, что они жили годами оболганными и задавленными. И реабилитируем мы сами себя, а не тех, кто думал иначе, имел иные мысли и убеждения. Они нам хотели добра и свободы, а руководство ответило злом тюрем и лагерей.

Нам сегодня, столь жадно вдыхающим воздух свободы, уже трудно разумом понять, что же происходило в давние и недавние времена.

Сотни тысяч искореженных судеб, расстрелянных и умерших, покончивших с собой; людей, которые не знали вины, но были уничтожены только за то, что особенно остро, острее других чувствовали боль за свою Отчизну.

Всем нам это не упрек, но жесткое напоминание тем, кто еще болен ностальгией по прошлому, кто хотел бы шагнуть назад в испуге перед грядущим.

Особое внимание я бы обратил на трагическую судьбу нашего крестьянства, заплатившего столь кровавую цену за преступления сталинского режима. Эта неслыханная расправа над землепашцами не только подорвала устои общества, но ввергла в кризис само развитие государства.

Столь сконцентрированной ненависти к человеку история еще не знала.

Другой Указ близок к первому по сути своей — там и здесь дьявольская пляска террора. Обвинения, по которым людей преследовали, сажали в тюрьмы, изгоняли из страны, сегодня смехотворны по существу, но понуждают к множеству страшных вопросов. Ведь все это было, было — вот что ужасно!

Ну что можно найти опасного для режима в следующих строках Галанскова: не нужно мне вашего хлеба, замешенного на слезах, и падаю и взлетаю, в полубреду, в полусне... И чувствую, как расцветает человеческое во мне.

И автора судили.

От 20—40-х годов и судей не осталось или почти не осталось. Но из периода диссидентства многое еще в нарывах. В нарывах совести и ответственности, подлости и трусости. Как охотно многие, еще и сегодня живущие и процветающие, фальсифицировали тогда дела, судили, отправляли людей в ссылки, рецензировали, писали разоблачительные статьи и коллективные письма, анонимки, полные ненависти.

Где они?

Они среди нас. И с совестью своей, судя по нынешней общественной активности, они в полном согласии.

Упаси меня всевышний от зова к мести, к новому кругу нетерпимости. Но народ должен знать их имена и деяния, чтобы оценить их нравственными критериями, в которых столь сильно нуждается наше общество, сполна познавшее все мыслимое и немыслимое. Повторю — нравственными.

И еще об одном уместно сказать: как же далеко шагнуло наше общество в трудном постижении Правды, Добра, Гуманизма!

А. Н. ЯКОВЛЕВ,
член Президентского совета

ЗАКРОМА

Даже не слишком осведомленный ленинградец стал понимать, что в этом году морковки-редиски-картошки-капустки из Выборга, Тосно или Токсова в магазинах можно и не дождаться.

Во-первых, область все меньше сажает картошки и овощей: посевы и того, и другого уменьшились за последние два года на пятую часть, потому что пропалывать и убирать хлопотно, а продавать было невыгодно.

Во-вторых, село ультимативно заявило, что ему на прополке и уборке без шефов не справиться — а кто ж сейчас, в полурынок и хозрасчет, отпустит с предприятий задарма рабочих? Тем более что работа на селе способна поглотить — прозвучала такая цифра — 6 000 000 человеко-часов, а много это или мало, судите сами, если без шефов на селе работает 110 000 человек, и это включая трактористов, бухгалтеров, животноводов, руководящих работников и алкашей.

В-третьих, новый Ленсовет твердо дал понять, что поощрять бесконечные «картошки» и «базы» больше не будет, поскольку сапожник должен все-таки тачать, а не жать. Не можете своими силами обработать землю — отдайте тем, кто может своими. Фермерам, крестьянам. Но к началу августа в области всего 60 фермерских хозяйств, и то, как изящно выразились в одной аграрной инстанции, «как говорится, в стадии организации, земля, как говорится, выделяется, может быть, не та...» А Ленсовет «той» землей не владеет, все его распрогрессивные планы ограничены пределами города...

Следить за политическими сражениями хорошо сытым, политика натощак подогревает страсти. Город кипит. Вот депутат областного Совета, директор совхоза и вообще хороший человек, от которого шефы сбежали по причине отсутствия умывальников-туалетов, грохает кулаком: если, понимаешь, горожане селу не помогут, зимой будут есть свои гайки, понимаешь. (Конец цитаты.) На что депутат городского Совета отвечает: коль село урожай сгноит, то пойдет с сумой по миру, поскольку на свои деньги город закупит продовольствие в Прибалтике. (Аплодисменты.)

«Заграница» нам пока не поможет.

А совхозы тоже не разорятся, поскольку сократят муторные овощи под прибыльные корма: никто им сегодня не указ, что сеять, что жать, мяса же в стране не избыток.

Такие вот тучки на небосклоне ближайшего будущего.

В июне тем не менее пропололи не больше 40% подлежащего прополке, и все, что могло зарасти и пропасть, заросло и пропало. Какая там торговля с борта машин! В магазинах пенсионного вида сельдерей и догнивающие помидоры по рублю с хвостом.

Я шагаю к ведущему специалисту отдела агропрома облисполкома, в прошлом директору трех совхозов Асадчему: «Виктор Андреевич, если не ошибаюсь, закупочные цены на картошку поднялись до 30 копеек за килограмм?» — «Да-да, совершенно точно, в этом году».— «Так, выходит, за день на уборке можно заработать ого-го! Разрешите посчитать?» — «Давайте».— «У меня опыт единственный: в студентах на «картошке», журфак МГУ, восемьдесят второй год, Бородинские поля, Шевардинский картофельный редут. Норма тридцать мешков по четыре ведра, а одно ведро — вы лучше знаете...» — «Примерно 8—10 килограммов. Ну, ваша норма была 800 килограммов примерно...» — «У меня получается за 1000. А ограничения на процент натуроплаты снять?» — «В прошлом платили по 10, в этом воля ваша...» — «Ну так вот, если платить по 20 и тут же принимать по госценам, получается никак не меньше 65 рублей в день. По-вашему, за 65 рублей в день само село не уберет картошку?» — «Уберет, если город поможет...»

Не распахать ли, перезимовав, под картошку сквер у Исаакия?..

Дмитрий ГУБИН, соб. корр. «Огонька»
Ленинград.

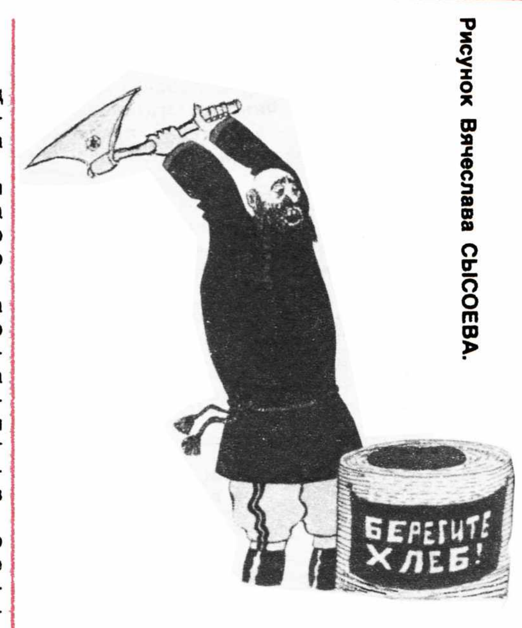

Рисунок Вячеслава СЫСОЕВА.

ЛИЦА

Паруйр Айрикян — бывший политзек, отбывший в тюрьмах и лагерях 18 лет. В июле 1988 года по решению Президиума Верховного Совета СССР Айрикян насильно выслан из СССР. В 1990 году избран народным депутатом Армении. Живет с семьей в Лос-Анджелесе. Несколько его замечаний и ответов на вопросы.

— Относительно вооруженных формирований в Армении: я всегда был против их создания. Из-за этого я потерял некоторых своих единомышленников и друзей. Дело даже дошло до раскола, но я не изменил своей позиции. Время показало, что мы, сторонники мирного развития, оказались правы.

— Какой вам представляется судьба Нагорного Карабаха? Есть ли надежда на достижение компромисса в разрешении проблемы НКАО с Азербайджаном?

— Компромисс с Азербайджаном всегда возможен. Но, к сожалению, сейчас труднее достичь его, поскольку центральными властями не без участия местных фанатиков пролита кровь.

Возможен компромисс между народами, но не компромисс вокруг Карабаха. Что касается Карабаха — здесь все ясно: либо мы признаем право нации на самоопределение, либо мы руководствуемся не принципами, а инстинктами. Очень трудно поверить, что люди, которые борются за самоопределение азербайджанцев, не поймут карабахцев, которые также борются за свое самоопределение.

— Каковы перспективы вашего возвращения на Родину?

— Я был в Посольстве СССР и поставил в известность официальных представителей СССР: если в течение ближайшего времени я, как член парламента Армении, не получу разрешения на въезд в СССР, то самовольно перейду границу с территории Турции.

Уже ряд конгрессменов США, членов французского парламента и, возможно, не один сенатор из США согласились сопровождать меня.

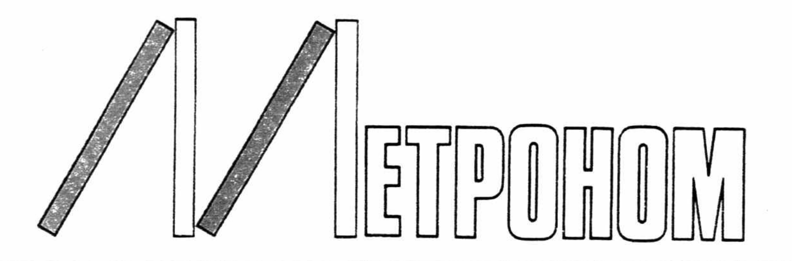
Через две недели мы подойдем к советской границе, по всей видимости, возле Ленинакана. Пользуясь своим депутатским иммунитетом, я пересеку границу.

«Постфактум»

Народный депутат Армении Паруйр Айрикян:
«Я против вооруженных формирований в Армении».

Дмитрий Губин:
«Не распахать ли под картошку сквер у Исаакия?»

Ольга Борисова:
«Гаражи на братских могилах?»

ХРОНИКА

Сейчас, после встречи между руководителями СССР и Южной Кореи, когда отношения между странами обрели новое качество, мы получили от сеульского журнала «Внутри мира» предложение обмениваться материалами и сотрудниками. Вот информация из Южной Кореи. Надеемся, она заинтересует наших читателей.

В центре Сеула есть здание и территория бывшей российской дипломатической миссии. В 1890 году Россия установила с Кореей дипломатические отношения, а в 1892 году возвела дом для своего представительства. Но после поражения в русско-японской войне Россия вынуждена была покинуть Корею. Тем не менее, согласно международным законам, здание и прилегающая к нему территория могут быть затребованы Советским Союзом в случае установления дипломатических отношений с Корейской республикой. Здание (а вернее, башня, оставшаяся от него после войны 1950—1953 годов) памятно корейцам еще и потому, что в конце XIX века именно в русской миссии нашли спасение от японцев тогдашний король Кореи и наследный принц, о чем и свидетельствует мемориальная доска, установленная на здании. Так или иначе, в самом центре Сеула находится сооружение, созданное русским архитектором для русского представительства и напоминающее о лучших временах в отношениях между нашими народами.

Соб. инф.

ТОЛЬКО ЦИФРЫ

Как показал последний опрос ленинградского Центра изучения и прогнозирования социальных процессов, 51 процент горожан одобряет работу частных и кооперативных предприятий, считая, что она улучшает экономическую ситуацию, 40 — отстаивает противоположную точку зрения. Больше всего возмущаются «зажравшимися спекулянтами» неквалифицированные рабочие (43 процента), служащие без специального образования (62), армия и милиция (52), пенсионеры (57). В целом в группе низкого социокультурного статуса на одного человека, пожимающего кооператорам руку, приходятся трое, топающие ногами.

Что же касается образованных, добившихся успехов людей, то среди них на пятнадцать пожимающих всего лишь один топающий. Любопытно, что 59 процентов руководителей, начальников и «аппаратчиков» также поддерживают кооперативное движение. Поддерживают его и 57 процентов (против 37) ленинградских коммунистов, явно расходящихся здесь со взглядами лидеров Российской компартии.

— В Ленинграде громить кооперативы не будут,— сказал корреспонденту «Огонька» руководитель Центра Леонид Кессельман (Кессельмана знают как весьма авторитетного «оракула»: он с большой точностью предсказал итоги минувших выборов в союзный, республиканский и местные Советы).

Соб. инф.

ХРОНИКА

При строительстве гаражей в районе «Сучьей балки» нынешней зимой в г. Луганске было обнаружено большое количество человеческих останков (большинство — с характерным отверстием в черепе в области затылка). Под влиянием общественного мнения горожан власти поначалу выразили готовность с помощью солдат проводить эксгумацию в мерзлом грунте. Затем после некоторого затишья в близлежащих скотомогильниках (от них и название балки) была обнаружена сибирская язва (вернее, установлена только ее потенциальная угроза).

Теперь предлагается забетонировать место захоронения, предварительно залив хлоркой, поставить высокий забор. А за ним, как предложил один из членов компетентной комиссии, устроить те же гаражи.

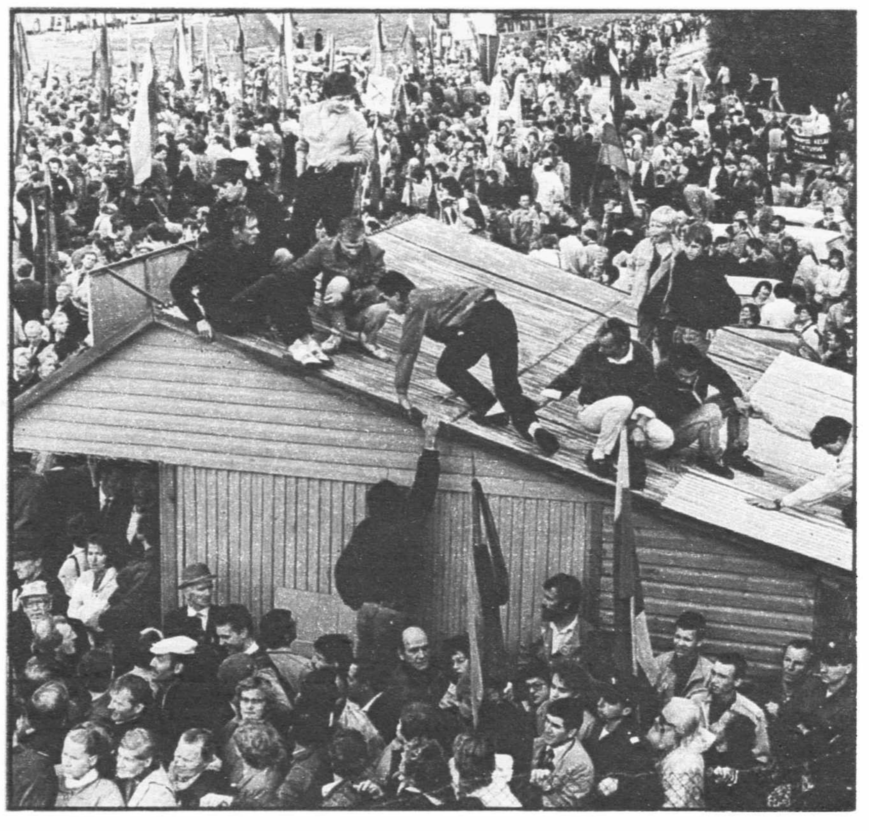
Ольга БОРИСОВА,
член общества «Мемориал»

* * *

Офицерский суд чести грозит лейтенанту А. Терентьеву, комвзвода 150-го мотострелкового полка гвардейской Таманской дивизии. Причина — его сотрудничество со «Щитом» и членство в организации офицеров-демократов «Честь и совесть» (подразделение ДС). Согласно информации, поступившей в редакцию от доверенного лица А. Терентьева, заместитель командующего МВО генерал-лейтенант Головнев, выступая на партийном активе дивизии, отдал распоряжение подготовить документы на увольнение офицера и уволить его в течение недели...

Появление журналиста из «Огонька» в штабе гвардейской дивизии вызвало бурную реакцию. Не пожелавший назвать себя генерал разразился гневной тирадой: «Кого вы защищаете? Этого антисоветчика?..» Впрочем, тут же выяснилось, что по служебной линии претензий к лейтенанту нет. А пока подразделение, где служит опальный офицер, снято с места постоянного расквартирования и отправлено в другую область. С глаз подальше?

Сергей МУЛИН

СИТУАЦИЯ

«Европейский путь»-90 был задуман как демонстративный в ы х о д в Европу. Предполагалось, что на крошечном перешейке сухопутной границы, соединяющей прибалтийские народы и их соседей в Европе, люди смогут, шагнув через нее, продемонстрировать братство с литовцами, поляками, живущими там, за кордоном, смогут принять гостей. Программа акции включала митинг, торжественную мессу, концерты, выступления политических деятелей... Многие воспринимали предстоящее как возможность еще раз «показать, что Литва остается оккупированной страной».

Назывались предполагаемые цифры: у границы соберется не менее ста тысяч. На самом деле было почти в десять раз меньше. Торжественно, с флагами, в национальных костюмах, с пением песен, ведя детей, подошли к границе, где их встретили пограничники, закрытый шлагбаум, сетка по обе стороны, а по ту сторону шлагбаума — пограничники, военные чины, милиция. Мы видели бронетранспортер, и напряженность хозяев границы была совершенно очевидной. В такой «фронтовой» обстановке прильнувшая к сетке советская сторона встретила польскую... Люди пели через сетку, махали цветами, что производило впечатление какого-то неловкого веселья.

Журналистам сообщили, что группа с литовской стороны была пропущена через границу накануне. Через некоторое время людям было приказано разойтись. Отхлынув от границы, они собрались перед эстрадой в палаточном городке, и здесь прошла месса.

Позже, в газетных комментариях, мы нашли сообщения, что во время подготовки к акции на границе были задержаны пьяные нарушители, пытавшиеся пройти на польскую территорию, что несколько пропущенных в тот день по списку, без таможенного досмотра, вовремя не вернулись.

Еще более неприятные новости: по Литве прокатилась волна посягательств на советские памятники... Это очень печально.

Радует готовность армии, милиции, пограничников противостоять, отразить, не допустить. Разумеется, граница должна быть на замке. Но разве не унизительно унижать целый народ подозрениями, относиться к нему, как к скопищу хулиганов?

Нина ЧУГУНОВА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

АНТЕННА

22 августа ровно в 19.00 зазвучали позывные первой независимой радиостанции «Эхо Москвы». Нашим читателям, которые, придя домой, загодя настроили свои приемники на волну 1206 килогерц, это событие было особенно приятно: журнал «Огонек» наряду с Моссоветом, ассоциацией «Радио» и факультетом журналистики МГУ — учредитель новой радиостанции.

«Эхо Москвы», или, как назвали его для эфира, «Радио-М», буквально ворвалось в эфир бойкими монологами ведущих, сводками новостей вперемежку с песнями «Битлз» и аккордами Моцарта, успело расспросить усталого Сергея Станкевича, не собирается ли он стать Президентом страны, пыталось на ходу отремонтировать телефон «прямой линии» со слушателями, намекнуло, что не прочь заработать на рекламе, а также наобещало кучу интересного на будущее. И все это за два часа.

Поскольку «Радио-М» усиленно пропагандировало все, что начинается на букву «М», «Метроном» «Огонька» почувствовал свое ближайшее родство с новой радиостанцией на весьма зыбкой тропе свободы и независимости.

Возьмемся за руки, друзья?

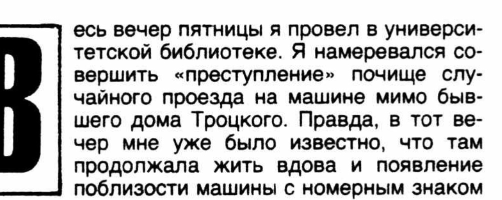
С днем рождения!

Соб. инф.

ПОКУШЕНИЕ НА ТРОЦКОГО

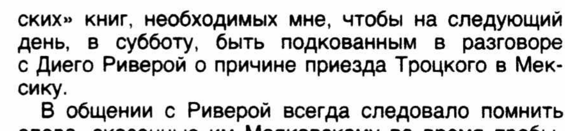

Юрий ПАПОРОВ

Весь вечер пятницы я провел в университетской библиотеке. Я намеревался совершить «преступление» почище случайного проезда на машине мимо бывшего дома Троцкого. Правда, в тот вечер мне уже было известно, что там продолжала жить вдова и появление поблизости машины с номерным знаком советского посольства могло быть истолковано как факт готовящегося на нее покушения.

В библиотеке я впервые держал в руках дюжину «подрывных», «контрреволюционных», «антисовет-

ских» книг, необходимых мне, чтобы на следующий день, в субботу, быть подкованным в разговоре с Диего Риверой о причине приезда Троцкого в Мексику.

В общении с Риверой всегда следовало помнить слова, сказанные им Маяковскому во время пребывания поэта в Мексике: «Имейте в виду, и моя жена это подтвердит, что половину из всего сказанного я привираю».

Я увлекся чтением и... мгновенно покрылся холодным потом, когда на мое плечо легла чья-то рука. Это был мой друг известный поэт Эфраин Уэрта. Он, увидев книги, лежавшие на моем столе, тут же вывел меня в коридор и рассказал — «историю, которую тебе никто не расскажет» — о романе Фриды Кало и Льва Троцкого. Фрида Кало, весьма своеобразная художница, была в конце тридцатых годов женой Диего Риверы.

К закрытию библиотеки я уже знал, что в августе 1936 года Троцкий, находясь в Норвегии, сразу, как только отправил в издательство рукопись книги «Что такое СССР и куда он идет?» (более известной на Западе под названием «Преданная революция»), вместе со своим другом Конрадом Кнудсеном поехал отдохнуть к нему на небольшой островок. И буквально следующей же ночью группа переодетых в полицейскую форму сторонников Видкуна Квислинга (организатора и лидера фашистской партии Норвегии, оказавшей в будущем активное содействие захвату страны Гитлером) ворвалась в дом Кнудсена. Однако дочь норвежского коммуниста сумела не допустить нападавших в комнату, где работал Троцкий. Эта смелая женщина подняла на ноги соседей, и штурмовики вынуждены были бежать. Троцкому стало ясно, что в этом случае нападавшие не стремились разделаться с ним, а лишь искали доказательства участия Троцкого в политической жизни Норвегии, что нарушало условие его пребывания в этой стране и могло быть использовано как предлог для его изгнания. Для них, норвежских фашистов, Троцкий тоже был врагом.

Там, на заброшенном островке, Кнудсен 15 августа услышал по радио сообщение, что в Москве должны предстать перед судом Зиновьев, Каменев и еще 14 человек, планировавших убийство Сталина, и что Норвегия объявляется страной, откуда Троцкий руководил заговорщицкой организацией и посылал убийц к вождю народов.

Троцкий немедля направил в прессу заявление, что Сталин «намерен устроить фарс, которого не знала мировая история», и готовит судебный процесс с целью подавить недовольство его политикой. Троцкий впервые громко, на весь мир заявил: «Созданная Сталиным партийная бюрократия считает любую критику и любую форму оппозиции заговором против режима».

На следующий день после окончания процесса в Москве, 26 августа, дом Кнудсена посетили два полицейских чина высокого ранга, заявили Троцкому, что он нарушил данное им прежде обещание, и просили его подписать обязательство впредь не вмешиваться, прямо или косвенно, устно или письменно, в текущую политику Норвегии и других стран. Полицейские прибыли по указанию Трюгве Ли, министра юстиции и полиции, исполнявшего в то время и обязанности министра иностранных дел. Троцкий отнесся к этому требованию как к издевательству. Как мог молчать он, которого только что объявили сообщником Гитлера? И кто? Сталин! Молчание Троцкого, совершенно естественно, общественное мировое мнение сочтет за признание обвинений.

Троцкий не понимал разительной перемены в позиции руководителей Норвегии. Вчерашние друзья, гордившиеся тем, что они предоставили убежище Троцкому, теперь от него отворачивались. Троцкий отказался подписывать предложенную ему бумагу и выставил за дверь полицейских чинов. Наутро он был подвергнут домашнему аресту, а вскоре узнал, что посол СССР в Норвегии Якубович 29 августа вручил правительству Осло ноту с требованием высылки Троцкого, который использует Норвегию как плацдарм для враждебной деятельности. СССР угрожал прекратить покупку у Норвегии селедки. Правительство боялось разрыва отношений прежде всего потому, что на носу были выборы и осложнение в торговле с СССР обязательно привело бы к проигрышу тех, кто являлся в те дни руководителем Норвегии.

Одновременно было оказано сильное давление на членов правительства со стороны рыбопромышлен-

---

Продолжение. Начало в №№ 34, 35.

ников и пароходных магнатов, утверждавших, что в период экономического застоя и безработицы разрыв торговли с СССР может привести к краху экономики страны. Под давлением большинства Трюгве Ли и другие министры предложили даже арестовать Троцкого.

В те дни в Осло проходил суд над сторонниками Квислинга, напавшими на жилище Троцкого. Подсудимые, имевшие на руках копию статьи Троцкого «Французская революция началась» (единственный документ, который им удалось похитить в день нападения), утверждали, что ее автор обрушивался с критикой на Народный Фронт и правительство Леона Блюма, лидера Французской социалистической партии, если не прямо, то косвенно солидаризируясь с немецким фашизмом.

— Разве это не враждебные действия, направленные против дружественного нам правительства? — спрашивал один из сидевших на скамье подсудимых.

В результате Троцкий, вызванный в суд в качестве свидетеля, оказался обвиняемым. Судья постановил, что Троцкий нарушил данное им прежде обещание, и вынес решение немедленно удалить его из зала суда. На улице Троцкого ждали полицейские. Они доставили его в кабинет Трюгве Ли. Министр в присутствии своих помощников потребовал от Троцкого, как единственное условие его дальнейшего пребывания в Норвегии, немедленно подписать следующую декларацию: «Я, Лев Троцкий, заявляю, что я, моя жена и мои секретари не станем заниматься никакой политической деятельностью, направленной против дружественных Норвегии государств. Заявляю, что готов жить в любом избранном для меня правительством месте... и что ни я, ни моя жена, ни мои секретари никоим образом не будем вмешиваться в политическую жизнь Норвегии или иного государства.., что моя творческая деятельность как писателя будет ограничена работами исторического, биографического и международного характера и что мои творческие работы не будут направлены против какого-либо иностранного государства. Кроме того, я согласен с тем, что вся моя корреспонденция, телеграммы и телефонные переговоры, исходящие от меня и поступающие ко мне, будут подвергаться цензуре».

Троцкий прочел текст декларации, бросил бумагу на стол Трюгве Ли и заявил:

— Как вы могли набраться наглости предложить мне подписать столь позорную бумагу? Неужели вы надеетесь, что человек с моим прошлым ее подпишет? Если бы я мог пойти на такое, то не находился бы сейчас в изгнании и не подвергался бы сомнительному гостеприимству Норвегии. Вы, господин Трюгве Ли, считаете себя столь могущественным, что полагаете заполучить от меня то, что был не в силах выжать из меня сам Сталин? Когда мне предоставлялось политическое убежище, правительство знало, с кем имело дело. Так почему господин министр набирается теперь наглости просить меня пойти на то, чтобы мои творческие работы не были направлены против какого-либо иностранного государства? Лучше ответьте, позволил ли я себе хоть раз вмешаться в дела Норвегии? Может ли норвежское правительство в этом меня упрекнуть?

— Нет! Ни в коем случае.

— Тогда считает ли норвежское правительство, что я использовал Норвегию как плацдарм для террористической деятельности?

— Нет! Правительство категорически отказывается этому верить.

— Обвиняет ли правительство меня в конспиративных, нелегальных действиях, направленных против иностранных государств?

— Нет,— вновь вынужден был признать Трюгве Ли,— однако правительство обвиняет вас в нарушении обещания воздержаться от всякой политической деятельности, а ваша статья «Французская революция началась» и ваши связи с некоторыми интернационалистами...

Министр юстиции и полиции не договорил.

— Я никогда не давал подобного обещания! И ни один другой настоящий коммунист, социалист никогда и ни при каких обстоятельствах не сделал бы этого. И вообще, чтобы кончить наш разговор, ответьте мне, как может правительство Норвегии позволить шайке агентов Гитлера определять его решения? Это первый шаг на пути капитуляции вашей страны перед фашизмом! Вам это дорого обойдется! Вы сейчас чувствуете себя свободным поступать как вам вздумается с политическим изгнанником. Однако день уже близок,— запомните это,— очень близок день, когда нацисты изгонят вас самих из вашей же собственной страны!

После этой встречи Трюгве Ли установил еще больший контроль над Троцким, поместив полицейских агентов не на улице, а в самом доме Кнудсена.

Затем 2 сентября Троцкого и его жену в принудительном порядке полицейские перевезли на остров Хурум, находившийся в 30 километрах от Осло, где их поселили в доме с тридцатью полицейскими, постоянно курившими зловонные трубки и шумно игравшими в карты. Никто, кроме норвежского адвоката Троцкого, не имел теперь права навещать политэмигранта. И это происходило в стране, конституция которой не позволяла вообще кого-либо лишать свободы без решения суда.

Троцкого же не только лишили свободы, но и не позволили совершать прогулки и даже делать утреннюю зарядку. Тем временем Кнудсен был избран членом парламента. Однако и это обстоятельство не помогло: Трюгве Ли не разрешил им встречаться.

Вместе с тем Троцкий не сидел сложа руки. Он ухитрялся писать статьи, разоблачавшие суть фальсифицированного судилища в Москве, посылал их через своего сына, жившего в Париже, своим сторонникам. Однако открытая корреспонденция по указанию Трюгве Ли оседала в столе цензора. Узнав об этом, Троцкий устроил скандал полицейским, которые на день прекратили курить и играть в карты, но не более того. Между тем московское радио продолжало обвинять Троцкого во всех смертных грехах, а он молчал. И 15 сентября 1936 года Вышинский в журнале «Большевик» заявил, что Троцкий совершенно очевидно не имеет что сказать в свою защиту, поскольку в противном случае он бы не молчал. Это заявление Вышинского было перепечатано в двух норвежских газетах, и Троцкий подал на них в суд. Был назначен день слушания дела, но правительство своим решением отменило заседание. Тогда Троцкий через норвежского адвоката подал в суд на главных редакторов ряда периодических изданий Франции, Чехословакии, Испании, Бельгии и Швейцарии, надеясь таким образом получить трибуну, но и здесь Трюгве Ли нашел возможность помешать делу.

Троцкий не сдавался и, неведомо каким способом,— Трюгве Ли затем обвинил Троцкого в использовании им нелегальных каналов и «симпатических чернил»,— связался со своим французским адвокатом Герардом Розенталем. Вскоре сын опубликовал «Красную книгу» о московском процессе, где, ссылаясь на отца, указал на ряд весьма важных неточностей и прямых измышлений в материалах процесса.

Сторонники Троцкого понимали, что столь строгий домашний арест не только лишал его всякой возможности работать, но и может окончиться для Троцкого трагически. Друзья и приверженцы его в США делали все возможное, чтобы он мог получить право на политическое убежище в Мексике, где это право уважалось, но и где, как писал сын отцу, «нанимают убийц всего за несколько долларов».

Троцкий же продолжал надеяться, что все-таки сумеет получить возможность говорить в полный голос и в Норвегии. 11 декабря ему предстояло вновь быть в суде, где продолжалось слушание дела о квислинговцах. Однако Трюгве Ли разгадал тайные намерения Троцкого, и, как только тот появился в зале, полиция немедленно удалила из него публику и журналистов, а судья теперь был предельно вежлив и корректен с Троцким.

В тот же день вечером Трюгве Ли навестил Троцкого и сообщил ему, что вынужден, поскольку министерство юстиции не в состоянии оплачивать столь многочисленных полицейских, охранявших его, перевезти Троцкого подальше на север.

— Север, господин Трюгве Ли, мне противопоказан,— заявил Троцкий,— как и ваше гостеприимство. Я жду со дня на день сообщения от моего мексиканского друга, известного художника Диего Риверы о предоставлении мне возможности перебраться в Мексику.

Неделю спустя тот же Трюгве Ли сообщил Троцкому, что Мексика предоставила ему убежище и что министр уже сделал все необходимое для отъезда, назначенного на завтра.

Такая поспешность насторожила Троцкого, и он спросил министра:

— А что если Сталину известны название парохода и его маршрут? Нас могут торпедировать, и мы не доплывем до Ла-Манша.

Трюгве Ли не стал отвечать, а Троцкий на прощанье отказался пожать ему руку и еще раз заявил:

— Через три года... все вы будете эмигрантами!

Перед отъездом, полагая, что его из одной западни перемещают в другую, Троцкий ухитрился написать симпатическими чернилами статью «Стыд» как ответ ряду деятелей и особенно тем западным адвокатам, которые «свидетельствовали» юридическую правоту процесса над Зиновьевым, Каменевым и другими. Она заканчивалась словами: «Я дам окончательный ответ обвинителям и их лакеям... в Мексике, если, конечно, я доеду туда». А на следующий день написал сыну: «Кажется, завтра нас отправляют в Мексику. Это наше последнее письмо из Европы. Если что-либо произойдет с нами по дороге или в каком-либо другом месте, ты и Сергей — мои наследники. Это письмо должно иметь силу завещания».

...Диего Ривера в субботу встретил меня у ворот своего дома-мастерской. Он явно меня ждал (я тут же подумал: он знает о сорвавшейся встрече с Сикейросом!). Мы проговорили целый день. Ближе к обеду к нам присоединилась жена художника Эмма Уртадо, знаток живописи, владелица небольшой картинной галереи. Эмма нет-нет да и подправляла живописные рассказы мужа.

Нефтевоз «Рут» с изгнанниками и начальником полицейской охраны Троцкого отправился в путь 19 декабря. Как ни старалось правительство Норвегии скрыть факт отъезда Троцкого (еще долго полицейские курили трубки и играли в карты в доме без узника), тайну сохранить не удалось. Капитан получил указания, и пароход шел, часто меняя курс и избегая хоженых дорог. Редакции крупных газет и журналов мира пытались связаться с Троцким по радио. Однако на сей счет у капитана тоже было указание, и он его не нарушил.

9 января 1937 года «Рут» вошел в мексиканский порт Тампико. Троцкий и его жена отказывались сойти на берег до тех пор, пока не убедятся, что их встречают друзья. Норвежский полицейский уже хотел было применить силу, как к борту «Рут» подошла белоснежная моторная яхта, и мексиканский генерал, в окружении портовых чиновников, радушно приветствовал путешественников от имени президента страны Ласаро Карденаса: «Добро пожаловать!»

Карденас прислал в Тампико свой личный железнодорожный состав. На пристани прибывших ждали представители троцкистской группы США Джордж Новак, Макс Шахтман, являвшийся секретарем Троцкого в Турции, и жена Диего Риверы художница Фрида Кало. Последняя тут же сообщила, что Диего Ривера и она предоставляют Троцкому, его жене и его секретарям и охранникам в полное их распоряжение свой дом в Койоакане на улице Лондон.

— Лев Давыдович и Наталья Ивановна были так сильно напуганы своими же собственными мыслями по поводу дальнейшей их участи, что, когда их усадили в комфортабельный президентский поезд, они продолжали думать, что их везут в новое место заточения,— видно было, что Диего Ривера с удовольствием вспоминал события тех дней.— Я специально не поехал в Тампико. Мне надо было,— Диего очень по-русски подмигнул,— снять их с поезда на маленькой станции Лечерия под самой столицей и отвезти на автомобиле к себе домой. Мы называли наш дом Каса-Асуль — Синий дом. Я видел, как Лев Давыдович щипал себя,— ему казалось, что он спит, что наш прием и все вокруг — это сон...

Здесь непременно следует сказать несколько слов о Диего Ривере, строптивом, но и душевном человеке, очень неровном политическом деятеле и мятежном художнике. Ривера был в 1922 году одним из организаторов в Мексике компартии и членом ее ЦК, весьма рьяным и активным. Однако в ноябре 1927 года по приглашению ЦК ВКП(б) он находился в Советском Союзе и там стал свидетелем разгрома оппозиции, что его чрезвычайно удивило и озаботило. Ривера возвратился из Москвы настолько озадаченным, что вскоре вышел из рядов Мексиканской компартии. На этой почве Ривера порвал дружеские отношения и с Давидом Альфаро Сикейросом, однозначно принявшим сторону Сталина.

С Сикейросом Ривера познакомился в 1919 году в Париже, куда тот, после окончания Мексиканской буржуазно-демократической революции, прибыл для получения военного образования. Ривера убедил Сикейроса бросить военную службу и стать художником на службе революции.

— Я, как только прочел призыв великого Ленина использовать в интересах пролетарской революции монументальное искусство, больше не рассуждал. Мы с Давидом поклялись на крови отдать все свои силы этому делу. Однако у вас в России призыв Ленина остался призывом, а в Мексике мы, последователи его идей, на деле осуществили план вождя Октябрьской революции и сделали монументальное искусство средством просвещения и коммунистического воспитания широких народных масс,— Ривера излагал, видимо, сотни раз произносимые им вслух мысли.— Многие, особенно у вас в Москве, утверждают, что Давид поставил меня на революционный путь. Чепуха! Виновата русская женщина! А его поставил — я! В голове у мексиканского революционера бродило пульке. Я помог ему выдержать пульке до кондиции текилы *.

— Диего, я читал статью Сикейроса в американском журнале «Нью-Мэссис». Давид в ней серьезно критиковал не только твою политическую позицию, но все творчество. Извини, но он утверждал, что твое оппортунистическое поведение наложило неизгладимый отпечаток на все твои росписи. Еще раз извини, но Сикейрос обвинял тебя «в спекуляции на революционную тематику, в буржуазном гедонизме, в дешевой экзотичности...»

— Болтовня все это! Давид дошел до того, что обозвал мои фрески «живописью для туристов». А все потому, что, когда он возвратился из Парижа в Мексику, я уже начал осуществлять наши планы.

*** Крепкий спиртной напиток — результат перегонки пульке, бродящего сока агавы.**

Он не мог скрыть зависти. А потом вскоре в Мексику приехал Володя Маяковский. Он познакомился с Давидом, видел его работы. Ну, что я мог поделать, если Маяковский не обратил на них внимания. А Давид крыл меня последними словами за то, что я не мог заставить Маяковского, говоря о революционной живописи Мексики, упоминать и Сикейроса. Маяковскому не нравился Сикейрос... и все тут!

— Однако столь серьезные обвинения Давид не мог делать в твой адрес только из-за зависти или на основе личной антипатии,— заметил я, полагая, что подливаю масла в огонь.

— В тридцать пятом году Давид организовал дискуссию мексиканских художников. Проходила она три дня во Дворце изящных искусств. Шумели, кричали, ругались. Давид обвинял меня не за мое искусство, а потому что я вышел из компартии. Я тогда сказал: «Пока Сикейрос разглагольствует, я пишу!» Скажи сам, кто мог такое? Изобразить Ленина и Троцкого на стене Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке? Кто смог так возвеличить борьбу классов и дело коммунистов? Кто? Диего Ривера. Я и глазом не моргнул, когда заказчик вскоре уничтожил фреску. А губошлепы, которые только и знали пить спиртное за счет денег советских рабочих и крестьян, набирались наглости заявить, что я антикоммунист.

Ривера встал с кресла, подошел к библиотечной полке, снял с нее богато переплетенный том, открыл нужную страницу и протянул мне. Я увидел заглавие статьи «Искусство и революция», известной еще и как письмо Троцкого в журнал «Партизан Ревью» за 17.VII.38. Когда я прочел отчеркнутое место, почувствовал, что должен тут же его переписать в свою тетрадь. Этим я сделаю приятное Ривере. Вот текст: «В области искусства Октябрьская революция обрела своего лучшего толкователя не в СССР, а в далекой Мексике, не среди официальных друзей, а в лице известного «врага народа», которым гордится IV Интернационал, имея его в своих рядах. Пропитанный художественной культурой многих народов и всех эпох, Диего Ривера остается мексиканцем всеми фибрами своего гения. То, что он вложил в свои грандиозные фрески, то, что вознес выше художественных традиций, выше современного искусства и в некотором роде выше самого себя, есть мощное вдохновение пролетарской революции. Без Октября его творческая способность, размах его работы, сила бунтарства никогда бы не смогли достичь подобной мощи и глубины. Хотите вы видеть своими глазами секретные пружины социалистической революции? Смотрите фрески Риверы! Хотите знать, что такое революционное искусство? Смотрите фрески Риверы! Подойдите поближе к этим фрескам и увидите на некоторых царапины и пятна, нанесенные мстящими вандалами: католиками, другими реакционерами, среди которых естественно присутствие сталинистов. Эти следы и эти раны придают фрескам еще бóльшую жизненность. Перед нами не просто «картина», предмет пассивного эстетического обозрения, а живой кусок социальной борьбы. В то же время это вершина искусства».

— Диего, но многие уважаемые люди считают, что ты удостоился такой оценки потому, что Троцкий обязан был оплатить твое гостеприимство,— заметил я, зная, что эти слова неприятны Ривере.

— Послушай, если бы я не знал тебя хорошо, вызвал бы на дуэль. Вспомни, что говорил Маяковский: «Диего из кольта попадает в монету на лету». Ты говоришь «оплатить». Я художник! Моими картинами торгует жена, Эмма. А те, кто произносит слово «оплатить», и есть торгаши, а не революционеры и художники. Торгаши, они и проторгуют революцию.

— Диего, другие утверждают, объясняя мне причину, почему ты так горячо ратовал за приглашение Троцкого в Мексику, что в этом случае художник возобладал над политиком. Ты желал иметь Троцкого в своем доме, чтобы писать с натуры портреты председателя Петроградского Совета, человека непоколебимой воли, близкого Ленину деятеля.

— Это мои друзья! Они так старались задобрить Сталина, успокоить местных коммунистов. Меня, если хочешь знать, с Троцким связывало давнее знакомство. Мы знали друг друга по Парижу в годы мировой войны. Он видел мои работы. А потом один французский друг послал Троцкому, уже в Алма-Ату, альбом репродукций моих произведений революционного периода. Троцкий был очень рад. Он высоко их оценил. Над таким человеком нависла угроза быть уничтоженным агентами Сталина. После процесса над Зиновьевым и Каменевым мне стало ясно, что Сталин получил моральное право разделаться с Троцким в Норвегии. Но главная причина приглашения — политическая. Троцкий оставался истинным революционером, в то время как Сталин изменял идеям ленинской революции,— Ривера замолчал.

— И все? — Я ожидал более подробного объяснения.

— Нет! Не все! Диего Ривера желал, как утверждает Давид, быть рядом с Троцким, чтобы купаться в его славе, чтобы таким образом войти в историю. Давид забывал, что мне творческие взгляды Троцкого на искусство просто были близки.

— И все же, Диего, раскрой точнее твои политические позиции того времени,— попросил я.— Рано или поздно я о них напишу.

— Ты помнишь слова прокурора Вышинского? Требую, чтобы каждая бешеная собака была расстреляна! Если в СССР истинных революционеров стали считать за бешеных собак, как я мог дальше поддерживать твою партию? Смертельный приговор Зиновьеву и Каменеву означал приговор и Троцкому с его сыном, который вскоре и умер в Париже при очень странных обстоятельствах. Их признали виновными в организации и личном руководстве терактами в СССР, и потому, в случае их обнаружения на территории СССР, они подлежали немедленному аресту, суду Военного трибунала. То есть расстрел без всякого суда. А Трюгве Ли был на стороне Сталина. Это означало, что в любой день Троцкого могли похитить, и он оказался бы на территории СССР якобы для того, чтобы лично руководить убийством Сталина.

— Диего, это похоже на фантазию. Норвежское правительство тщательно охраняло Троцкого.

— Ты молод еще, а я много знаю. После такого приговора в Норвегии их могла ждать лишь очень скорая смерть.

— Диего Ривера руководствовался гуманными соображениями,— заметил я.— Так и запишем.

— Не только! Сталин для процесса избрал не случайно август тридцать шестого. Гитлер, которому явно симпатизировал Сталин, уже крепко держал власть, а во Франции сложилось правительство Народного фронта. Процесс в Москве был шантажом! Он бил по рабочему движению и особенно по интеллигенции Запада, видевшей в Народном фронте союзника против Гитлера. И потом, не ЦК дал власть Сталину. Он сам ее захватил ценою смерти многих настоящих коммунистов. Вспомни завещание Ленина! Ты, может быть, даже и не знаешь о его существовании, а Ленин в своем завещании предупреждал, что Сталин сконцентрирует в своих руках невероятную власть и будет ею пользоваться во вред остальным членам партии. Так и случилось! А Лев Давыдович от этой власти отказался. Сам! Добровольно!

— В это трудно поверить. Насколько я знаю, Троцкий, будучи председателем РВС, очень любил власть.

— Это другое дело! Он применял ее на пользу революции. Троцкий строго наказывал разгильдяев и подлецов. Но ты знаешь, что Троцкий и не подумал бороться за место вождя, когда умер Ленин. Сталин и его товарищи наговорили потом на Троцкого черт-те что, а сами сделали все, чтобы он даже не смог прибыть в Москву и участвовать в похоронах Ленина.

Надо признаться, что мне тогда, в 1957 году, было не очень понятно, о чем говорил Диего Ривера, даже страшновато было его слушать.

— Ты не стесняйся, записывай, записывай! — Диего указал на письменный стол.— Все, что я скажу, не запомнишь. Записывай! Я знаю, ты думаешь, ты можешь думать, что Диего Ривера недисциплинированный человек, любит всякие «выходки»,— это слово художник произнес по-русски.— Нет! Диего Ривера не только художник, он и философ. Я политик! И я видел, что Троцкий и Ленин пытались найти выход из того, что стало с Россией за пять лет революции. Нужны были нэп и железная дисциплина. Такая, которую требовал Троцкий. И профсоюзы под ружье. На время! «Кто был ничем» не мог на следующий день после революции стать «всем». А Сталин... честнейших и умнейших коммунистов отшвыривал от власти и окружал себя надутыми... (Диего произнес слово, которое я не решаюсь поведать читателю.) Ворошилов, Буденный, Каганович... Молотов. А Ленин это предвидел. Ленин говорил, что пролетариат в России, получив диктатуру, оказался в таком страшно тяжелом положении, в каком он никогда прежде не находился. Я тоже так считал, когда увидел Москву в двадцать седьмом году. И я был на стороне оппозиции, возглавляемой лучшими умами России и которых худшие умы уничтожили. Потому я и вышел из Мексиканской компартии.

— Ты считал Троцкого искренним сторонником Ленина?

— Конечно! Троцкий поддержал Ленина, когда тот надеялся, что созданием Центральной Ревизионной Комиссии спасет дело революции и партию от узурпации Сталина. Ленин и Троцкий думали, что она будет параллельным органом и независима от сталинского ЦК. Ты, конечно, не знаешь, но большинство членов ЦК, которое уже поддерживало Сталина, хотело скрыть письмо Ленина от партии. Кто выступил за обнародование? Троцкий! Его поддержал Каменев. Куйбышев же, например, чтобы обмануть больного Ленина, предложил отпечатать один экземпляр «Правды» с текстом и послать его Ленину. Как это называть? Это было подло! Троцкий сразу после смерти Ленина — а что это было, как не продолжение его дела? — принялся хлопотать об образовании молодых революционеров. Он понимал, что они ни политически, ни в силу своего образования не могли дальше с успехом вести дело строительства социализма. Ты, конечно, не читал предисловие Троцкого «Уроки Октябрьского восстания» к работам Ленина за семнадцатый год. Два тома. В предисловии Троцкий призывал улучшить отбор руководящих товарищей, требовал учитывать их знания и способности. Это была основная причина, почему Троцкого не поддержали партийные массы. Я думаю, сейчас главная слабость твоей партии и Советского Союза в людях. Я сужу не только по тем работникам, которые приезжают сюда работать в посольстве...

— Диего, ты напрасно обижаешь тех, кто к тебе прекрасно относится.

— Не все! Я знаю! Улыбаются, а думают другое... Они приезжают, чтобы увозить чемоданы! А потом, правда никому никогда не нравилась. Я был сейчас в Москве и видел. То, что вами построено,— это совсем не то, что хотели иметь Ленин и Троцкий в результате Октябрьской революции. Я видел, как живут колхозники. Видел деревни под Москвой. Это под Москвой! А Троцкий — Сталин его обвинял как раз в обратном — именно Троцкий был одним из инициаторов нэпа, и только потому, что хотел сблизить крестьян с революцией. А партийные и госбюрократы? Восхищает лишь их упрямая, бычья вера в свою непогрешимость и правоту. А компартии Латинской Америки, партия Мексики? Что сделал Сталин с ними? Превратил в придаток своей воли. Он превратил истинный марксизм-ленинизм в мясорубку, из которой немногие выдавливают себе средства к существованию, а рабочему классу и крестьянству от этого абсолютным счетом ничего. В Мексике партии нет! Есть дельцы, группа мечтателей и вождь на зарплате. Ты можешь этого не знать, но все, кому надо, знают, на чьи деньги живет Дионисио Энсинас*. Он делал все, что нужно было Сталину. Я знаю, что говорю!

— Скажи, Диего, тебе очень трудно было уговорить генерала Карденаса предоставить убежище Троцкому?

— Нет! Политическая обстановка в Мексике тогда благоприятствовала приезду Троцкого. Президент Карденас подписал декрет о раздаче земли крестьянам. Земля была отобрана у крупных помещиков. Я знал, что готовился и другой, еще более важный декрет — о национализации американских и английских нефтяных компаний. Помещики, католики и крупные иностранные капиталисты были страшно нами недовольны. Но Карденас твердо опирался на поддержку крестьян и Конфедерации трудящихся. Тогда это были мощные силы.

— Насколько я знаю, у генерала Карденаса были трудности.

— Естественно, были! Карденас открыто заявил, что Мексика, давая убежище Троцкому, проявляет революционную солидарность.

— Но Карденас не только предоставил убежище, он еще объявил Троцкого гостем правительства. Недруги Карденаса сразу и завопили, что президент проводит национализацию нефтяных компаний под влиянием Троцкого.

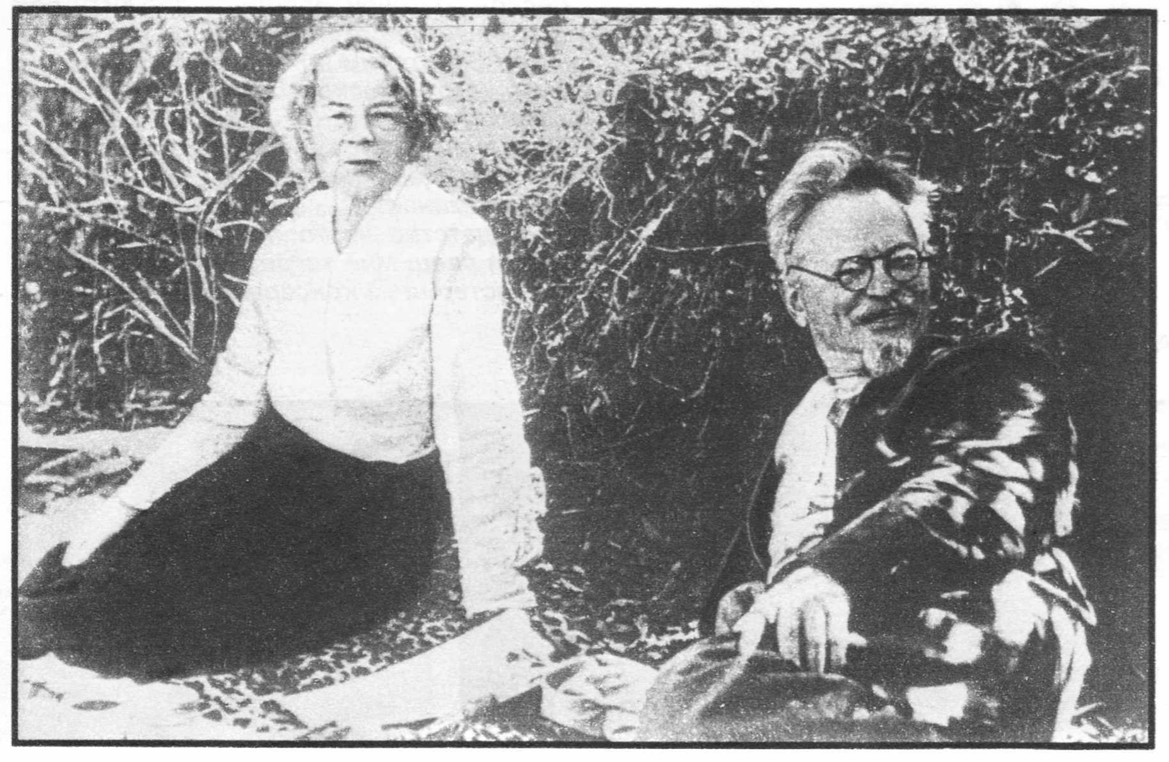
— Враги-то завопили, но это чепуха! Опаснее было другое. Конфедерация трудящихся и Компартия, которые прежде поддерживали Карденаса, теперь заявили, что не согласны с ним и будут бороться против его решения до тех пор, пока вождь авангарда контрреволюции не будет изгнан из страны. Карденас через меня просил Троцкого не принимать участия во внутренних делах Мексики...

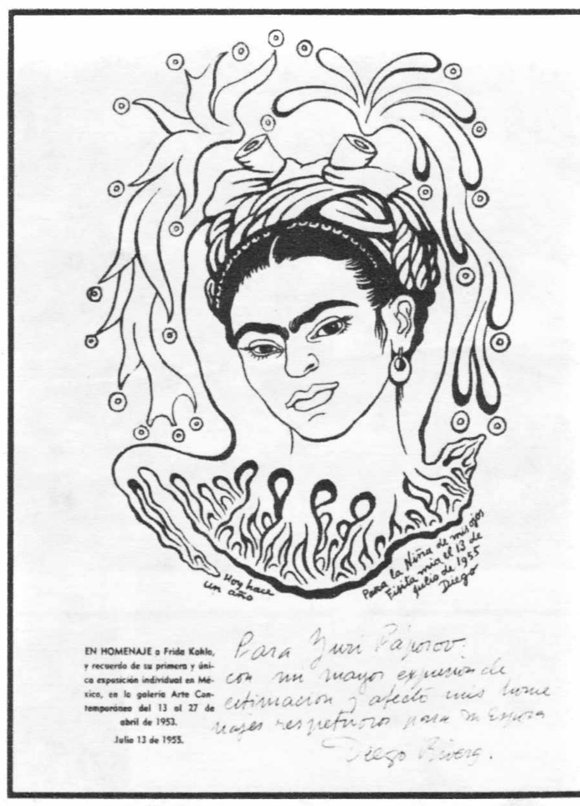
После того как Троцкий поселился в Мексике, Компартия и Конфедерация трудящихся, равно как и отдельные группы просталински настроенных интеллигентов, почти тут же развязали против него кампанию в прессе. Президент Карденас вынужден был установить постоянную полицейскую охрану дома снаружи.

Однако беда подкрадывалась изнутри. И виновницей была жена Риверы — Фрида Кало. И она тихо — иначе быть не могло, потому как узнай об этом Диего Ривера, он тут же бы ее убил — влюбилась в легендарного Льва Давыдовича Троцкого. Не устоял перед двадцатисемилетней красавицей и бывший грозный красный комиссар, организатор армии рабочих и крестьян.

*** Тогдашний руководитель Мексиканской компартии.**

Л. Д. Троцкий с женой Натальей Ивановной Седовой.

Художница Фрида Кало. Рисунок Диего Риверы, подаренный им с дарственной надписью Юрию Папорову.

Диего Ривера с Пабло Нерудой и Давидом Альфаро Сикейросом.

Наталья Ивановна Седова оказалась первой, кто испытал боль и тяжесть возникшей ситуации.

Троцкий уехал в отдаленную асьенду штата Идальго, чтобы дистанция и время стали врачом и лекарством в его отношениях с женой.

Оказавшись в асьенде один, Троцкий начал вести дневник («только для нас») и каждый день отправлял жене по письму, которое начинал утром, вторую часть писал после обеда и третью — перед сном.

Вот несколько отрывков из этих писем. 12 июля 1937 года: «Живу воспоминаниями бурных дней, страданий, которыми были оба охвачены... Я понял — сообщение Фриды есть измышление... Наталочка, твое письмо мне принесло радость, нежность (как я тебя люблю, Ната, моя единственная, моя вечная, моя верная, моя любовь и моя жертва!..), но также и слезы, слезы сострадания, раскаяния и печали».

Ответы жены были сдержанными, а муж продолжал писать. 20 июля: «Наталочка, мои сомнения овладели тобой. Не следует теперь сомневаться! Ты поправишься! Ты вернешь свои силы! Ты помолодеешь. Ты пишешь: «Каждый человек в глубине своей страшно одинок». Эта фраза разрывает мое сердце, она для меня источник страдания. Хочу вырвать тебя из твоего одиночества, слиться с тобой в бесконечности, растворить тебя в себе полностью со всеми твоими мыслями и чувствами самыми секретными... Моя бедная и давняя подруга! Моя дорогая, моя вечно любимая! Но для тебя никогда не было одиночества, нет и нет его сейчас. Мы живем один для другого!.. Поправляйся, Наталочка!.. Обнимаю тебя очень крепко, покрываю поцелуями твои глаза, руки, твои ноги. Твой старый Л.». И далее в постскриптуме: «Ты пишешь о борьбе, противнике. Кто она? Она для меня никто. Ты для меня все!.. Хочу сказать тебе, что веду дневник, не воспоминания об эпизоде, который занимал нас все последнее время. В этом вижу большой успех. НА-ТА! НА-ТА! Поправляйся, НА-ТА-ЛОЧ-КА! Твоя верная собака». 21 июля: «Прошу у тебя прощения и тебя благодарю... Поправляйся и тогда поставим точку, все выдержим! Ната, Ната! Люблю. Твой Л.».

Однако, наконец увидев, что признания в любви не приводят к желаемому результату, Лев Давыдович, оказавшийся и в этих делах опытным человеком, перешел к атакам. Конечно же, считая, что нападение — лучшая форма защиты. Он припомнил давние грешки Натальи Ивановны: случай, когда она в 1919 году в Москве возглавляла Отдел музеев и флиртовала с одним из своих подчиненных.

К сентябрю семейный конфликт был исчерпан. Троцкий занялся работой, а Диего Ривера пока ничего не подозревал, хотя Фрида ходила как в воду опущенная, постоянно стремилась куда-нибудь уехать писать свои картины.

Трещина в отношениях Риверы и Троцкого образовалась внезапно. И Троцкий не знал истинной причины. Ривера почти совсем перестал посещать Синий дом и, когда один из секретарей Троцкого спросил — почему, Ривера ответил: «Вы знаете, я ведь немного анархист!»

— Диего, а в чем состояла причина вашего разрыва с Троцким? — В ту субботу я до конца не понимал, в какое неловкое положение ставлю моего собеседника.

Однако ответ Риверы был лаконичен и логикой своей не вызывал сомнений:

— Он любил командовать, решать за других! А ты знаешь, я тоже это люблю.

— Да, конечно. А теперь, Диего, мне бы хотелось услышать о том, как же удалось Рамону Меркадеру совершить убийство Троцкого.

— Нас ждет накрытый стол. Мексиканская кухня! Все блюда с чиле — самым острым перцем Америки.

И Диего Ривера, возможно, в десятый раз за время нашего знакомства поведал о том, что сила потенции мексиканского мужчины... происходит от чиле.

— У нас в Мексике существует негласный закон, по которому жена может подавать в суд жалобу на неверность мужа, если он раз в сутки не отправляет своих супружеских обязанностей. А ты прекрасно знаешь, что нет мексиканца, у которого бы не было любовницы. Однако суды очень редко рассматривают жалобы жен. Это все — чиле.

Я улыбаюсь и согласно киваю, но это не убеждает Риверу.

— Гватемальцы, сальвадорцы, панамцы, колумбийцы, перуанцы... Разве их можно сравнить с нами? А все — чиле!

Жена художника Эмма просит мужа перестать говорить глупости и приглашает нас спуститься вниз, в столовую, а Диего обещает:

— После кофе с ликером узнаешь о Джексоне-Морнаре-Меркадере.

Окончание следует.

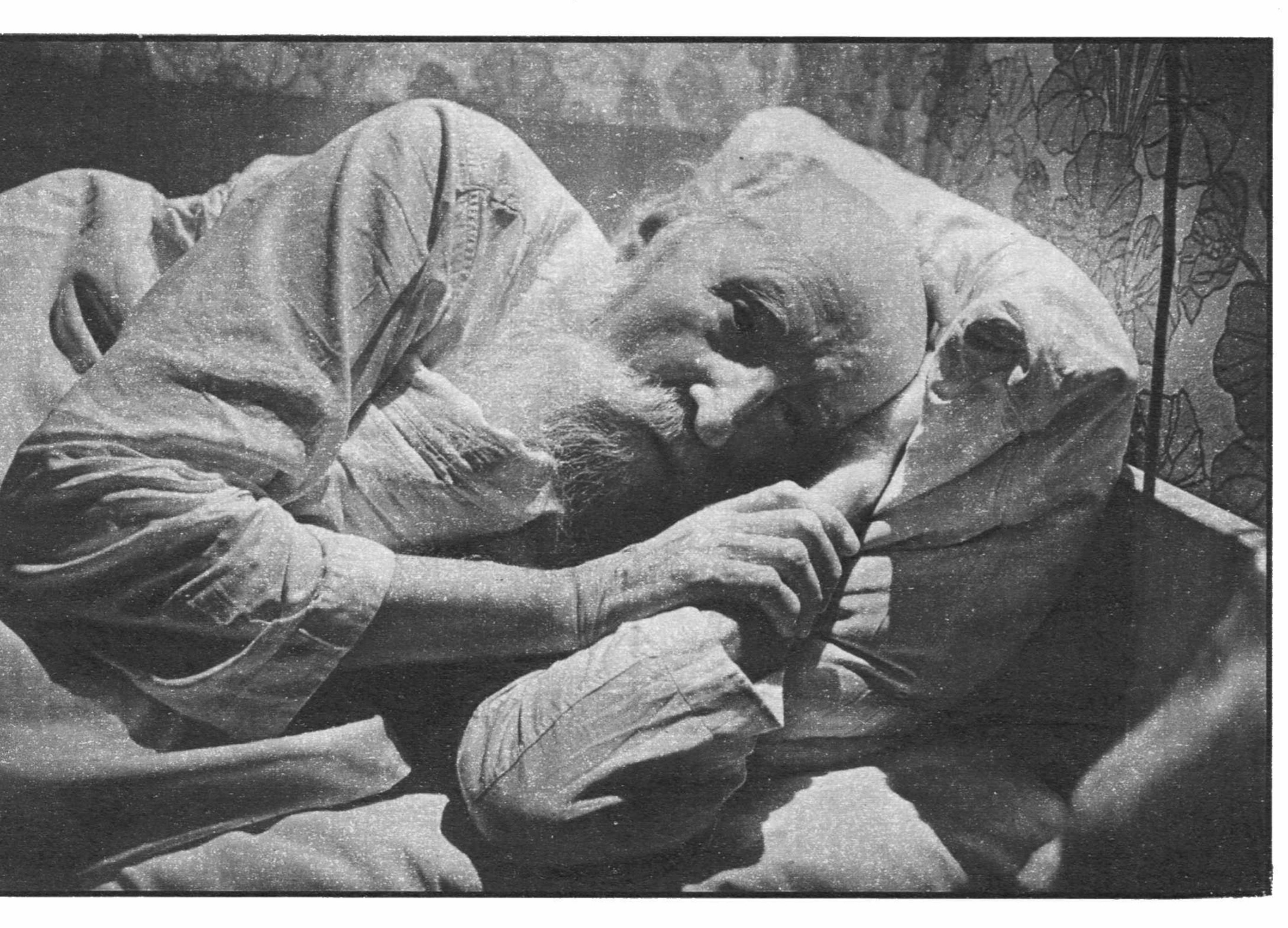
ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ

Фото Павла КРИВЦОВА

Несколько дней довелось прожить бок о бок нашему фотокорреспонденту с епископом Брестским и Кобринским Константином (его мирское имя — Константин Андреевич Хомич).

Уроженец хутора Рог Брестской области, семидесятидевятилетний священник вспоминал:

— В детстве часто приходилось пасти коров и овец. Мне тогда было двенадцать лет. Мастерил из консервной банки ладан-

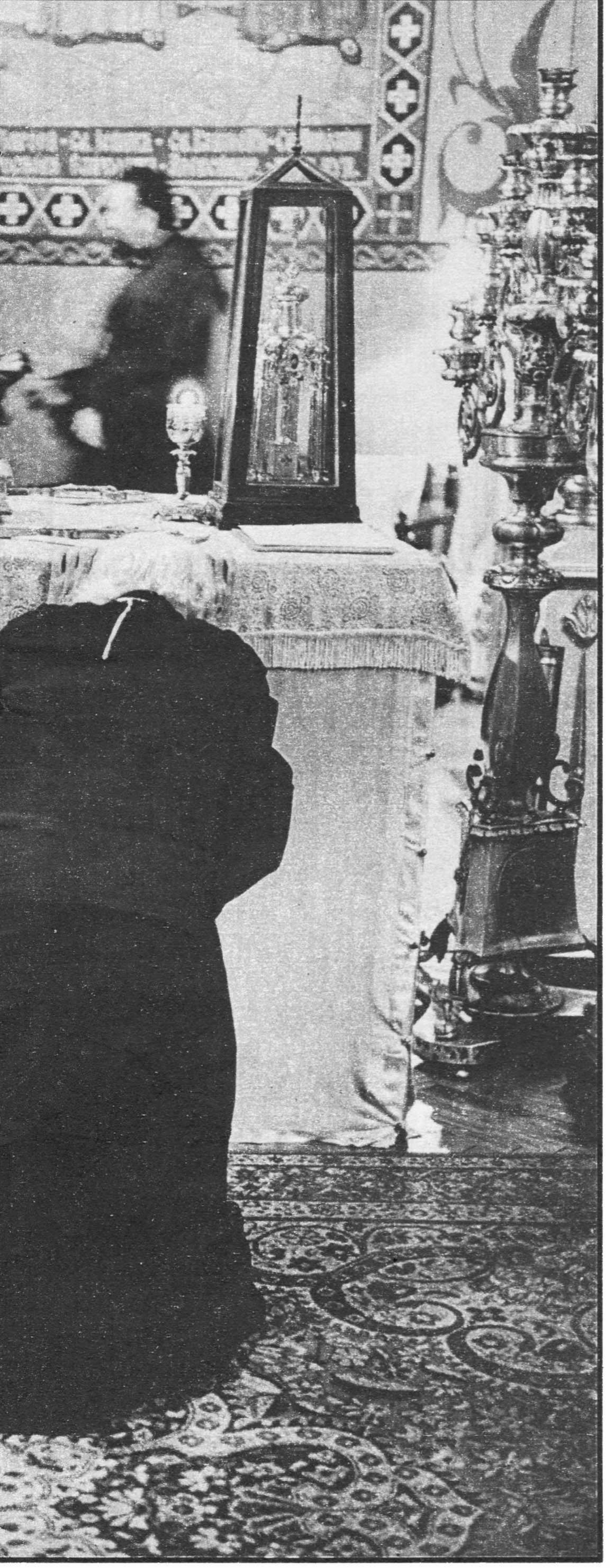

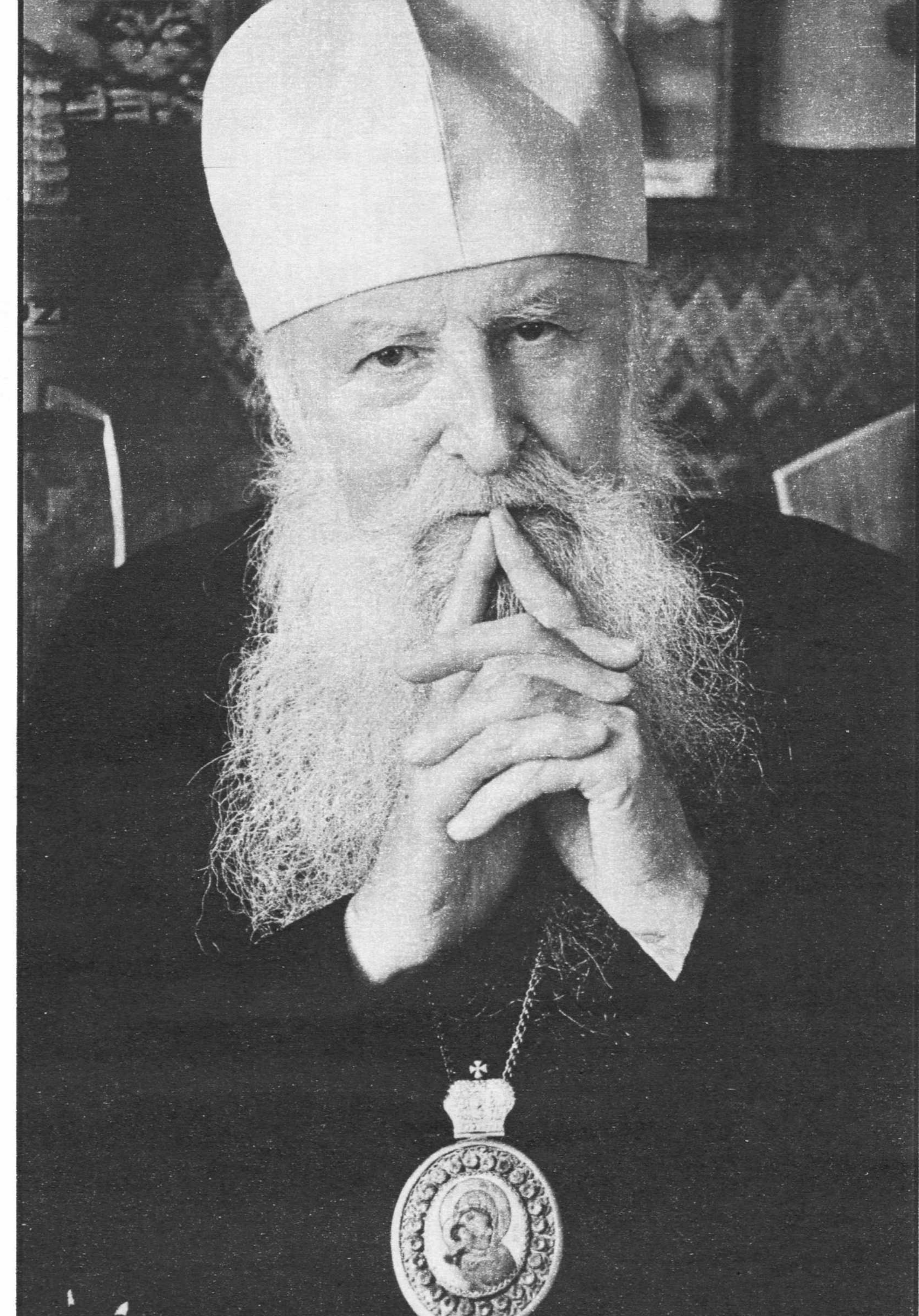

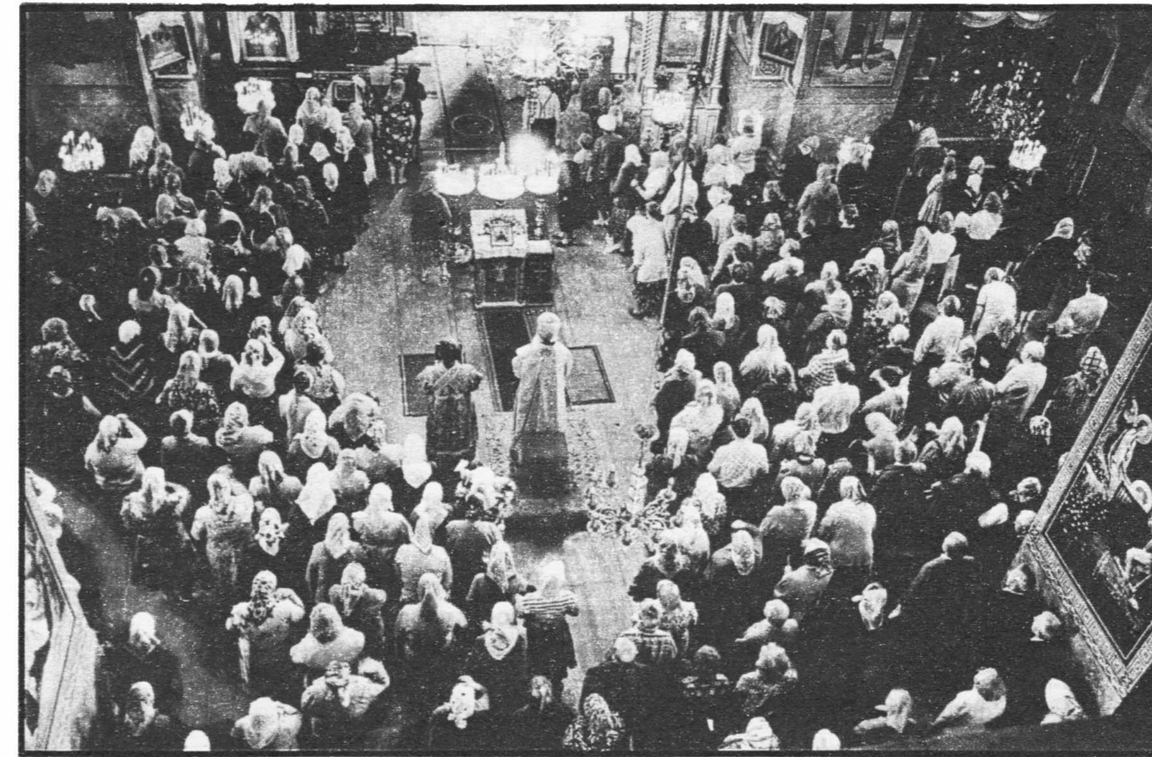

ку, разжигал в ней корешки трав и с увлечением играл в священника. А у дяди, Павла Михайловича, было много духовных книг, я читал их. Первый приход получил в 1936 году, по окончании духовной академии в Вильнюсе.

В 1970 году, после смерти жены, Константин принял монашество. И, даже возведенный в епископский сан, не покинул прихода. Келья его — по-прежнему для всех страждущих.

Сквозь листву неудержимо
Тихо льет церковный звон,
Уносясь куда-то мимо
В бесконечность всех сторон.

Сквозь большие непорядки
Душ людских — добро
скользит...
Где и в чем его зачатки?
И какой влечет магнит?

Дивной силой притяженья
Кто-то должен обладать,
Чтобы светлые явленья
В тьме кромешной вызывать.

Константин СЛУЧЕВСКИЙ

Юрий ОДАРЧЕНКО

НИСХОЖДЕНИЕ В ДОЛИНУ

В 1949 году в Париже вышла небольшая книжка с несколько необычным для русской поэтической традиции названием «ДЕНЕК». Автором этой книги из сорока шести стихотворений, единственной составленной и напечатанной им при жизни, был Юрий Павлович Одарченко. Его стихи и судьба вызывают смешанное чувство удивления, восхищения и... недоумения. Абсолютная естественность и даже какая-то долитературность сочетаются в его творчестве с фантастичностью видения мира и легкостью проникновения в то, что составляет невыразимую суть поэзии. Он был талантливым художником, хорошим пианистом, имел небольшое декоративное ателье, в котором по его эскизам расписывались шелковые ткани для изысканных нарядов, даже дома не снимал синего берета, стесняясь своей «лысости».

До выхода «Денька» у Одарченко было всего несколько публикаций: первая — в литературном альманахе «Орион» в феврале 1947 года, и последующие — в парижском «Возрождении» и нью-йоркском «Новом журнале». Никогда не входивший ни в какие литературные группировки, Юрий Одарченко почти не был замечен эмигрантской литературной критикой тех лет. Правда, Георгий Иванов, наиболее чуткий ко всему действительно новому, подчеркивая «стабилизированность» эмигрантской поэзии и отсутствие новых имен, сказал о поэте, как об отрадном исключении: «Стихи Ю. Одарченко — смелые и оригинальные, ни на кого не похожие, поразили и удивили: неизвестно откуда вдруг появился новый самобытный поэт» («Возрождение» № 10).

Надо сказать, что влияние Георгия Иванова чувствуется в стихах большинства молодых поэтов «первой волны» эмиграции. Одарченко нельзя назвать исключением, но, по парадоксальному на первый взгляд мнению Г. П. Струве, автора наиболее полного пока исследования по истории литературы русского зарубежья, скорее наоборот — воздействие художественного мира стихов Ю. Одарченко, особенно после выхода «Денька», на «послевоенного» Г. Иванова было более сильным. По необыкновенной четкости рисунка, по обостренному вниманию к форме и стремлению найти «утешный ключ от бытия иного», по ощущению повседневного ужаса повторения и одновременного «отсутствия» смерти — при чтении стихов Одарченко возникают ассоциации с именем другого замечательного поэта — Владислава Ходасевича. Но самое поразительное то, что в силу сочетания гротеска, нонсенса и особой повествовательной интонации стихи Одарченко — более «страшные», чем у Ходасевича — производят в целом меньшее ощущение безысходности.

Можно представить русскую литературу XX века как нисхождение в долину, к земле, каждая остановка при котором, несколько перефразируя изречение Павла Флоренского, есть усиление пути, мгновенное сгущение смысла всего движения. Взгляд с вершины остранен и холоден, он отличается даже своеобразной картографичностью, в то время как взгляд с середины пути, со склона, означает более человечное, человеческое осмысление пространства. Таков путь и Юрия Одарченко...

А. КУБРИК

* * *

Поздравляю всех молящихся
С тем, что молятся.
Поздравляю розы чайные
С тем, что колются.
Поздравляю всех трудящихся
С тем, что трудятся.
Получившего пощечину
С тем, что судится.
Поздравляю неудачников,
Коль не клеится.
Продавца гуммиарабика,
Если клеится!
Поздравляю, низко кланяюсь
Встречным всем наперечет.
Поздравляю, низко кланяюсь
Всем, кто дышит и живет.

* * *

На Красной площади, на плахе,
Сидит веселый воробей,
И видит, как прохожий, в страхе,
Снимает шапку перед ней.

Как дико крестится старуха,
Глазами в сторону кося,
Как почесал за левым ухом
Злодей, добычу унося.

И с высоты своей взирая
На этих суетных людей,
Щебечет, солнце прославляя,
На плахе сидя, воробей.

ЧИСТЫЙ СЕРДЦЕМ

По канату слоник идет —
Хобот кверху, топорщатся уши.
По канату слоник вперед
Сквозь моря продвигается к суше.

Как такому тяжелому Бог
Позволяет ходить по канату?
Тумбы три вместо маленьких ног,
А четвертая кажется пятой.

Вдруг в пучину сияющих вод,
Оступившись, скользнет
осторожный?
Продвигается слоник вперед,
Продолжая свой путь невозможный.

Если так, то подрежем канат,
Обманув справедливого Бога.
Бог почил, и архангелы спят...
«Ах, мой слоник!..» — туда
и дорога!

Все на небе так сладостно спит,
А за слоника кто же осудит?!
Только сердце твердит и твердит,
Что второе пришествие будет.

* * *

Есть совершенные картинки:
Шнурок порвался на ботинке,
Когда жена в театр спешит
И мужа злобно тормошит.

Когда усердно мать хлопочет:
Одеть теплей сыночка хочет,
Чтоб мальчик грудь не застудил,
А мальчик в прорубь угодил.

Когда скопил бедняк убогий
На механические ноги,
И снова бодро зашагал,
И под трамвай опять попал.

Когда в стремительной ракете
Решив края покинуть эти,
Я расшибу о стенку лоб,
Поняв, что мир — закрытый гроб.

ПЛАКАТ

Меж деревьев белый пароходик
Колесом раскрашенным шумит.
Борис Поплавский

Пароход, пароход, пароходик
Красным лезвием режет плакат,
Пассажиры по бортику в ряд,
Опершись о перила, стоят,
Путешествию кто же не рад?
Очень рад и стальной пароходик!

Ах как рад, ах как рад пароходик!
Красный носик, а винт позади,
От земли нелегко отойти,
Дыму сколько из труб, погляди:
Дым кругом, и вода впереди.
Веселее плыви, пароходик!

Это новый совсем пароходик:
В трюме нету всезнающих крыс,
Голубеет прозрачная высь,
Он далеко, далеко, вглядись —
Вот и скрылся за радужный мыс.
Очень нравится мне пароходик.

Помолюсь за стальной пароходик.
Шепчет на ухо ангел: «Не так
Ты молитву читаешь, чудак.
Повторяй потихоньку за мной:
Со святыми Господь упокой
Пароход, пароход, пароходик».

* * *

Стоит на улице бедняк,
И это очень стыдно.
Я подаю ему медяк,
И это тоже стыдно.
Фонарь на улице горит,
Но ничего не видно.
На небе солнышко стоит,
И все-таки не видно.
Я плюнул в шапку бедняку,
А денежки растратил.
Наверно, стыдно бедняку,
А мне — с какой же стати?
Фонарь на улице потух,
И стало посветлее,
А пропоет второй петух —
В могилу поскорее.
Над ней стоит дубовый крест,
И это очень ясно:
В сырой земле так много мест,
И это так прекрасно!

* * *

На вокзале, где ждали, пыхтя,
паровозы,
Вы спеша уронили три красные
розы.
Ваш букет был велик, и отсутствия
роз
Не заметил никто, даже сам
паровоз.

На асфальте прекрасные красные
розы,
Синий дым, как вуаль, из трубы
паровоза.
Я отнял у асфальта сияние роз
И забросил в трубу — похвалить
паровоз.

Это редкость: прекрасную красную
розу,
Ожидая отход, проглотить паровозу.
И по вкусу пришлося сияние роз,
Как разбойник в лесу, засвистел
паровоз.

На стеклянном, огромном,
бездонном вокзале
Мне три красные искры в ладони
упали.
Зажимая ладонь, было больно
до слез —
Мне прожгло мое сердце сияние
роз.

* * *

Все звезды созданы для маленькой
земли,
Сплетаются в созвездия они,
И с неба падают — для маленькой
земли.
Лишь только для того, чтоб малое
дитя
С душою чистой, на небо глядя,
Могло сказать: как это хорошо!
Уже во сне: как это хорошо!

* * *

В бистро французской деревушки
Смотрю в стеклянную дыру.
Слежу, как бродят две телушки
По изумрудному ковру.

Душа уснула в мудром теле,
Мне ум совсем ни для чего.
Что надо мне на самом деле?
По совести — да ничего.

Слились кошмары Скотленд-Ярда
С журчанием осенних струй;
И всплеск шара на дне бильярда
Похож на детский поцелуй.

«ОГОНЕК» + АнтиСПИД»

Советский благотворительный фонд

ПОЧТА ФОНДА

«Очень благодарна вам за то, что тема СПИДа является постоянной на страницах журнала. Ваше Обращение к Верховному Совету СССР стоит перед глазами. И очень обидно, что вас — не медиков — этот вопрос волнует больше, чем людей, которые в силах что-то сделать.

Сама я врач-стоматолог. Заведую детским стоматологическим отделением в новом районе города Ульяновска.

То, что мы распространители СПИДа,— согласна. То, что мы не защищены от СПИДа,— вдвойне согласна. Но что делать?

Детей — 51 тысяча и одно стоматологическое отделение при участковой поликлинике. Нуждается в лечении 85—89 процентов. Врачей укомплектовано на 56 процентов. Так что нагрузка — сами понимаете...

Оборудования практически нет, так как старое ломается, а нового не получаем. Нет его ни в Управлении «Медтехника», нет его в магазине «Медтехника». Боры и весь мелкий разовый инструмент получаем штуками. Мыть его бесполезно — он от крови практически не отмывается. А выкидывать — «встанем». Работать будет нечем.

Головки от наконечников (которые починке уже не подлежат) тоже никакой дезинфекции не поддаются: масло внутри. Подшипники от хлорки ржавеют. Впрочем, и хлорки нет.

Ответ везде слышу один: «Везде так, все об этом знают». Но если так и если все знают, то почему мы — врачи — несем за распространение СПИДа уголовную ответственность? Почему те, кто не дает нам инструмента, во главе с министрами, этой ответственности не несут?

Легче всего ответить: «Есть возможность — работайте, нет — приема не ведите». А люди ведь ждут помощи! Каждый день встают в 5 утра к поликлинике в очередь за талонами.

А возможности нормально работать, не рискуя заразить человека, нет уже сейчас, сегодня. И сам врач практически не защищен от ВИЧ-инфекции. У нас нет даже тех страшных, больших и толстых резиновых перчаток, в которых врач-стоматолог практически не может работать. О тонких, латексных, в которых работают врачи во всех цивилизованных странах, я уже не говорю. А ведь мы работаем во рту пациента, вероятность заражения очень велика. Работать с детьми вдвойне опасно, так как ребенок в кресле и плачет, и дергается,— и довольно часто врач ранит руки.

От имени стоматологов призываю всех министров, правительство, всех, от кого это зависит,— примите срочные меры! Купите машины, наконечники, шприцы, инструменты, перчатки.

Защитите детей! Спасите врачей! Жалко бросать свою работу. А врачи, сестры уже уходят. Боятся они. Отнесите нас к группе риска по СПИДу! Защитите нас!

И. М. КУЗНЕЦОВА (Ульяновск)».

ХРОНИКА ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Народный артист СССР Игорь Ойстрах: «Считая своим гражданским и человеческим долгом внести свою лепту в святое дело борьбы со смертельной болезнью, принимаю ваше приглашение войти в Ассоциацию «Искусство, церковь и спорт — против СПИДа» при благотворительном Фонде «Огонек» — АнтиСПИД». Сейчас передаю на благотворительный счет Фонда 50 тысяч бельгийских франков».

Святослав Рихтер: «Я согласен дать не один благотворительный концерт, так же, как и мои коллеги. Мы обдумываем реальные возможности для осуществления вашей просьбы, организация таких концертов не проста, но мы надеемся преодолеть эти трудности».

Государственный симфонический оркестр Министерства культуры СССР и Госконцерта под руководством народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Геннадия Рождественского перечислил Фонду «Огонек» — АнтиСПИД» гонорар за две радиотрансляции — 15 тысяч долларов.

Доктор Р. Казакевич: «Посылаю в дар детям 3000 одноразовых шприцев и канюль. Прошу направить в одну из детских больниц г. Киева».

Футболист Александр Заваров приобрел и отправил за свой счет в СССР в виде дара Фонду 15 000 штук одноразовых шприцев, 1000 одноразовых систем для переливания крови и хирургические маски и перчатки.

Дар предназначен для родильного отделения Луганской областной больницы.

Людмила Нацуи и еще 16 человек (Япония): «Просим вас на собранную нами валюту — 66 тысяч иен — закупить шприцы одноразового пользования и направить их в роддом № 2 г. Еревана. Приветствуем благородную деятельность Фонда и от всего сердца желаем успеха!»

Рижский журналист Александр Геронян привез из г. Касселя (ФРГ) 3000 одноразовых шприцев и игл. Это дар жителей города Гюнтера Оттмара, Кристиана Саббота и Марион Каспер детской больнице г. Ленинакана.

Московский инновационный коммерческий банк и государственное производственное объединение АНТ — по 750 тысяч одноразовых шприцев. Направлены в 1-ю детскую больницу, в 20-ю детскую больницу и в инфекционные отделения детских больниц Москвы.

Английская телекомпания «Ай Ти Эн» привезла 300 000 латексных медицинских перчаток — дар от граждан Англии.

Перчатки направляем во 2-ю инфекционную больницу г. Москвы и врачам городской больницы г. Шахты Ростовской области. В г. Шахты уже 30 детей инфицировано ВИЧ.

Американский импресарио Стив Либер — 60 тысяч одноразовых шприцев. Направляем этот груз в детскую больницу г. Ленинакана.

Конфедерация еврейских организаций и общин СССР (ВААД) — 4400 одноразовых шприцев. По просьбе президиума ВААД шприцы направляем в Псковскую областную детскую больницу.

«Экипаж теплохода «Николай Щорс» Черноморского морского пароходства решил закупить на валюту 1000 одноразовых шприцев и передать их в больницу, где находятся на лечении дети, пострадавшие в чернобыльской аварии. С уважением, капитан Решетников».

Ю. З. Котлярский — 100 шприцев в дар Фонду.

Мадам Картан и Терез Мишель (Франция) — 300 одноразовых шприцев. Переданы в детскую городскую клиническую больницу им. Русакова.

Филипп Кокс (Англия): «Я сам инфицирован ВИЧ. Посылаю вам две упаковки, в которых около 100 капсул азидотимидина, так как узнал, что в вашей стране он еще не выпускается. Буду вам благодарен, если вы найдете человека, который сейчас очень нуждается в этом лекарстве, и передадите ему мой дар. В дальнейшем я постараюсь прислать еще несколько упаковок этого лекарства для больных СПИДом в СССР».

От редакции. Лекарство передано во 2-ю инфекционную больницу г. Москвы.

БЛАГОДАРИМ

Генерального директора Всесоюзного объединения «Экспоцентр» Денисова И. С., куратора фирмы «Межвыставка» Зиновьеву Т. Н., а также Ветохина В. В. и Оганджанова Ю. Ю. из СП «Экспоконста» за предоставление выставочного места и строительство стенда Фонда «Огонек» — АнтиСПИД» на выставке «Здравоохранение-90».

Александр Половец, главный редактор альманаха «Панорама» (США): «Отправляем в адрес вашего Фонда 3000 шприцев одноразового пользования разного размера. Желаем успехов вам и вашим коллегам».

От редакции. Шприцы отправлены в детскую городскую клиническую больницу № 2 им. Русакова.

Отделение агентства печати «Новости» в Токио — 1000 шприцев в дар Фонду. 500 шприцев переданы в научно-исследовательский Центр матери и ребенка г. Ашхабада; вторая часть груза будет отправлена в детское отделение лепрозория в Каракалпакии.

Совместное советско-швейцарское предприятие «ИнтерМедТест» — перевело 1000 долларов и 10 000 рублей на благотворительные счета Фонда.

«Артисты «Союзгосцирка» во время гастролей в Австралии дали специальное представление в Канберре. Весь гонорар в размере 9,5 тысячи австралийских долларов мы решили перечислить на счет «Огонек» — АнтиСПИД». Надеемся, что наш вклад поможет в борьбе с распространением этой болезни в нашей стране.

Эдуард СОРКИН, руководитель коллектива».

Мы благодарим всех, перечисливших свои пожертвования на благотворительные счета Фонда «Огонек» — АнтиСПИД». Это частные лица, организации, предприятия, кооперативы:

Семенов Н. Ч. (г. Москва), Общество Красного Креста (г. Вельск Архангельской области), коллектив райфинотдела (г. Сусуман), Белоусов А. С. (г. Надым), Орлов А. В. (г. Москва), Гитлин М. С. (г. Горький), Козинченко А. П. (г. Обнинск), Мириинская средняя школа, Воскребенцев В. И. (г. Уфа), Сироткина А. Г. (г. Минск), Сигарев В. Ю. (г. Одесса), Карлинская Н. Г. (г. Москва), Лямзин А. Г. (г. Норильск), РУНО (г. Каменка), Волгоградский госуниверситет, Денисовы (г. Магнитогорск), производственное объединение «Мангышлакнефть», Зинскевич Л. П. (г. Москва), КМУ специализированного треста АНХМ (г. Астрахань), партийная организация СПТУ № 15 (г. Пермь), Перова Л. М. (г. Москва), Смирнов Е. Е. (г. Москва), С/Б 5445, строительный кооператив «Подкумок» (Ставропольский край), Кучерский А. Е., ПМК треста «Волгопродмонтаж» (г. Элиста), кооператив «Тонар» (г. Москва), Владимиров В. В. (Днепропетровская обл.), Донецкий завод теплоизделий, Теребин А. А. (г. Москва), Лебарева А. С. (г. Москва), городская больница № 2 г. Волгограда, Ильдеменов (г. Тарту), Петрова Н. В. (г. Долгопрудный), МНТЦ «Темп» (г. Киев), МУ «Сантехмонтаж» (г. Жанатас), Хенвен А. Н. (г. Москва), Овсянникова И. П. (п. Немчиновка Моск. обл.); трест «Армпроммонтаж» (г. Ереван), хирургическое отделение Хмельницкой городской больницы, ТМСУ треста «Союзпроммонтаж» (г. Тамбов), ВМУ-1 треста «Южсантехмонтаж» (г. Волгоград), НПО «Тула-чермет», ВНИИБХМП (г. Москва), Экспериментальный завод средств автоматизации (г. Москва), Качарский ГОК ССГПО (г. Качар), ЦНИИЧМ им. И. П. Бардина (г. Москва), Маркушев Ю. Б., трест «Промэнергоавтоматика» (г. Киев), Коксогазовый завод (г. Калининград), ЦСБ 439 (г. Хабаровск), МУ треста «Уралэлектромонтаж» (г. Ижевск), кооператив «Вяли-интер» (г. Москва), СУ-547 треста «ДСТМ» (г. Горловка), Богдановичское производственное объединение по производству огнеупорных материалов (г. Богданович), ЗСМУ СО «Металлургмонтаж» (г. Заполярный), предприятие В-2329 (Архангельская обл.), Коломейцева (г. Минск), УТТ-4 (г. Усинск), УПТК, Специализированное управление механизации, Первое и Второе тобольские монтажные специализированные управления треста «Запсибнефтехиммонтаж» Минмонтажспецстроя СССР (г. Тобольск), НТКО «Динамика» (г. Москва), научно-техническая кооперативная фирма «ЭКОН» (г. Москва), научно-производственный кооператив «РОСТР» (г. Москва), трест «Юговостоктехмонтаж» (г. Воронеж), НПО «Сибруда» ВостНИГРИ (г. Новокузнецк), ПО «Кривбассруда» (г. Кривой Рог), СУ-5 УС «Спецстроя № 14» (г. Кузнецк), кооператив «Водолей-90» (г. Москва), НТК «Квазар» (г. Москва), металлургический завод (г. Могилев), Кулешов В. Е. (г. Жуковский Моск. обл.), Васюкевич Н. А. (г. Москва), Майкл и Ксана Бланк (Нью-Джерси, США).

Координатор Фонда «Огонек» — АнтиСПИД» А. АЛОВА.

Виктор ВАСНЕЦОВ: ОТКРОВЕНИЕ, ЛЕГЕНДА, ПРОРОЧЕСТВО

КРЕЩЕНИЕ РУСИ.

РАДОСТЬ ПРАВЕДНЫХ О ГОСПОДЕ. ПРЕДДВЕРИЕ РАЯ.
Фрагмент.

Александра ПИСТУНОВА

**Сколько вам было лет, когда вы впервые прочли Библию?
К сожалению, большинство скорее всего скажет, что никогда не держало Библии в руках;
меньшинство — что мало из нее уяснило.
Редки ныне те,
кому библейская мудрость внушалась в отрочестве и притом —
в домашнем чтении;
в отрочестве, которое не выносит двойного счета,
не делает разницы
между фантазией и историей, заветом и поступком, волшебством и прозой жизни.
Отрочество, не покидай нас, злых и взрослых.
Помоги проникнуть в великое, которое было так долго запрещено.**

* * *

Обо все этом думала я, бродя по залам выставки Виктора Михайловича Васнецова на Крымском валу в Москве. Великий русский художник впервые представлен здесь в точных пропорциях своего гигантского труда. В точных пропорциях, а не в полном объеме. Да ведь, по существу, показать творчество Виктора Васнецова полностью — задача недостижимая. Почитайте книги о нем (в частности, лучшую из них, напечатанную три года назад издательством «Искусство», ту, которая цитирует и комментирует васнецовские письма, дневники, воспоминания, документы) — вы увидите, сколь часто сакраментальная фраза «местонахождение неизвестно» встречается в примечаниях.

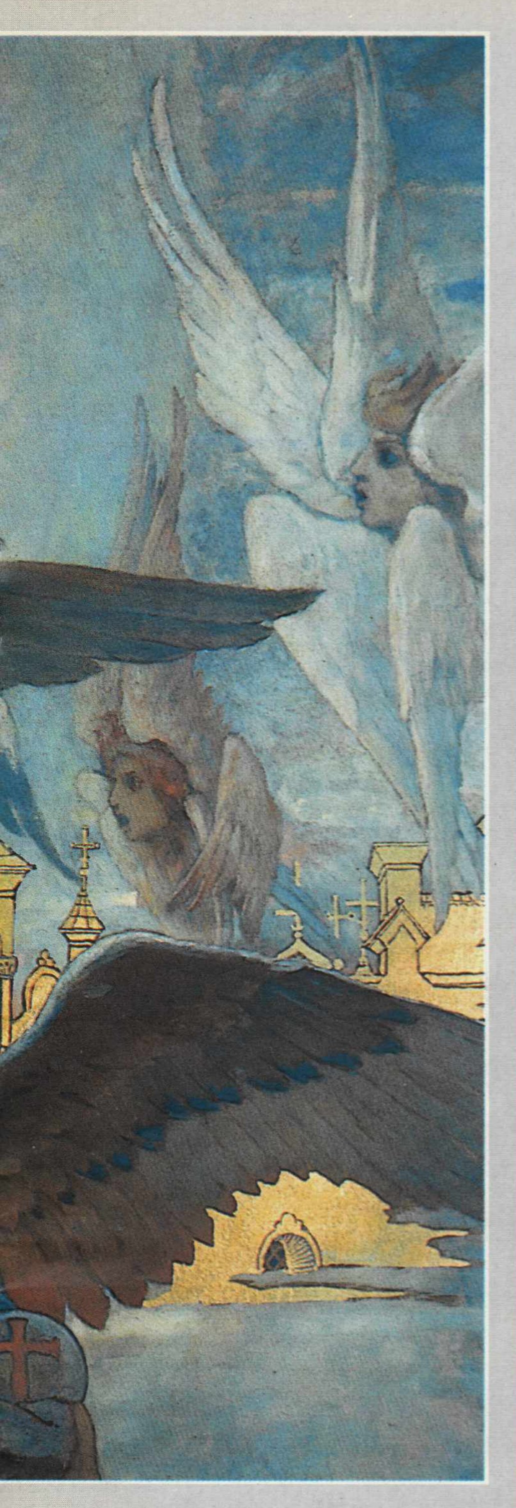
Недавно, тому уж два года с лишним, во время празднеств в честь тысячелетия крещения Руси, внимание народа было привлечено к собору Владимира Святого в Киеве, интерьер которого расписан Васнецовым. Пожалуй, многие тогда впервые узнали о Васнецове главное: он был *религиозным* живописцем.

Слово это фиксирует не столько предмет художнического труда, сколько констатирует его уровень. Религиозными живописцами были Чимабуэ и Джотто, Ван Эйк и Дюрер, Рафаэль и Веласкес. На Западе. В России — Андрей Рублев, Симон Ушаков, Владимир Боровиковский, Илья Репин, Иван Крамской, Николай Ге, Михаил Нестеров. Называю их имена не по ранжирам и эпохам — по мере собственной любви и памяти. В советское время к религиозным живописцам героически принадлежали Павел Корин и Ладо Гудиашвили. Верующие? Да. Хоть обрыдли нам слова с корнем «вера» и боимся мы их, как черт ладана. Однако начинаем привыкать, уважать свою веру и чужую, знать тех, кто помогал и всегда будет помогать людям молиться, надеяться и любить. Художник здесь первый человек. В наши дни — все равно как в средневековье, когда множество безграмотных не могло прочесть Библию,— храмовый живописец дает человеку понятие о святом и вечном.

Высокая — в буквальном и переносном смысле — фигура Виктора Михайловича Васнецова возглавляет отечественную дружину христианских художников.

Все знали хорошо Васнецова-баяна. Три богатыря и три царевны подземного царства; еще две знаменитые царевны: «спящая» и «лягушка». Еще богатырь и гусляр Садко, а также витязь, что на распутье, Иван-царевич на сером волке... Те, кому досталось бывать в Третьяковской галерее и других сокровищницах русского искусства, где имеется Виктор Васнецов, запомнили эти чудные сказки на всю жизнь. Особенно — в Третьяковке, ведь тут встреча с Васнецовым происходила на тротуаре Лаврушинского переулка, когда становился виден фасад галереи — силуэт старинного терема с гербом Москвы работы мастера.

У других поколений на долгие годы Васнецов просто отнят. Станем же думать, что нынешняя выставка Виктора Васнецова — дорога к храму российского художества. И поблагодарим за новую возможность прикоснуться к чуду васнецовского таланта Лидию Ивановну Иовлеву, Нину Александровну Ярославце-

НИЩИЕ ПЕВЦЫ (Богомольцы). 1873.

АВТОПОРТРЕТ. 1873.

ву, Лидию Александровну Торстенсен. Они возглавляли создание экспозиции Васнецова.

* * *

Слева, в конце убогой анфилады зал на Крымской набережной, экспозиционеры словно бы воссоздали алтарную абсиду Владимирского собора. Ту, где сохранился прославленный запрестольный образ идущей к людям Богоматери, существа такой дивной прелести и гармонии, что разве только эрмитажную Мадонну Конестабиле Рафаэля можно с нею сравнить. На сегодняшней выставке в Москве экспонированы черно-белые холсты, так называемые картоны для алтаря Владимирского собора. Рядом с Богоматерью — пророки: Гедеон, Илья, Иеремия, Наум, Соломон, Давид (с вечными гуслями своими), Даниил, Моисей, Иезекиилъ и, наконец, печальный и грозный пророк Исайя, которого цитирует В. И. Даль, чтобы рассказать нам о птицах Сирин и Струфион («будут селения сирином и селища струфионом»).

Сославшись на «Толковый словарь живаго великорусскаго языка», можно сказать, что сирин есть сова, а струфион, или строфокомил,— всего только страус. Но откроем в Библии книгу пророка Исайи:

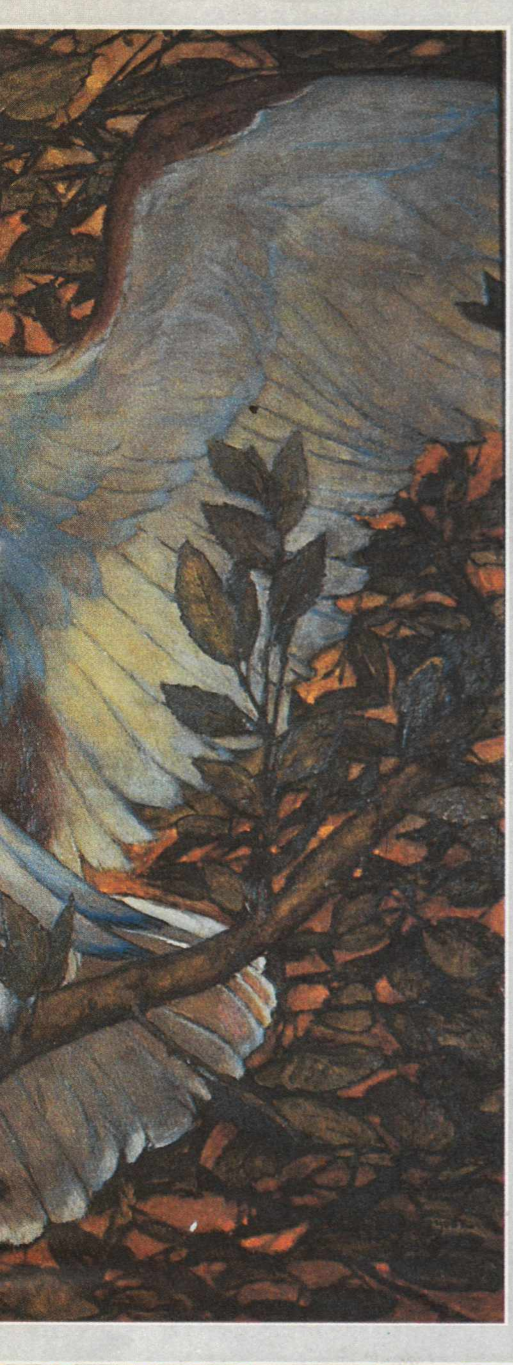
Земля ваша опустошена...
Все опустело, как после разорения чужими...
Если захотите и послушаетесь,
то будете вкушать блага земли.
Если же отречетесь и будете упорствовать,
то меч пожрет вас...

Васнецовский Исайя горестно вздымает вверх руки, изумляясь «надменному сердцу царя ассирийского»... Царя ассирийского? Мы знаем его под разными именами, но он всегда говорит, как в древности:

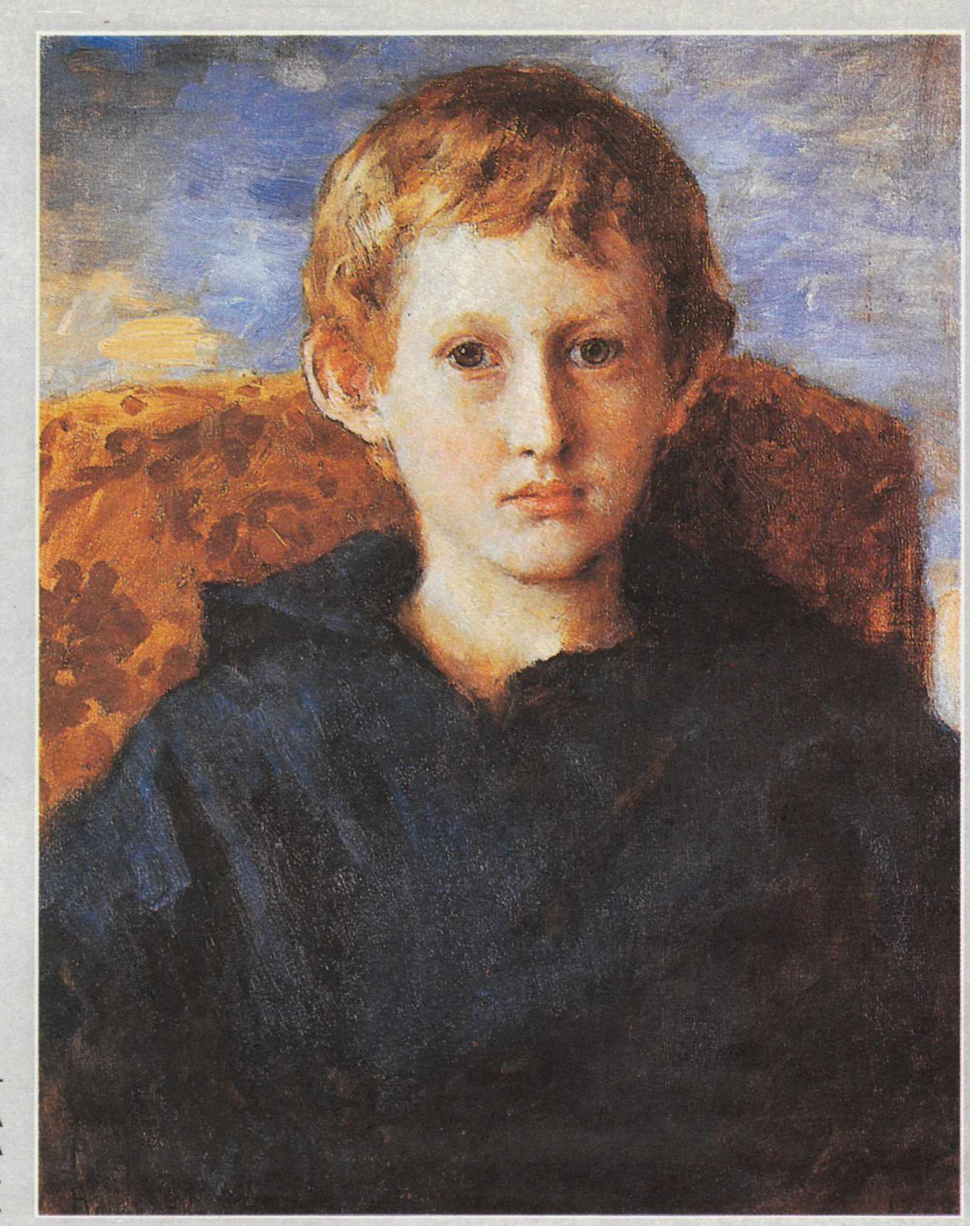
Силою руки моей и моею мудростью
Я сделал это, потому что я умен;
И переставляю пределы народов,
И расхищаю сокровища их...
И рука моя захватила
Богатство народов, как гнезда...

ЗАТИШЬЕ.
1881.

СИРИН
И АЛКОНОСТ.
ПЕСНЬ
РАДОСТИ
И ПЕЧАЛИ.
1896.

ПОРТРЕТ
БОРИСА
ВИКТОРОВИЧА
ВАСНЕЦОВА.
1889.

ПЛАЩАНИЦА.
1901.

С
КВАРТИРЫ
НА
КВАРТИРУ.
1876.

Мы можем отойти от «абсиды» Владимирского собора и увидать грозного Бога Саваофа, ведь это он наказывает всех на свете царей ассирийских, «посылая чахлость на тучных» и говоря: «Народ мой!.. Не бойся Ассура... Снимется с рамен твоих бремя его и ярма его — с шеи твоей».

Задачей религиозного живописца всех народов и времен всегда было одно и то же: обратить человека к высокому чувству, знанию, размышлению. Дать ему уверенность и веру, спокойствие и утешение, то, что в одной из лучших русских религиозных книг называется «добротолюбием». Удивительно, что Виктор Михайлович Васнецов внушает нам это не только музыкальными движениями матери Божией — и в начале, и в конце великой жизни, смерти, воскрешении ее великого Сына. Не только взглядом и обликом Бога-отца и Бога-сына, каким-то особым, излучаемым ими покоем. Васнецов даже в сценах Апокалипсиса, Оплакивания, Страшного суда (где современник найдет так много отзывающегося недавней будто бы российской историей) предрекает то, что евангелист Марк именует усмирением бури: «Он запретил ветру и сказал морю: «Умолкни, перестань».

* * *

Исследователи жизни и творчества Виктора Михайловича Васнецова говорят, что в русской литературе художник больше всего любил и ценил Достоевского. Он справедливо считал пророческим роман «Бесы», и счастье еще, что не ведал, каким долгим, библейски ужасающим через весь XX век будет исполнение этого пророчества. Только коричнево-багровый мафорий (плащ) Богоматери во Владимирском соборе — цвета засыхающей крови. Только святая Анна Кашинская — старенькая, тоненькая и прямая, во всем темном (так ходила няня моя, Анна Васильевна) — словно бы знал Виктор Михайлович Васнецов раскулаченных, зла не ведающих крестьянских старух, которые придут в безбожный город со своим Богом (защитой и справедливостью) и со своей Книгой (знанием и правилом).

Всем ведомо, что васнецовской картине «Гамаюн — птица вещая» посвящены стихи Александра Блока:

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...

Писал о васнецовской птице Гамаюн и друг юных его дней Илья Ефимович Репин: «А какие Сирины! Какой Гамаюн! Кажется, что это существо какой-нибудь другой планеты, и делается жутко от этого волшебства художника». Не ищите дево-птицу на васнецовской выставке. Как многие «мракобесные», «буржуазно-декадентские», «классово чуждые» произведения, «Гамаюн» был... сослан. Ссылка картины продолжается и поныне. «Гамаюн» числится за Дагестанским художественным музеем в Махачкале и не прибыл оттуда на выставку. «Не дали его вам?» — спросила я устроителей. «Да и дали бы — нет средств транспортировать... Хотя многие, многие музеи и хранилища нам отказывали. Сохранность-де плохая. Или давние счеты». А уж какие могут быть счеты, если речь идет о празднике духа, о русской классике?

В «Страшном Суде» Васнецова Богоматерь, одетая в тот же коричнево-красный мафорий, горестно прислонилась к плечу Вседержителя, вымаливая спасение грешникам — разрушителям, лжецам и хулителям. Длинные очереди их изгибаются, ожидая грозного слова. Словно знал Виктор Михайлович пророчески о тех, кто по приказанию Пилсудского разрушит православный собор в Варшаве, где были чудные мозаики Васнецова...

Суд предстоит и праведникам, иное дело, что их дорога — в рай, поближе к ликующей синеокой птице Алконосту. Праведников (тех, кто берег и хранил творения великого мастера) тоже немало, к нашей радости. Тут и те неведомые советские хранители третьяковских фондов, кто разворачивал навернутые на вал холсты-картоны храмовых росписей Васнецова, разглаживал их, давал им «подышать» и снова, от греха подальше, наматывал на вал. Тут

БОГОМАТЕРЬ С МЛАДЕНЦЕМ. 1882.

ПОРТРЕТ
В. С. МАМОНТОВОЙ.
1896.

образ в картоне росписи барабана Владимирского собора «Радость праведных о Господе. Преддверие рая» навеян другом, Елизаветой Григорьевной Мамонтовой, женой российского «Лоренцо Медичи Великолепного» — Саввы Ивановича Мамонтова. С этой семьей очень близок был Васнецов. В их Абрамцеве провел все «свободное» время молодости и зрелости. Для Абрамцева построил Виктор Михайлович небольшую церковь — реплику новгородской Спасо-Нередицы; по его же рисунку построена там «избушка на курьих ножках» и часовенка на могиле Андрея Саввича Мамонтова, ушедшего молодым. Начальные буквы имен пятерых детей составляли анаграмму отцовского имени: САВВА. Первая из двух «А» первой и ушла. Дрюша Мамонтов, художник и архитектор, работал в Киеве во Владимирском соборе с Виктором Михайловичем: по васнецовским проектам и по собственным своим писал орнаменты для столпов корабля. Если допущен был молодой Мамонтов писать рядом с васнецовскими свои орнаменты, значит, много обещал его дар. Часовенка на могиле в Абрамцеве напоминает об общей работе Васнецова с Андреем Мамонтовым: похожа на уставшую в высоком полете, сложившую крылья райскую птицу. Птицу отрочества. Времени, когда Дрюша Мамонтов впитывал в себя, воспринимал этический и эстетический завет старшего друга.

О «дружбах» и «враждах» всякого дорогого поколениям художника ходят легенды, движутся споры через десятилетия, а то и века после него. Я думаю, нам не стоит входить в детали давних ссор и расхождений, пусть даже когда-то они носили так называемый «идейный» характер. Время все рассуживает посвоему. И если, скажем, нам известно, что Александр Николаевич Бенуа позволил себе в «Истории русской живописи в XIX веке» изругать Виктора Михайловича Васнецова (кстати, товарища и соавтора его старшего брата Леонтия, не прекратившего это соавторство и товарищество и даже будто не заметившего грубых обид, нанесенных почитаемому мастеру), то, рассматривая работы самого Ал. Н. Бенуа, мы с удивлением увидим, как он впрямую унаследовал от книжных («Азбука», Пушкин) и сценографических («Снегурочка», «Русалка») произведений Васнецова. Да и романтика европейского средневековья в станковой живописи Ал. Бенуа очень тесно

БУКЕТ.
АБРАМЦЕВО.
Начало 1880-х.

и иереи собора Святого Александра Невского в Софии, сберегшие образа Васнецова после падения власти царя Бориса; тут и гессенские немцы из Дармштадта, родного города последней русской царицы, где для нее, перешедшей в православие, возвел Леонтий Бенуа и украсил мозаиками Виктор Васнецов чудесный маленький храм.

...Много ныне найдется тех, кто внушает, что идти следует только по тому проторенному Васнецовым пути, о котором говорил в начале нашего века «Р. Изгой». Таков был литературный псевдоним Н. К. Рериха — вот уж ему не откажешь в следовании Васнецову. Ну, а нынешние последователи? Те, кто режет старые иконы, сбивая из них рамы для своих поделок? Те, кто занимается «обтяжкой» фотографий для сладкоструистых портретов? Те, кто изумляет беднягу зрителя почти километровыми холстами, где бьются друг о друга известные своими изображениями подлинные герои и мнимые, прожаренные отменным маслом заграничных красителей? Право, не место рассуждать о них в статье о Викторе Михайловиче Васнецове. Хотя мелкого беса, пародирующего божество, непременно найдем мы в апокалипсических сценах, писанных великими мастерами. Найдем и у Васнецова...

* * *

Но обратимся лучше к святым. К ангелам, которых иногда писал Виктор Михайлович с собственных детей (особенно с сына Миши), к Святой Софии — ее

связана с открытиями Васнецова в русском романтическом эпосе.

Так что же это было между В. Васнецовым и Ал. Бенуа в нашем сегодняшнем понимании — дружба или вражда?

А отношения с Репиным, начавшиеся юношеской влюбленностью, даже как бы ученичеством Васнецова у Репина (которое Виктор Михайлович всегда признавал)? Потом была теснодружеская жизнь в Париже, дальше — в Абрамцеве. Было и расхождение, какое-то взаимное брюзжание об Иванах Грозных: чей же лучше? Да оба лучше — скажем мы сегодня.

А вот еще один близкий человек Васнецова: Марк Матвеевич Антокольский. Вместе с ним и с Репиным жил Виктор Михайлович в студенческие годы в василеостровских линиях около Академии художеств. Потом жизнь свела в том же Абрамцеве, где Антокольский работал над головой Иоанна Крестителя для абрамцевской церкви, а Васнецов портретировал скульптора и незлобно пошучивал над его виленским акцентом. Портрет Антокольского — чудесный, братский портрет — покажет вам васнецовская выставка. Как это в Книге книг? Просто: не различал великий мастер ни эллина, ни иудея. А гнилостный душок национализма назвал Васнецов в одном из своих писем «нестерпимой околодовщиной». Актуально звучит, не правда ли? А ведь дана эта формула величайшим патриотом «бедной подснеженной России», так изложившим свое кредо в письме к Стасову: «...Главный тезис моей веры таков: мы только тогда внесем свою лепту в сокровищницу всемирного искусства, когда все силы свои устремим к развитию своего родного русского искусства, т. е. когда с возможными для нас совершенством и полнотой изобразим и выразим красоту, мощь и смысл наших родных образов... и сумеем в своем истинно национальном отразить вечное, непреходящее. Может, это не ново и нескладно сказано, но другой веры в искусстве у меня нет».

* * *

Выставка Васнецова показывает множество художественных профессий великого мастера: монументалист и портретист, жанрист и сценограф, книжный иллюстратор и архитектор, пейзажист и прикладник... Тут стоят его мебели, сравнимые разве что с испанскими из Музея изобразительных искусств. Тут лежат в витринах его «Сказки», Тургенев, Лермонтов, Пушкин. Тут висит его эскиз декоративного блюда, словно бы не карандашом и акварелью рисованного, а кованного из серебра и сканного златокузнецом.

На антресолях, над залами, показаны старые фотографии из домашних альбомов. Лицо, иногда суровое и строгое,— иконописный лик. А иногда полное ласки, юмора, родительского тепла, семейной и дружеской любви. Счастливый ли человек был Виктор Михайлович Васнецов? Счастливых любят ведь не только современники, но и потомки. Нам ведь надо учиться быть счастливыми, а это наука не простая, трудовая. «Человек своим бытием,— однажды записал Васнецов в дневнике,— неизбежно и могущественно влиял, влияет и будет влиять на жизнь всего земного шара и в добрую и в злую сторону, соответственно его нравственному и духовному развитию и состоянию». В той записи Виктор Михайлович рассуждает наедине с собой об идеале, о душе, о Боге, о борьбе человека-зверя с человеком духовным. Знал ли 81 год назад о нашем времени, о наших проблемах? Думал об истории человечества, начиная с библейских времен. Мудрость мастера охватывает времена, эпохи, типы. «Первое преступление против жизни брата (даже кровного) совершено было не по нужде, не в защите своей жизни, а из зависти, греха духовного». Согласны ли вы, что, поминая Авеля и страшного брата его Каина, говорит Виктор Михайлович словно бы о сводках наших дней с кровопролитием, совершаемым из зависти? Да, да, в конце концов — только из зависти...

Снова спрошу: счастливым ли человеком был великий художник, философ, труженик? Ведь он так мучительно размышлял, чувствовал, такую невыносимую ношу нес на прямых и сильных плечах! Отвечу, как думаю. Счастливым. Ибо праведным. А праведники — и вы увидите это в васнецовском «Преддверии рая» — умеют светиться для других:

Радостью буду радоваться о Господе,
Возвеселится душа моя о Боге моем;
ибо Он облек меня в ризы спасения,
одеждою правды одел меня.
Как на жениха, возложил венец
и, как невесту, украсил убранством.

Эти слова тоже принадлежат буйноволосому, горячему, воздевшему вверх руки пророку из алтаря Владимирского собора. Исайе, которого Виктор Васнецов одел одеждою правды, как и всех других замечательных своих героев.

Борис ОРЛОВ, доктор исторических наук

ДИКИЙ СОЦИАЛИЗМ.

УЛУЧШИМ ЛИ ЕГО КАПИТАЛИЗМОМ?

Такая вот родилась у меня формула в результате многолетних размышлений: «социализм плюс капитализм равняется социальному государству». А ее кажущейся парадоксальностью, которая наверняка у одной части читателей вызовет недоумение, а у другой возражение, я обязан в какой-то степени Е. К. Лигачеву, который в бытность свою членом Политбюро в нашумевшем интервью «Аргументам и фактам» с большевистской прямотой заявил, что «социализм капитализмом улучшить нельзя». Я тогда хотел было по этому поводу написать реплику в какую-нибудь газету, напомнив ленинское указание относительно того, что, когда в этом возникает необходимость, можно все же и к капитализму «идти на выучку». Но потом подумал: разве не имеет человек права на собственную точку зрения, даже на самую кондовую?

Потом слушал выступления делегатов XXVIII съезда КПСС и ловил себя на мысли: не одинок в своих суждениях Егор Кузьмич. Есть у него единомышленники. Не стесняясь никого, даже самого Генерального секретаря, режут правду матку в глаза, грудью встают на защиту социализма. И зал им горячо аплодирует. А я слушаю все это и спрашиваю самого себя: «Что же такое происходит? Неужели партия, вдохновляясь такими примитивными лозунгами, в состоянии всерьез осмыслить проблемы, стоящие перед страной, и предложить разумное решение в контексте мирового развития, отмеченного переходом в качественно новое состояние информационной цивилизации?» Как в каком-то бредовом сне! Где-то там (не так уж далеко) дети играют в компьютеры, по отличным дорогам мчатся автомашины, люди сидят под тентами и пьют апельсиновый сок, а здесь толпы усталых людей стоят в очередях, города задыхаются от смога, а те, кто взялся семь десятилетий назад довести страну до «сияющих высот», все глубже погружаются в трясину, повторяя: «Не могу поступиться принципами!»

Странные, очень странные мы люди. Вместо того чтобы руководствоваться здравым смыслом, как делают другие народы, каждый свой слабеющий шаг продолжаем сверять с «Кратким курсом». И добро бы так поступали одни профессиональные партработники и государственные чиновники. Но нет, немало людей и из народа готовы последние деньги потратить на цветы и бросить их к ногам защитников устоев социализма.

Как им помочь освободиться от идеологического дурмана? Как доказать, что понятия «капитализм» и «социализм» давно уже не отражают того, что происходит на самом деле?

Остановим на улице человека и зададим ему вопрос: что такое капитализм? Ответ, видимо, будет такой: это общество, где частная собственность и тот, у кого есть капитал, может вербовать наемных работников, эксплуатировать. Капиталист — это человек в черном фраке, с сигарой во рту, сидит на мешке с золотом. Рабочий в этом обществе — человек с честным, изможденным лицом, в простом комбинезоне, с рук свисают цепи, к ногам прижима-

* **Мнение выступающих под рубрикой «Свободная трибуна» не обязательно совпадает с точкой зрения «Огонька».**

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

ются нищие дети... Эти картинки сопровождали нас с детства.

Спросим того же человека: а что он думает про социализм? И ответ, видимо, будет такой: это общество, где нет частной собственности, где все богатства — фабрики и заводы, земля и ее недра — принадлежат обществу, каждый работает по способности, получает по труду. Общественными фондами, выделяемыми на пенсионное обеспечение, образование, здравоохранение, культуру, науку, спорт, пользуются все члены общества. По мере развития производительных сил в обществе все больше будет воплощаться непосредственно коммунистический принцип — от каждого по способности, каждому по потребности.

Надеюсь, я ничего не исказил, не упростил, а воспроизвел «усредненное мнение» почти по школьному учебнику.

А теперь зададимся вопросом: как эти представления соотносятся с реальностью?

Сначала про капитализм. Суть капитализма, его движущие пружины, его исторические перспективы осмыслены марксизмом. Что самое важное в учении Маркса? Его соратник Энгельс главную заслугу Маркса видит в том, что им были осуществлены «два великих открытия» — материалистическое понимание истории и разоблачение тайны капиталистического производства. В чем же эта тайна? Было доказано, пишет Энгельс (в работе «Развитие социализма от утопии к науке»), что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и эксплуатации рабочих. Энгельс поясняет, что получаемая таким образом прибавочная стоимость в конце концов и образует ту сумму стоимости, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капитала. Благодаря этим открытиям (материалистическое понимание истории и механизм получения прибавочной стоимости), подчеркивает Энгельс, социализм стал наукой.

Вот от этой главной теоретической «печки» и танцует коммунистическое движение, полагая, что такое научно обоснованное выявление сути капиталистической эксплуатации и дает ему моральное право «экспроприировать экспроприаторов», а в переводе на большевистский язык конца 1917 года — «грабить награбленное». Что и было сделано с завидной последовательностью.

Однако «великие научные открытия» Маркса, которые выделил в первую очередь Энгельс, дальнейшим ходом истории не подтвердились. И это в первую очередь касается механизма формирования прибавочной стоимости. Оказалось, что на владельцев капитала, действовавших в период «дикого капитализма» практически бесконтрольно и заставлявших работать на мануфактурах по 16 часов в день не только взрослых, но и детей, можно было как-то воздействовать, смирять их «хищнический эксплуататорский аппетит». И одним из первых, кто подметил возможность такого усмиряющего воздействия, был не кто иной, как Маркс. Это он в 1864 г. пишет текст Учредительного Манифеста Международного Товарищества Рабочих и, комментируя тот факт, что английский парламент принял билль о рабочем дне, обязывавший всех предпринимателей придерживаться десятичасового рабочего дня, пришел к выводу, что тем самым впервые «политическая экономия пролетариата» одержала победу «над политической экономией буржуазии». Как известно, наемные работники этим английским биллем не ограничились. Ныне — и в Англии, и в других странах Запада — они работают по восемь и менее часов, получают отпуск до шести и более недель, их заработная плата из года в год растет. Более того, именно под давлением профсоюзов и партий, отражающих интересы наемных работников (не только социал-демократов и коммунистов, но также христианских демократов и либералов), предприниматели вынуждены были из года в год выделять в виде налогов все больше средств в общественные фонды, из которых шли средства на образование, здравоохранение, науку, другие общественные нужды.

Приведу данные по стране, которой занимаюсь много лет,— ФРГ. Наемный работник в среднем получал в 1950 г. 279 марок, в 1960 г.— 594, в 1970 г.— 1351, в 1980 г.— 3058, в 1987 г.— 4086 марок. Но росла не только заработная плата, но и социальный бюджет страны (за счет налоговых поступлений, не в последнюю очередь от предпринимателей). В цифрах это выглядело так: 1960 г.— 69 млрд., 1970 г.— 180, 1980 г.— 475, 1987 г.— 635 миллиардов марок. Эти средства расходовались по следующим статьям: пенсии, выплаты по болезни, пособия по безработице, средства на переквалификацию, пенсии сельским хозяевам, пособия на содержание детей, пособия на воспитание детей (отдельная статья!), пособия жертвам войны, средства на обзаведение жильем, помощь молодежи, социальная помощь. На одного гражданина ФРГ приходилось в среднем по социальному бюджету в 1960 г. 1243 марки, в 1987 г.— 10 400 марок (желающий может сравнить с размерами наших общественных фондов, которые превозносили до недавнего времени как главное преимущество социализма).

Но что же предприниматели? Обдирают их как липку? И зарплату повышай, и на общественные фонды дай. Но и они не внакладе. В 1988 г. из всего национального дохода на зарплату шло 67,7 процента, отчислялось в прибыль предпринимателям 32,3. В абсолютных цифрах — зарплата — 1122, доходы предпринимателей — 535 миллиардов марок. Доходы также стремительно росли; приведем еще одно сравнение: в 1950 г. они составляли 32, в 1960 г.— 95, в 1970 г.— 169, в 1980 г.— 304,

в 1987 г.— 486 миллиардов марок.

А теперь задумаемся над этими цифрами. Если зарплата растет, общественные фонды тоже растут, а прибыль предпринимателей вовсе не сокращается, но тоже растет, то откуда же все это берется? Неужто за счет той «великой тайны капиталистического производства», которую разоблачил Маркс и суть которой, по словам Энгельса (повторим еще раз),— присвоение неоплаченного труда?! В том-то и дело, что якобы научно обоснованное выявление механизма капиталистической эксплуатации, которое легло в основу революционной политики экспроприации, жизнью не подтвердилось.

Прибавочная стоимость есть совокупный результат множества факторов, среди которых введение трудосберегающих технологий, риск предпринимателя, талант менеджера, конъюнктура рынка занимают далеко не последнее место. Давно пристаю к друзьям-экономистам: выделите из общей массы прибыли ту часть, которая и составляет непосредственно труд наемных работников. Отказываются. Говорят, что это невозможно сделать. Я же подозреваю, что в результате создания механизмов защиты наемного работника — и на уровне предприятия, и на уровне общества в целом — его не только не эксплуатируют, но, более того, он получает больше, чем непосредственно вкладывает путем физических и умственных усилий.

А вот пример действительно эксплуатации, и действительно безудержной. В одной из среднеазиатских республик директор совхоза наладился весной нанимать бомжей. Он отбирал у них паспорта, запирал в бараки, выводил строем на работу, в конце месяца в качестве премии выставлял каждому по бутылке водки, а по окончании сезона выгонял, выдав на руки жалкие гроши (убирайся куда хочешь!). Вот это эксплуатация в чистом виде! Но если те же самые несчастные люди, которых бюрократическая фантазия окрестила этой режущей слух аббревиатурой, объединились бы в профсоюзы, избрали в совхозе производственный совет, заключили бы с директором договор, в котором бы добились тех же уступок, которые стали нормой жизни наемных работников в странах Запада, то им бы позавидовал любой другой работник «первой страны социализма». И кстати, на этот путь встали шахтеры страны, убедившись, что «никто не даст им избавленья» — ни партаппарат, ни государственные чиновники, ни профсоюзы, десятилетиями выполнявшие роль «приводных ремней».

Мораль очевидна: капитал, не ограниченный законом, норовит проявить свой дикий норов. Более ста лет обуздывала его западная цивилизация, стремясь не подавить присущего ему динамизма и, более того, использовать этот динамизм во благо общества, перераспределяя часть прибыли по двум основным каналам — зарплата, общественные фонды.

И тут мы подходим к одной из ключевых проблем, по поводу которой десятилетиями бились представители двух подходов к механизмам перераспределения — коммунисты и социал-демократы. Первоначальные сторонники коммунистической утопии, родившейся в средние века, исходили из следующего: чтобы в обществе была справедливость, надо делить всем все поровну, у тех же, кто имеет больше,— отобрать, пустить на общее благо. Марксизм поставил эту идею на научную основу. Он «раскрыл тайну прибавочной стоимости», получаемой в ходе рыночных отношений, основанных на частной собственности. Тот, кто владеет капиталом, нанимает бедняка, заставляет его работать на себя и, присваивая неоплаченную часть стоимости рабочей силы, тем самым его нещадно эксплуатирует. Отсюда вывод марксизма: главное зло — в частной собственности и основанных на ней наемных отношениях, когда человек вынужден продавать свою рабочую силу как товар. В коммунистическом обществе частной собственности не будет. Все орудия производства принадлежат обществу. Обмен производимой продукцией будет происходить на бестоварной основе путем прямого продуктообмена. Каждый будет получать столько, сколько ему необходимо в соответствии с его потребностями. Правда, на первой стадии, когда производительные силы не разовьются в полную силу, будет действовать другой принцип — от каждого по способности, каждому по труду.

Но как будет устанавливаться мера труда каждого в условиях бестоварного производства? Вопрос из вопросов в любом обществе. Что думают по этому вопросу классики? В работе «Критика Готской программы» Маркс пишет: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой форме. Вроде бы ясно, но на бумаге. Как соотнести разные формы труда — такие, скажем, как труд доярки и космонавта, труд генсека партии и ночного сторожа?

Если Маркс просто давал советы социал-демократической партии, разрабатывавшей в 1875 г. новую программу, то Ленину за два месяца до Октябрьского переворота этот принцип надо было переводить в практическую плоскость, с его точки зрения, наступала пора брать власть. И он приходит к такому выводу (в работе «Государство и революция», август — сентябрь 1917 года): учет и контроль — вот главное, что требуется для «налаживания», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковыми являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся рабочими и служащими одного всенародного государственного «синдиката». Нужно, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдений и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок.

Такая вот стратегия для многоукладной страны, раскинувшейся на одной шестой земного шара. Но все дело в том, что как раз по такому наивному сценарию и пошла, поехала наша жизнь. Все мы стали работниками одного «синдиката». И деление на социальные группы носило все более условный характер. Это, к примеру, особенно наглядно проявлялось в тех случаях, когда разоренный колхоз превращали в совхоз, и тогда бывшие колхозники за одну ночь автоматически превращались из крестьян в рабочих.

Запомнилось эмоциональное выступление одной делегатки XXVIII съезда КПСС, горестно воскликнувшей, что, мол, экономистов у нас много, а экономики нет. Нет, уважаемая, все эти десятилетия была у нас экономика. И создавали ее в первую очередь те самые партийцы, которые владели, к сожалению, лишь четырьмя действиями арифметики, и экономистам приходилось либо выполнять их приказ, либо становиться к стенке. Это по прямому указанию власти создавалась самая схоластическая в мире наука, «политэкономия социализма», пытавшаяся научно описать то, чего не было и не могло быть.

Вместо первой фазы коммунистического общества с признаками, описанными марксизмом, мы получили экономику, где практически каждый становился крепостным государства, от имени которого все возрастающая прослойка учетчиков, контролеров, распределителей и наказующих субъективно определяла, кому и за что платить. Результат, как говорится, налицо. Искреннее желание распределять по справедливости, поровну, присущее коммунистам «первого часа», на деле обернулось дезорганизацией экономики, утратой подлинного интереса к труду, общественной апатией, что выразилось в непереводимой на иностранный язык итоговой формуле «у нас всем все до лампочки». Иностранцу объяснить, при чем тут лампочка, невозможно. А нам все ясно.

Размышляя над причиной случившегося, экономисты уже новой формации, с трудом выдираясь из догматов «политэкономии социализма», приходят к выводу, что первооснова человеческого существования — свобода. Прежде всего право на собственный труд. И, вступая в договорные отношения с теми, кто дает работу, человек каждый раз определяет, устраивают ли его предлагаемые условия или нет. Тот же, кто нанимает, решает вопрос об оплате не «от фонаря» (еще одно ключевое выражение нашей жизни!), но определяя, как производимый в результате совместных трудовых усилий (и наемного работника, и менеджера, и самого предпринимателя) товар будет оценен на рынке. Итак, собственность на свой труд, собственность на капитал, собственность на товар находятся в неразрывной взаимосвязи.

Обо всем этом раньше нас, а потом и наглядевшись на нас (если у нас есть историческая заслуга перед человечеством, то именно в этом — показали, куда ходить не надо), догадались социал-демократы, хотя и им пришлось выбираться из пут марксистской политэкономии не одно десятилетие. Признав право на частную собственность как одну из основных составляющих свободу человека и установив, что в хозяйственной деятельности рынок незаменим, они проводили политику перераспределения в пользу наемных трудящихся, не нарушая логики функционирования капитала, но заставляя его все больше трудиться на благо общества (прежде всего через налоговую политику). Что из этого получилось, каждый может убедиться, съездив в страну, где традиционно правят социал-демократы, например, в Швецию или Австрию. Но не только туда. Принцип примерно такого же перераспределения существует и в других странах — в Японии и Соединенных Штатах, где социал-демократы не правили никогда. Общество берет на себя заботу об основных нуждах самого общества, будь то оборона, просвещение, образование или наука.

Читатель, видимо, уже догадывается, куда я клоню. Корневая идея капитализма — владея частной собственностью на капитал, нанимать людей, с тем чтобы с помощью их труда, но также и с использованием других факторов, о которых шла речь выше, производить прибыль. Ту самую прибавочную стоимость, суть которой выявлял (и при этом упростил) Маркс. Корневая идея социализма — справедливое распределение в обществе производственных благ, забота общества о тех, кто в этом нуждается. В свое время Энгельс писал о социализме Бисмарка, имея в виду те социальные реформы, которые проводил «железный канцлер». Так, он подметил существование тенденции в недрах самого капиталистического общества. В ходе последующего исторического развития выявились два подхода к распределению. Один — в рамках частной собственности и рыночных отношений. Другой — полное уничтожение частной собственности и переход на принципы внерыночного перераспределения.

Что получилось? Какой подход выдержал проверку временем? Пояснять, полагаю, не надо. Распределительная экономика пришла в тупик, разорив хозяйство и окружающую среду, уничтожив в ходе своего становления десятки миллионов людей.

Но что произошло с первым путем? Какой тип общества в результате получился? Когда об этом спросили недавно Б. Н. Ельцина, он сказал, что в США капитализма, описанного Марксом, он не увидел, и предложил обществоведам подумать над тем, что же в этих странах произошло. А произошло, на мой взгляд, то, что капитализм, не утратив своей динамики, стал со временем (не сам по себе, но под давлением общества) все больше выделять часть произведенной прибыли на нужды наемных работников и общества в целом (что, кстати, и пошло ему на пользу, ибо заставило более эффективно изыскивать средства получения прибыли и расширило рынок сбыта). При этом в обществе получали все большее распространение социалистические принципы справедливого распределения, находя отражение в принимаемых законах и осуществляемых социальных реформах. Тех, кто воспитывался на контрастном противопоставлении капитализма социализму, увиденное в той же Швеции приводит в состояние смятения: с одной стороны, частная собственность, наемный труд, капитал, а с другой — такая система социальной защищенности, о которой в так называемых социалистических странах не смеют и мечтать.

Мой собственный ответ: в ходе развития создался новый тип общества, вобрав в себя как элементы капитализма (частная собственность, наемный труд, имущественное неравенство), так и элементы социализма (нарастающее в масштабах перераспределение в пользу наемных трудящихся и смягчающее тем самым имущественное неравенство, заботы общества о социальных проблемах). Имя этому обществу — социальное государство. Это главное достижение, с которым мировое сообщество войдет в новое тысячелетие.

«А как же мы? — спросит читатель. — Что же произошло с нами?» Признаться, я до самого недавнего времени принадлежал к тем, кто отрицал социалистический характер нашего общества, полагая, что те кровавые преступления, которые совершены от имени социализма, несовместимы с его подлинными идеалами. Иными словами, я был (да и остаюсь) сторонником нравственного подхода к социализму. Но ведь корневая идея социализма — справедливое распределение на базе обобществленной экономики. Она присутствует в любой социалистической утопии, именно так был воспринят марксизм в России с ее традициями уравнительной общины и именно таким претворялся в жизнь после Октябрьского переворота.

Да, был в истории Европы период капитализма, особенно в первой половине XIX века, который исследователи назвали «диким». Вот и у нас был свой «дикий социализм» (претендую на первенство в формулировании этого термина), когда полуграмотные массы, ведомые зачастую такими же малограмотными, ринулись сокрушать «до основанья» старые устои и создавать «новый мир». В ходе этого процесса было все — энергия, воля, энтузиазм, террор, страх, равнодушие, апатия, проявление тоталитарных распределительных структур, и как результат — больное по всем статьям общество, не знающее, как ему попытаться встать на ноги и подключиться к мировому цивилизованному развитию.

Та эмоциональная делегатка XXVIII съезда КПСС, которую я упомянул выше, умоляла М. С. Горбачева покончить со спекуляцией, полагая, что в этом корень всех наших бед. Я же, слушая ее выступление, думал: корень наших бед в том, что вот такими упрощенными представлениями об обществе, основанными на знании четырех действий арифметики, и руководствовалась партия, взяв на себя роль лидера. Ей бы следовало руководствоваться другими советами Ленина — учиться, учиться и еще раз учиться. И это особенно относится к тем, кто восстает против того, чтобы «социализм улучшать капитализмом». А между тем в других странах этого не боялись. Сей процесс вполне приемлем и для нас, если, конечно, не иметь в виду тот социализм, по Лигачеву, — распределение пайков для нищеты под бдительным оком начальства.

Руслан КИРЕЕВ

ЯХТА «ГЛОРИЯ»

Рассказ

В перегруженном заботами и проблемами современном городе — той же Витте, например — все меньше места остается легендам. Слухи и сплетни — этих сколько угодно, вас под сурдинку (такой уж, извините, подсурдиночный жанр) познакомят с ними в очередях или трамваях, на рынке и пляже, а вот легенду — не в ироническом, не в переносном, в прямом смысле слова, изначальном — услышишь редко. Новые не рождаются, старые умирают. Тем удивительней история виттинского кавалера де Грие, случившаяся уже в наши дни.

Вообще говоря, герой аббата Прево — лицо исключительное. Особняком стоит, без конкурентов и сотоварищей — в отличие, скажем, от своего антипода, вдохновенного севильского озорника, у которого тьма-тьмущая последователей. Отчего так? Или литературная ситуация отражает ситуацию в жизни, где разгуливают, играя если не шпагой, то ключами от «Жигулей», донжуаны всех мастей, а рыцари мужской верности прозябают, невидимые, где-нибудь на задворках?

Отоларинголог Хелашвили, с именем которого связана легенда о яхте «Глория», жил в дальнем углу двора, в низеньком заросшем виноградом доме с летней пристроечкой. Он жил здесь с самого рождения, то есть вырос на море, точнее — между морем и степью, а о покрытых снегом горах, с которых некогда спустились его пусть далекие, пусть по одной только отцовской линии, но все же предки,— об островерхих горах знал в основном из книг да темпераментных рассказов соплеменников, что съезжались каждое лето на золотые песочные пляжи. Прослышав о местном докторе с грузинской фамилией, с какими только просьбами не шли к нему, но он, большой сильный мужчина, по-детски беспомощно разводил волосатыми руками. И того не может, и этого...

— Как не можешь! — поражались кавказские люди.— Ты ведь живешь здесь! Доктор... Уважаемый человек.

Яков Владимирович, поблескивая зеркальцем на высоком, с залысинами лбу, виновато и внимательно смотрел на просителя. Виновато, потому что не ощущал в себе традиционной грузинской предприимчивости, а внимательно — из-за опасения не понять чего-либо. Дело в том. что отоларинголог Хелашвили неважно слышал. Не потому ли и стал специалистом по уху, горлу и носу?

Глуховат не с рождения был, после несчастного случая, что приключился с ним лет в шестнадцать или семнадцать. Здесь, собственно, и начинается легенда, хотя яхта «Глория» еще не фигурирует в ней. Но есть уже прообраз ее, лодчонка с парусом, который юный романтик установил на подпорке для белья, утащив ее из материнского сарая. Удивительно ли, что посудина эта в первую же хорошую волну кувырнулась? Случилось ЧП в безлюдном месте, вдали от бдительных глаз спасателей. (В черте города кто бы дозволил подобные эксперименты?) После долгой борьбы со стихией юного яхтсмена выбросило на берег. Тогда-то и получил травму, обернувшуюся глухотой.

Погиб парус, погибла подпорка для белья, но уцелела мечта ходить по синему морю на белой яхте. Даже название придумал — «Глория»,— но сколько воды утекло (морской, разумеется, соленой), прежде чем красивая мечта воплотилась в реальность!

Пять лет строил Яша Хелашвили корабль. Ровно пять, и, когда вышел впервые в море, на набережной, рассказывают, собралась толпа. Мальчишки на деревьях расселись, чтобы лучше видеть, а кое-кто будто вскарабкался даже на крышу трамвая, замершего посреди улицы.

Почему остановился трамвай, легенда утаивает. Электричество отключили? Вагоновожатая не могла оторвать глаз от белой красавицы?

День испытания «Глории» — триумфального испытания! — вошел в историю города как день рождения местного яхт-клуба. Человек десять записались, и все десять лелеяли в душе надежду утереть однажды нос Яше.

Хелашвили не принимал вызова. Дух соревнования был чужд ему, даже спортивного. Ни в гонках не участвовал, ни в показательных выступлениях, которые проводили в разные торжественные дни, главным из которых считалось открытие курортного сезона. Он был мудрецом, отоларинголог Яков Владимирович, он читал философов (Гегеля, например, а может, не Гегеля, другого кого-нибудь) и ясно сознавал всю относительность кратких человеческих триумфов. Вечность не была для него абстракцией, он физически ощущал ее — всем своим обветренным, соленым от морских брызг, обожженным южными лучами телом. Напрямую, без лукавого посредничества ума общался с мирозданием (или как минимум с Мировым океаном, представляемым в данном случае акваторией виттинского залива); а уж после, в ночные одинокие часы, медленный честный ум пытался с помощью разных ученых книг контакт этот осмыслить.

Работа, чтение, яхта... Яхта, работа, чтение — вот все, ни на что другое ни времени, ни душевных сил не оставалось. Спиртного в рот не брал, не курил, на женщин не засматривался. Хотя женщины. и весьма обворожительные подчас, нет-нет да бросали на яхтсмена дерзкие взгляды. Именно на яхтсмена, хозяина быстрокрылой «Глории», что бесшумно скользила мимо грузной поскрипывающей веслами лодки с сугубо женским экипажем. Полуобнаженные нимфы, то одна, то другая, звонкоголосо окликали капитана: не возьмет ли, дескать, на буксир? — но атлет под парусом лишь неопределенно улыбался. Не слышал ли из-за глухоты... Не знал ли, как следует отвечать в подобных случаях...

Что, таким уж аскетом был? Нет, аскетом не был, имел-таки человеческую слабость, правда, одну-единственную: покушать любил. Когда-то мать готовила, а как один остался, то здесь уж сам подолгу простаивал у плиты. Молва приписывает Якову незаурядный кулинарный талант, в качестве же коронного блюда его называет голубцы, только голубцы не из капустных листьев — из виноградных, этакие маленькие бомбочки с огненной от перца сочной начинкой. Дабы она не вылезала, бомбочки перевязывались крест-накрест ниткой. Из-за нее-то, из-за обыкновенной нитки, и произошло событие, которому суждено было круто изменить ровную, как бег яхты при слабом ветерке, праведную жизнь Якова Хелашвили.

Отоларинголог подавился. Или, вернее, не подавился, а был пленен и едва не удушен коварно проскользнувшей внутрь мокрой от пряного соуса не очень длинной нитью. Обвившись вокруг язычка, стянула его, точно удавка... Это, правда, он позже сообразил, уже спасенный, вначале же никак не мог взять в толк, что приключилось вдруг с его глоткой.

Схватив зеркало, разинул широко рот. Увы! Слезы удушья застилали взор... Еще немного, и умер бы, погиб бесславно на боевом, считай, посту, ибо пациент — в данном случае он сам — был налицо, равно как был налицо и доктор, не умеющий спасти попавшего в беду человека, но тут занавеска, что заменяла летом дверь, отодвинулась и в тумане возникла женская фигура.

— Что с вами? — прожурчал обеспокоенный голос.

Бедняга, задыхаясь, хватался за горло, за ту как раз часть тела, которую знал в совершенстве.

Неизвестная вошла. Туман расступился, и отоларинголог разглядел склонившееся над ним молодое лицо. Оно было прекрасно, это лицо — первое женское лицо, которое он видел столь близко. Видел не как врач, не как профессионал, а в ином совсем, новом для себя качестве.

Глаза... Какие заботливые, какие ласковые глаза!

На пылающее предсмертным жаром лицо, к несчастью, небритое (он вспомнил об этом с ужасом), легли прохладные руки.

— Сюда, пожалуйста...

Послушно, как ребенок, повернул он голову и еще шире разинул рот. Через минуту нитка-убийца была извлечена. Смеясь, держала ее двумя пальчиками ангел-спаситель или на худой конец мадонна, причем мадонна с младенцем: тот возник невесть откуда в образе синеглазой девчушки с бантом.

— Извините,— просипело освобожденное горло.— Я не успел побриться.

— Ничего,— простила она и, окинув взглядом кухню, осведомилась, нет ли хозяйки. Дело в том, что они с дочерью хотели бы снять коечку, ненадолго и недорого... В тот же миг Яков Владимирович распахнул дверь в комнату.

— Эта подойдет?

Так живописует легенда знакомство капитана «Глории» и избранницы его сердца, бессмертной и всегда новой Манон (не важно, что в данном случае ее звали Ниной), к ногам которой он положил все, что имел, включая белокрылую красавицу. Существует, впрочем, и другая версия, романтический вариант, в котором злополучные голубцы уже не фигурируют. Если верить ей, морской волк Хелашвили впервые увидел Нину в бинокль, с борта судна. Увидел и понял: это судьба!

На незнакомке, что стояла с ребенком и небольшим чемоданчиком под полуоблетевшей акацией (ребенок упоминается в обеих версиях),— на незнакомке была пляжная шляпа, широкополая, с голубой лентой, а солнцем между тем и не пахло, накрапывал дождь. Это судьба! И яхта, на борт которой до сих пор не ступала нога женщины, решительно изменила курс.

Едва днище заскрежетало о гальку, капитан спрыгнул в воду.

— Не могу ли быть чем-нибудь полезен?

Молодая мать удивленно смотрела сквозь слезы на дяденьку в шортах. (Слезы, как и ребенок, также присутствуют в обеих версиях. В первой — слезы удушья, во второй — отчаяния и тоски.) Удивленно же потому, что где это видано, чтобы принц не на такси подкатывал, не на задрипанных «Жигулях», а на яхте!

— Ничем,— вздохнула она. И разглядела, что вовсе не шорты были на нем, а холщовые штаны с неровно отхваченными брючинами.

— Наверное,— предположил он,— вы приехали отдыхать?

Печально улыбаясь, отрицательно качнула она головой.

— Уже...

— Что уже? — не понял он.

— Уже отдохнула...

Какая грусть звучала в ее слабом голосе! Какая беспомощность! О, эти злокозненные хозяйки! Ее, оказывается, ни с того ни с сего потребовала освободить комнату...

Дальше легенда, романтический ее вариант, разворачивается стремительно и красиво. Голоногий капитан берет на руки сперва ребенка, переносит, высоко подымая, на борт, потом маму берет и тоже переносит, а следом, столкнув судно с мели, вскакивает сам.

В этой точке обе версии сходятся, сливаются, как два ручейка, образуя единое семейное русло. Втроем по набережной гуляли, посещали по выходным кино, душный, тесный довоенной еще постройки кинотеатр, а по вечерам, забросив Гегеля, отоларинголог читал вслух на сон грядущий сказки братьев Гримм. Когда же девочка, новообретенная дочь его, засыпала, разворачивал карту побережья. Зеленым фломастером были проложены маршруты дальних и ближних морских вылазок. Вот уж наплаваются они, когда наступит лето!

Нина смотрела с надеждой и недоверием. Неужто наступит? Неужто кончится когда-нибудь эта длинная зима? (Ей она казалась длинной.) Кончится, обещал он. Обязательно кончится... Зацветут каштаны, короткими станут ночи, а морской вокзал, где она томится в своем справочном бюро — именно на морском вокзале пожелала она работать,— заполнится веселым и праздничным людом.

Он не обманул: лето наступило. Зацвели — а потом отцвели — каштаны, укоротились ночи, пароходы же, к которым она проявляла страстный и загадочный интерес, приходили теперь не раз в неделю, как зимой, а ежедневно. И большие пароходы, и маленькие... Только что все они по сравнению с гордым парусником!

Это он так считал, капитан Хелашвили, а затосковавшая Нина находила «Глорию» и тесноватой, и не очень комфортабельной.

— Знал бы ты, какие там каюты!

— Где там?

— Там,— тихо отвечала она.— Там...— И глаза ее заволакивало мечтательной дымкой.

О чем грезила молодая женщина? Что вспоминала? Отоларинголог, слывший за внимательного и чуткого врача, не ощущал надвигающейся беды, а между тем круизный теплоход «Иван Гончаров», белоснежная громадина в черных сотах иллюминаторов, уже приближался, оставляя за собой пенистый след и порхающие звуки духового оркестра. К пирсу не подошел — мелко было тут для него, на рейде остановился, и шустрые катерки перевезли пассажиров на берег.

Был среди них и усатенький джентльмен в сером, под цвет глаз, легком костюме. В отличие от других он не углубился в город, сел на скамейку под тутовым деревом, закурил «Marlboro» и некоторое время задумчивой струйкой выпускал дым. Затем, погасив сигарету, направился к справочному окну.

Нина замерла, увидев его. Увидев — не услышав, ибо пассажир молчал. Стоял, смотрел, усики пощипывал, а потом небрежно просунул в отверстие между крашеными металлическими прутьями голубую бумажку.

Это был билет на «Ивана Гончарова», однако не на этот рейс, на обратный, когда через трое суток теплоход снова зайдет ненадолго в Витту. И дата, и время отправления, и номер

каюты — все было указано, поэтому зачем слова! Гость улыбнулся и, прощаясь, поиграл в воздухе длинными тонкими — музыкальными! — пальцами, на одном из которых красовался перстень с бирюзой.

Пальцы не обманывали: человек действительно не мыслил жизни без музыки, в чем пассажиры «Гончарова» могли убедиться, когда маэстро усаживался после утреннего кофе за судовой рояль. Но то все-таки были упражнения дилетанта, подлинную же виртуозность демонстрировал он в другой игре. Картежником-профессионалом числит легенда дружка виттинской Манон. Если верить ей, за лето под крик чаек набивал ассигнациями небольшой «дипломат».

Особенно удачным выдался сезон, когда в обличье трогательного семьянина путешествовал с женой и дочуркой. Не скупился, баловал обеих щедрыми подарками, но лето кончилось, и Нина с дочерью, о настоящем отце которой легенда умалчивает, очутились на мокрой от дождя виттинской набережной под полуоблетевшей акацией. Тут-то и заскрежетало о гальку днище «Глории». А может, не заскрежетало, может, и впрямь отправилась на поиски жилья и ненароком спасла от удушья любителя голубцов.

Теперь бывший хозяин позвал снова. Трое суток дал на размышление — о, какие трудные, какие длинные оказались для нее эти сутки!

— Что с тобой? — встревожился доктор.— Ты не заболела?

— Нет,— тихо ответила она. (Слишком тихо, если учесть его глухоту.) — Просто... Просто...

Он ждал, внимательно глядя на ее губы. «Просто я уезжаю»,— прочел наконец на этих невинных губах, и ему подумалось, что прочел неправильно.

— Не понял,— признался он.

Повторить хотела она, но не смогла, расплакалась, а он гладил ее, успокаивая, по голове. Что ж... Если надо... И только выговорил: надолго ли?

Ненадолго, пообещала она. Совсем, совсем ненадолго.

— Что ж,— повторил он.— Если надо...

Девочка с ним осталась. Осталась как утешение ему и в то же время как залог, что мама непременно вернется. По утрам отводил ее в садик, после работы забирал, а по выходным уплывали вдвоем на яхте. Если же море штормило, отправлялись в городок аттракционов. На автомобильчиках катались, причем за рулем сидела юная дама, строгая, с поджатыми губами. Он довольствовался ролью пассажира, но пассажира благодарного: по-детски радовался и смеялся, когда пружинисто сталкивались с другими машинами.

Нина не обманула: отсутствовала она, и правда, не слишком долго. Недели через полторы появилась, и это совпало с очередным заходом в порт «Гончарова». Загоревшая, впорхнула в новом платье и огромных, в пол-лица, очках, из-за которых дочь не сразу даже узнала мать. А та целовала ее, тискала, совала сладости и примеряла на маленькие ножки, которые тоже целовала и тискала, лакированные туфли. Вторых таких не было в Витте.

Яков не отрывал от нее восхищенных глаз. Еще красивее стала она. Еще грациозней...

Ему тоже привезли подарок: японские часы, что проигрывали Моцарта. Этой стороны часов отоларинголог, правда, оценить не мог, но что ему часы, что ему Моцарт и весь белый свет, если прекрасная Нина, его Нина, опять с ним!

— В воскресенье,— лепетал,— пойдем на яхте. Обещают зюйд-вест...

Виноватая, она ласково чмокнула его. О, эти теплые губы! У него перехватило дыхание. Достав платочек — о, этот запах! — осторожно вытерла ему щеку. Вздохнула: нет, миленький. Нет... Мы не пойдем в воскресенье на яхте. К сожалению, у нее дела. К сожалению, снова уезжать надо.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА.

— Когда? — выдавил он.

Тут как раз зазвучал Моцарт, дивная мелодия, которую владелец часов не услышал, зато она услышала и встрепенулась.

— Скоро...— И провела ладошкой по его побледневшему лицу.

Больше он не задавал глупых вопросов. Напряженно, как глухонемой, смотрел на свою мадонну, боясь пропустить хоть миг дарованного ему счастья,— смотрел, пока она не исчезла. Лишь детские туфельки остались да часы, да запах ее духов, который он, прикрыв глаза, ловил трепещущими ноздрями.

Над городом протянулся гудок теплохода. Такой же, вспомнил он, предшествовал ее волшебному появлению. С тех пор, рассказывают, стоило теплоходу подать голос, как могучая рука доктора с блестящей металлической пластинкой замирала у разверзшегося рта пациента.

— Гудок? — спрашивал. (Самому себе в таких вещах как-то не очень доверял.)

Пациент думал, это новый способ проверки слуха. Не без удивления наклонял, подтверждая, голову. Гудок, дескать. Что же еще?

Чем объясняла Нина свои отлучки? Это не важно. Чем бы ни объясняла, какой бы вздор ни несла, капитан верил — подобно литературному своему предшественнику, благородному кавалеру, который упорно не желал знать правды о прелестной Манон.

Не слишком часто наведывалась беглянка, однако наведывалась — всегда праздничная, всегда с гостинцами. Но раз, уже на исходе лета, пожаловала с пустыми руками, и вид у нее был такой, что снова, как уже было раз, забеспокоился доктор. Что с ней? Не заболела ли?

Не заболела... Хуже... Деньги нужны.

— Сколько? — спросил Яков.

Не сразу отважилась назвать сумму, а когда произнесла, отоларинголог не расслышал. Переспросил, она повторила, но он снова не расслышал. Страдая, молча глядел на любимую женщину. Тогда она выхватила из его нагрудного кармашка фломастер, поискала глазами бумагу, не нашла и, закусив губу, вывела цифру на ладони.

Лицо его изменилось, когда увидел. Вопросительно посмотрел на рассеянную Нину — не ошиблась ли, не прибавила ли в панике пару нулей, у нее же вместо ответа потекли из глаз черные от туши бессильные слезы. Не прибавила, понял он.

Всхлипывая, призналась, что о жизни человека идет речь. Да-да, о жизни!

Он не спросил, какого человека, вообще ни о чем, только моргал и морщил напряженно сократовский лоб да странно так похлопывал себя по телу, точно там муравей ползал.

Тогда-то, утверждают, и перешла «Глория» к новому владельцу. Нина клялась, что скоро они ее выкупят, и клялась искренне. Верила: ас отыграется, но курортный сезон закончился, вместе с ним закончился и сезон игральный, и усатый джентльмен канул, как и год назад, в неизвестность.

Весной он не появился. Ни весной, ни летом, хотя осунувшаяся подруга дисциплинированно сидела с утра до вечера в справочном окошке.

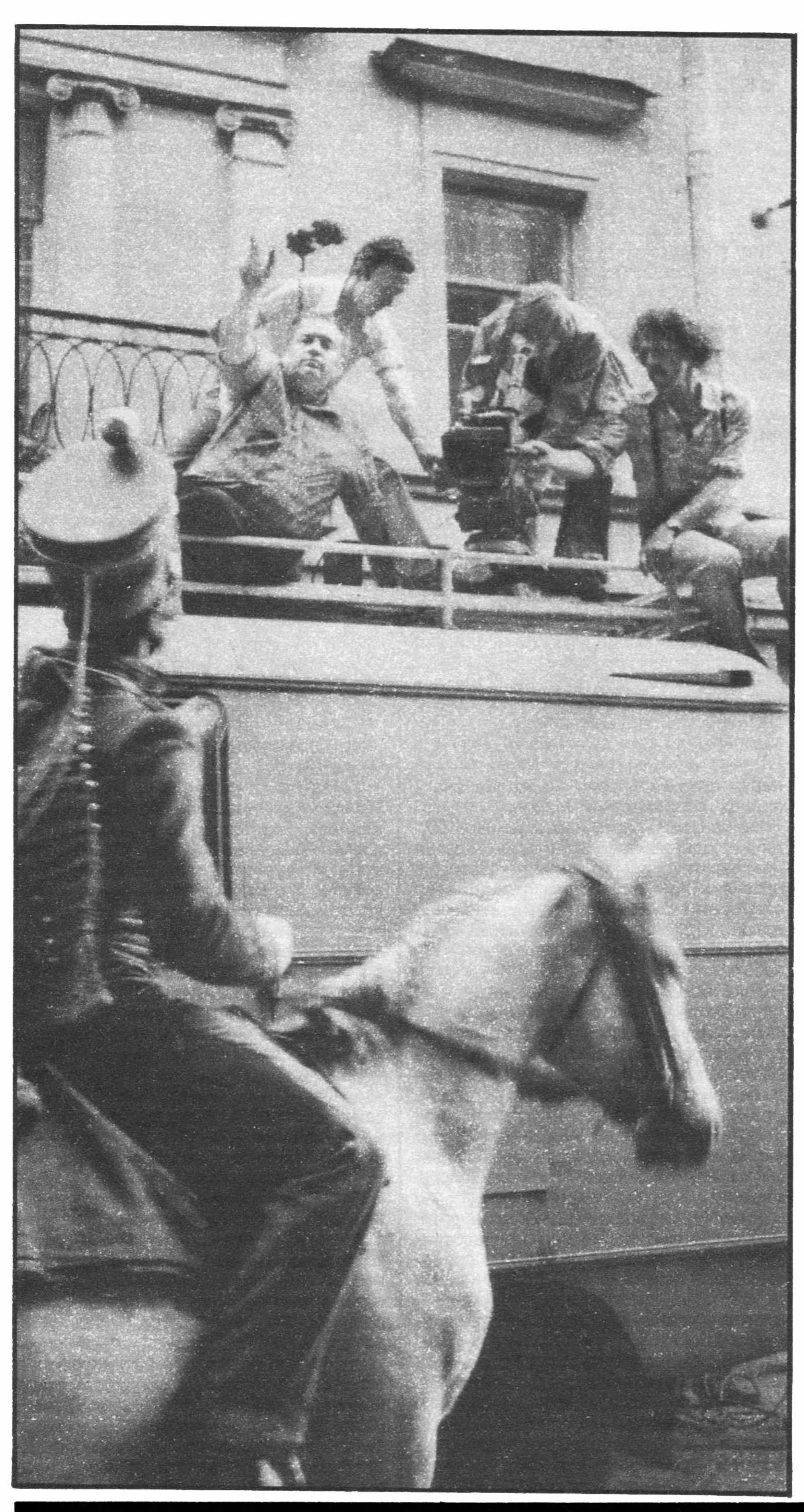
То было первое лето, когда Яков не ходил под парусом. Не потому ли раздобрел, жирком налился и уже не мог втиснуться в автомобильчик? Девочка сама каталась, а он смотрел со стороны и улыбался, и выглядел, в общем, счастливым человеком. Хотя Нина, рассказывают... Но тут уже начинается другой, подсурдиночный жанр, не доступный для слуха нашего героя.

Последний раз повествователь видел его сидящим на сломанном топчане, что косо и одиноко стоял на по-зимнему голом пляже. В руках у Якова Владимировича была книга, Гегель небось. Или, может, не Гегель, другой умный писатель, только не в книгу был устремлен взгляд кавалера, а на зеленое пустынное море. Впрочем, это для залетного гостя было пустынно оно, а бывший капитан явно видел что-то. Как у многих туговатых на ухо людей, зрение у него было отменное.

КАК РАЗ НА ЖИЗНЬ СВОБОДА ОПОЗДАЛА...

Когда-нибудь еще будет написана история особой войны — изнуряющей, ломающей человеческие судьбы, беспощадной войны всевозможных госучреждений, «ведавших культурой», с самой культурой, с наиболее талантливыми и честными ее делателями. Это будет история закрытых фильмов, так и не построенных архитектурных шедевров, разогнанных накануне премьеры спектаклей, истлевших в сырых музейных запасниках или в подвальных мастерских картин... Книжка Эльдара Рязанова «Заэкранье», которая скоро выйдет в библиотеке «Огонек», вписывает в эту будущую многотомную историю свои главы. Фрагмент, который мы сегодня предлагаем вашему вниманию, рассказывает о судьбе одного только фильма, о судьбе одного лишь «сражения» в этой войне. А целиком книгу под названием «Неподведенные итоги», издание дополненное и расширенное за счет того, что прежде опубликовать было невозможно, выпустит в этом году ленинградский «Союзтеатр».

Эльдар РЯЗАНОВ

Пожалуй, в моей биографии нет более многострадальной картины, чем «О бедном гусаре замолвите слово...».

В этой ленте иносказательно, на материале девятнадцатого века, на реалиях николаевской России говорилось о страшном, больном и зловещем периоде нашей жизни — о провокациях и репрессиях сталинщины. Делать фильмы, сочинять пьесы, писать книги о том, как уничтожили многие миллионы ни в чем не виноватых людей — по сути, цвет нации,— было в те годы запрещено.

Нам казалось, что хотя бы языком Эзопа, намеками, аллюзиями мы сможем коснуться болезненной общественной опухоли, насильственно загнанной внутрь. Сценарий был написан нами — Григорием Гориным и мной — летом и осенью 1978 года.

В октябре я дал читать сценарий на киностудию. Главному редактору студии Л. Нехорошеву наше сочинение резко не понравилось. Подозреваю, что не столько качеством изложения, сколько ассоциациями и мыслями. Тогда я отнес сценарий директору «Мосфильма» Н. Т. Сизову. Как сейчас помню, я разговаривал по телефону с Николаем Трофимовичем 8 ноября, в праздничный день. Звонил я ему из служебного кабинета Олега Ефремова, к которому приехал с просьбой освободить от репетиций А. Мягкова, И. Саввину и В. Невинного для участия в съемках «Гаража». Сизов по телефону дал мне о сценарии восторженный отзыв. Я немедленно сообщил об этом соавтору. Мы обрадовались необычайно. Мы понимали, что вещь написали по тем временам острую. Однако, когда я после ноябрьских праздников — числа десятого — пришел к Сизову, он был хмур, мялся, о сценарии не сказал ни одного доброго слова, пробурчал, что не может решать вопрос запуска картины, чтобы я отнес сценарий в Госкино. Это была загадочная перемена! То ли ему действительно сначала понравилось, а потом он с кем-то посоветовался? Скажем, с тем же Нехорошевым, и тот ему открыл глаза? Кто знает? Но ситуация резко изменилась в худшую сторону. Я отдал сценарий А. В. Богомолову, главному редактору кинокомитета. По моим расчетам, Богомолов давно уже прочитал наш сценарий, но прошло немало времени, прежде чем я смог соединиться с Богомоловым по телефону. Уже после я понял — он избегал встречи со мной, оттягивал ее. На мой вопрос по телефону, прочитал ли он «О бедном гусаре...», Богомолов ответил утвердительно, но сказал, что принять меня не может, так как отбывает завтра за границу, а предотъездный день расписан поминутно. Но я был настойчив в желании встретиться, и Богомолов наконец сдался. Когда я вошел к нему в кабинет, он, не отрывая глаз от какой-то рукописи, не глядя на меня, протянул мне сценарий и сказал:

— По тематическим причинам нам этот сценарий не нужен. У нас уже много картин на историческом материале.

Я ждал разговора, но Богомолов держал вытянутую руку со сценарием и продолжал якобы читать рукопись, тем самым давая понять, что встреча наша окончена.

Я вспыхнул. Кровь бросилась мне в голову. Это был отказ, причем бесцеремонный, не обставленный хотя бы из приличия политесом и демагогией.

Я взял сценарий и произнес:

— Ну да! Сценарии о чести и совести вам действительно не нужны. Их у вас навалом!

И, не прощаясь, вышел из кабинета, хлопнув дверью. Аудиенция продолжалась не больше двух минут. Все произошло мгновенно. Когда я отдавал сценарий Богомолову для чтения, я, естественно, предполагал, что результат может быть отрицательным. Тем более я уже был подготовлен реакцией на сценарий со стороны Нехорошева и резкой переменой в поведении Сизова. Но то, что ответ будет дан в хамской, небрежной форме, я не ожидал. Я спустился с четвертого этажа Госкино и вышел на улицу. Во мне все колотилось от бешенства, от унижения, от желания взорвать этот особняк в Гнездниковском переулке, с которым, как правило, в моей жизни связывались неприятные, отрицательные эмоции. Мне казалось, что «О бедном гусаре...» — удачный сценарий.

То, что Богомолов не сказал ни одного доброго слова, не отметил никаких достоинств, а отмел сценарий как нечто ничтожное, вывело меня из себя. Все мы — так называемые творческие люди — в чем-то дети. Наше самолюбие требует, чтобы нас обязательно погладили по головке даже тогда, когда ее собираются отрубать.

Я подошел в переулке к первому же телефону-автомату и набрал номер председателя Гостелерадио С. Г. Лапина. Секретарша тут же соединила меня с министром. Я попросился на прием. Лапин, словно чувствуя ситуацию, сработал по контрасту. Он был очень вежлив, извинялся, что не может принять меня сегодня же, и спросил, в какой час мне удобно посетить его завтра. Я оторопел от такой любезности. Обычно, чтобы мне попасть на прием к Ермашу, требовалось не меньше месяца. В Госкино с нами никогда не церемонились, обращались как с холопами, как с крепостными. Впрочем, мы ими и были. Надо отметить, что в то время я еще никаких «Кинопанорам» не вел и Лапин меня знал только по тем фильмам, которые я поставил, и в частности по телевизионной «Иронии судьбы». Не думаю, что предупредительность телевизионного министра была вызвана, скажем, его любовью к деятелям культуры. Нет, тут другое. Пренебрежительное отношение к режиссерам со стороны руководителей кинематографа вызывалось тем, что они считали нас как бы своими слугами. К сожалению, у них были основания, ибо лакейства от некоторых творцов они повидали немало. Подозреваю, что точно так же относился и Лапин к тем творческим индивидуумам, которые служили в его ведомстве, состояли в штате телевидения. Я же был из другого, конкурирующего департамента. И не подчинялся Лапину. Министр телевидения был заинтересован в том, чтобы переманить меня из кино. Не знаю, почему, по какой причине и когда возникла вражда между министрами кино и телевидения. Но всем ясно было, что, помимо служебного соперничества, существовала и несомненная личная неприязнь.

Когда на следующий день после телефонного разговора с Лапиным я в назначенный час прибыл в Гостелерадио, около вахтенного милиционера меня

поджидал референт. Меня пропустили через контроль без пропуска. Потом не дали раздеться в общей раздевалке, а, подхватив под белы руки, повезли на четвертый этаж. В приемной министра с меня сняли пальто и впустили в кабинет. А через несколько минут секретарша принесла чай, сервированный на две персоны. Сергей Георгиевич был очень радушен и приветлив. Я изложил свою просьбу — прочитать сценарий. Сказал, что хотел бы его поставить для телевидения. Между прочим, обронил, что в Госкино сценарий не понравился. Лапин взял наш с Гориным опус, обещал прочитать и отложил в сторону. Разговор о деле занял три-четыре минуты. А потом потекла свободная, беспорядочная беседа, которая вскоре свернула на разговор о поэзии. Незадолго перед этим по телевидению прошли поэтические вечера Ахмадулиной, Вознесенского, Евтушенко. От этих поэтов мы перескочили на Мандельштама, Цветаеву, Пастернака, Ахматову. Лапин развернулся во всем блеске. Он знал поэзию двадцатого века досконально, все и всех читал, много стихотворений помнил наизусть. Я и сам люблю поэзию и тоже кое о чем ведал, но сильно уступал ему в эрудиции.

— А письма Цветаевой к Тесковой вы читали? В каком издании? В пражском?

Я кивнул.

— Надо читать обязательно в парижском...

Дальше мы начали щеголять друг перед другом сведениями и цитатами, которые можно было почерпнуть только из книг, изданных на Западе, запрещенных к ввозу в Россию и вообще у нас в стране не дозволенных, подпольных, нелегальных. В разговоре упоминались книги Надежды Яковлевны Мандельштам и Ольги Ивинской, воспоминания и «Реквием» Ахматовой, неизданные стихотворения Цветаевой, звонок Сталина к Пастернаку, подробности о Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго», мандельштамовские стихи «о кремлевском горце», которые стоили автору жизни, и многое другое, за что нас обоих, по тем временам, можно было легко упрятать за решетку. Я поразился тогда С. Г. Лапину — такого образованного начальника я встречал впервые. Но еще больше я поразился тому, как в одном человеке наряду с любовью к поэзии, с тонким вкусом, эрудицией умещаются старорежимные наклонности. Помимо запретов некоторых передач, выдирок из фильмов и спектаклей, жестокого цензурного гнета, он еще не разрешал на экране телевизора появляться людям с бородами, а штатные сотрудницы, осмелившиеся приходить на работу в брюках, нещадно преследовались и наказывались за подобное вольнодумство.

Итак, я ушел и стал ждать решения. Я не сидел сложа руки в ожидании ответа. Вовсю шел подготовительный период «Гаража», велись кинопробы, строилась декорация «Музея по охране животных от окружающей среды». С 1 февраля должны были начаться сложнейшие ежедневные съемки.

Прошло около месяца с момента нашей встречи, и я понял, что судьба сценария «О бедном гусаре...» решена, что на телевидении мне его тоже поставить не удастся, и с головой, и с потрохами вошел в съемочный период «Гаража».

И вдруг телефонный звонок! Звонил директор творческого объединения «Экран» Б. М. Хессин. Борис Михайлович воплощал собой, пожалуй, идеальный тип чиновника, выработанного нашей общественной формацией. Образованный, неглупый, ироничный, способный журналист, Хессин был замечен и попал на руководящую работу в Гостелерадио. Чтобы удержаться на престижном посту, живому, обаятельному, симпатичному в общении Хессину пришлось расплачиваться главным образом одним — служить не делу, а человеку, от которого зависела его судьба...

Итак, Б. М. Хессин сообщил, что телевидение решило ставить фильм «О бедном гусаре замолвите слово...». Как я обрадовался! Как я был благодарен телевидению! Не скрою, к моему ликованию примешивалось и чувство злорадства, торжества: мол, утер я нос этим перестраховщикам из Госкино, вопреки им сделаю картину! Но, к сожалению, невозможно заглянуть в свое будущее, даже ближайшее. И я в тот момент даже не подозревал, в какое трудное и мучительное путешествие отправлялся...

В Госкино, где привыкли к повиновению режиссеров, были, конечно, уязвлены моим непослушанием. И были приняты меры, направленные против меня и картины.

Обычно, когда сценарий утвержден и фильм запущен в производство, ревизий, пересмотров, мелочной опеки, в общем, не существовало. Кинолента пробивалась к зрителю через два основных кордона. Первый — это апробация и одобрение сценария, второй заслон (самый серьезный!) — сдача готовой картины. Именно на этих двух стадиях и происходит главным образом бюрократическая перестраховочная, цензурная шлифовка, когда ветвистая сосна редактируется до того, что превращается в телеграфный столб.

Но фильм «О бедном гусаре...» находился под неусыпным надзором, меня дергали еженедельно. Поправки и замечания сыпались регулярно, а во время подготовительного периода картину дважды закрывали. Все это происходило оттого, что разозленные чиновники из Госкино систематически «сигнализировали» в разные высокие инстанции.

Вероятно, моя персона и картина (я не страдаю манией величия) были не главной причиной, а скорее лишь поводом для Госкино пощекотать нервы конкурирующему учреждению. Регулярные доносы дергали руководство Гостелерадио, которое, в свою очередь, дергало нас.

Однако пойдем по порядку. Осенью 1979 года картина была запущена, и мы с Гориным сели писать режиссерский сценарий. Это был самый счастливый, безмятежный этап в создании фильма. Еще не развернулись в своем доносительском марше госкиновские доброхоты, еще режиссерский сценарий — по сути, проект фильма — не лег в своей неотвратимости на письменные столы руководителей Гостелерадио. И главное, еще не совершилось событие, которое в корне переломило отношение к нашей стране за рубежом и многое переменило внутри страны. Речь идет о вторжении наших войск в Афганистан.

К концу декабря 1979 года мы закончили режиссерский сценарий, а 28 декабря советская армия вошла на афганскую территорию. Это события, конечно, несоизмеримые, и я их ставлю рядом только потому, что рассказываю о своей работе, о картине, о том, как внешние обстоятельства ожесточали внутренние. На афганских полях лилась настоящая кровь, а здесь — чернильная, и тем не менее...

Руководящие отклики на режиссерский сценарий последовали немедленно. Перед самым Новым, 1980-м, годом нас — Горина и меня — вызвали к первому заму Лапина — Э. Н. Мамедову, человеку талантливому, умному, в чем-то блестящему, мгновенно ориентирующемуся, который, что называется, «сечет» с полуслова. От общения с ним всегда возникало ощущение, что он видит тебя насквозь, причем проявляет твои скрытые дурные намерения и наклонности.

Перед визитом к Мамедову нас приняли Б. Хессин и главный редактор «Экрана» Г. Грошев. Они бормотали что-то о «неправильной ориентации режиссерского сценария». Мы поначалу не понимали, чего они хотят, так как вещи своими именами не назывались. Хессин с Грошевым все юлили, ходили вокруг да около. Тогда мы с Гориным взорвались, повысили голос и стали говорить, что не понимаем мелочных придирок. И тут руководители «Экрана» открыли карты: оказывается, встал вопрос о закрытии «Гусара». «Дело в том,— мы не верили своим ушам,— что в сценарии очернено Третье отделение». Этой тайной канцелярии времен Николая I в нашем сценарии придано слишком большое значение, и изображена она чересчур негативно...

Господи! Думал ли Бенкендорф, что через сто с лишним лет его честь будут защищать коммунисты, руководители советского телевидения!

Конечно, забота о Третьем отделении была понятна: руководители «Экрана» до смерти боялись огорчить ведомство, расположенное на площади Дзержинского. Они не понимали, что, ставя знак равенства между Третьим отделением и нынешней госбезопасностью, выдавали себя с головой. В своих мыслях они отождествляли эти две организации и стремились, обеляя николаевскую жандармерию, вступиться тем самым за КГБ.

Потом нас поволокли к Мамедову. В его кабинете на экранах многочисленных телевизионных мониторов мелькали скованные, с испуганными глазами, лица, которые косноязычно или же, читая по бумажке казенные слова, одобряли «помощь» Афганистану. Мамедов Гришу явно презирал, не замечал его и разговаривал только со мной. Когда Горин что-то произносил, он попросту не обращал на его реплики никакого внимания. Это было оскорбительно, и Горин замолчал, только слушал.

Мамедов объяснил нам сложность международной ситуации, говорил что-то о Саудовской Аравии, о проливах между Азией и Африкой. Эти проливы, по сути, нефтяное горло, которое мы сможем взять рукой... В общем, Третье отделение надо из сценария убрать, или же картину придется закрыть.

Мы вышли оглушенные. Мы не ждали подобного поворота и оказались к нему не готовы. А сценарий был закончен, он был уже выверен для типографии, прошел все положенные инстанции для печати. Короче, его можно было отдавать в мосфильмовскую типографию печатать!

Однако после визита в Останкино стало ясно — по этому сценарию снимать уже не удастся. Или его придется коренным образом переработать, или картина попросту не состоится. И тогда я сказал своему соавтору:

— Гриша, пока на «Мосфильме» не знают о нашем разговоре с Мамедовым, надо отдать этот вариант печатать в типографию. Через несколько дней будет поздно, не разрешат печатать, а так, понимаешь, у нас будет существовать в напечатанном виде то, что мы написали. Еще не изуродованное поправками. Да при этом утвержденное цензурой. Пусть тираж всего 200 экземпляров, но сценарий перестанет быть нелегальщиной. Его можно будет показывать, давать читать кому угодно, даже иностранцу.

И вот второго января 1980 года режиссерский сценарий ушел в набор. А мы с Гориным, находясь в отчаянии, принялись раздумывать, что же нам делать дальше.

Сколько собственных вещей — литературных и кинематографических — пришлось уродовать, калечить под давлением дураков и перестраховщиков, облеченных властью. Как больно и обидно выслушивать безапелляционные невежественные мнения о своей работе! Но еще оскорбительнее своими собственными руками беспоэортно корежить создание, в которое вложены твои нежность, фантазия, любовь, бессонные ночи, напряжение ума, выдумка, мастерство.

В подобных случаях хочется послать все подальше и отказаться от унизительного подчинения, от попрания личности. Пусть лучше не выпустят, запретят, не напечатают, положат фильм «на полку», но ты, мол, сохранишь человеческое достоинство, не станешь палачом собственному ребенку. Но естественный импульс, порожденный свободолюбием, заложенным в каждом нормальном человеке, постепенно слабеет, и в мозг вползают мысли иные. Человек, как никто, способен выстроить в сознании оправдательную систему для любого неблаговидного и даже подлого поступка. Становится жалко большого труда, безмерной затраты сил. Поскольку фильм — создание не единоличное, начинаешь думать об операторе, художнике, актерах, чья работа не увидит света, и думаешь: а имеешь ли ты право брать ответственность и за их труд? Начинаешь думать и о том, что, мол, кое-какие вырезки, вивисекции, переозвучания, если вдуматься, не так уж исказят твой замысел. Конечно, эмоциональное воздействие кое-где ослабнет, острота мысли пропадет, но все-таки твою пьесу, книгу или картину увидят, прочитают. Всегда существует необъяснимая надежда, что умный, внимательный читатель или зритель поймет, догадается, что именно в твоем произведении вырезано или выброшено. Откуда появляется это идиотское предположение в мозгах, в общем-то, неглупых людей?..

Перед нами встала странная задача — предстояло либо обелить жандармское Третье отделение, либо найти какой-то хитрый выход, чтобы сюжетная интрига двигалась, но «тайная канцелярия» была как бы ни при чем.

В разгар наших с Гориным поисков, как сделать поправки и по возможности не ухудшить произведения, состоялась моя встреча с Лапиным.

Был долгий, однообразный, грустный разговор. Мол, обстановка сейчас не для комедий, говорил министр телевидения, а комедии острые, гражданские и вовсе ни к чему. Международная обстановка осложнилась необычайно, в Афганистане, по сути, идет война. А зачем нам в военное время фильм о том, как жандармы проверяют армию?

Я не знал, что ответить. Я понимал логику рассуждений Сергея Георгиевича. Но я не мог сказать ему главного. Если бы речь шла о защите Отечества от агрессии, он, возможно, был бы и прав. Но зачем мы вошли в Афганистан, кому это надо, кто в этом виноват — вот этих вопросов я не мог задать...

Я сказал, что мы уже перерабатываем сценарий и надеемся найти приемлемое решение. И, действительно, с дурным настроением, с отвращением к жизни мы ежедневно встречались с Гориным и ломали голову, пытаясь выбраться из мерзкой головоломки, в которую нас загнали начальники. А тем временем выбирались натурные места для съемок, приглашались артисты для кинопроб, рисовались эскизы декораций...

Если в первоначальном варианте действовал жандармский майор Мерзляев, то в новой версии он сменил военный мундир на штатский сюртук и превратился из профессионального блюстителя порядка в любителя этого дела, в добровольца, в стукача по вдохновению. Однако этой метаморфозы оказалось мало, чтобы привести в действие фабулу,— ведь те услуги, что оказывались офицеру-жандарму из-за одной только принадлежности его к специальным войскам, для штатского никто бы делать не стал. Поэтому мы наделили нашего нового Мерзляева графским титулом и дали ему чин действительного тайного советника. Мы дали ему и должность «чиновника по особым поручениям». В фильме он говорил: «Дайте мне поручение, а уж особым я его и сам сделаю...» Тайного осведомителя Третьего отделения — платного агента Артюхова мы сделали личным камердинером графа, крепостным, его верной тенью. Но чтобы оправдать те подлости, которые совершал Артюхов в качестве наемного осведомителя, пришлось придумать мотив для аналогичного поведения слуги. Теперь, по сценарию, он стал заниматься

провокациями и вообще пускаться во все тяжкие лишь потому, что ему обещана «вольная».

Постепенно складывался актерский ансамбль: О. Басилашвили в роли Мерзляева, Г. Бурков — Артюхов, Е. Леонов должен был исполнить роль провинциального трагика Бубенцова, а И. Мазуркевич — дочь Бубенцова Настеньку.

На роль благородного полковника намечалась кандидатура В. Гафта, но он был занят, и мы никак не могли провести его кинопробу.

Тем временем в творческом объединении «Экран» ознакомились с нашим новым вариантом. Авторов пригласили на обсуждение. Началось очередное выламывание рук. Придирались к репликам. Потом было приказано выбросить четверостишие М. Ю. Лермонтова. Поясню: в эпизоде «Выбор натуры» Мерзляев с приспешниками и актер Бубенцов искали в окрестностях Губернска место, где надо будет произвести фальшивый расстрел мнимого заговорщика, которого изобразит провинциальный трагик. Цитирую текст сцены:

«Ага... значит, партнеров ставим так... кстати, сколько их? — спросил артист.

— Пять гусар и офицер,— подсказал Артюхов.

— Извините, господин граф, я просто хочу понять мизансцен... Ага... так... они стоят там, я выхожу, гордо оборачиваюсь... кричу... Кстати, если рублик накинете, я могу и стихами: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ...»

— Стихами не надо,— жестко пресек декламацию Мерзляев.— Ваши выкрики мы уже оговорили...»

Хессин, буквально повторяя Мерзляева, сказал:

— Стихов не надо! Во всяком случае, этих!

— Но это же Лермонтов! — взъерепенился я.— Это классика! Мы эти стихи в третьем классе проходили!.. Это ведь....

— Не надо! — жестко пресек мою декламацию Борис Михайлович.— И сами понимаете почему.

И в фильме Евгений Леонов декламировал другие строчки: «Сижу за решеткой в темнице сырой. Вскормленный в неволе орел молодой...»

Мы с Гориным вернулись с этого обсуждения убитые. Когда уродовали наш текст, коверкали наши мысли, мы еще как-то смирялись. Но когда велели выбросить Лермонтова, это, как ни странно, переполнило чашу терпения. Меня охватило какое-то истерическое отчаяние, и я решил отказаться от картины. Я сказал об этом жене:

— Понимаешь, очевидно, мы в этом сценарии перешли какую-то грань дозволенного, замахнулись на что-то такое, о чем даже упоминать не положено. Вроде всего этого у нас в стране не существует и не существовало. Это как постыдная болезнь. Они все равно не дадут сделать картину, будут все время мучить. Лучше уж самим закрыть картину.

Решение это во мне крепло с каждым днем. Оно не было вызвано мгновенным импульсивным взрывом, а созревало от безнадежности, от понимания ситуации. Я поделился с Гришей. Горин, тоже измученный, издерганный замечаниями наших «покровителей», после небольшого колебания согласился со мной, и мы постановили — отказываемся от картины. Никому в съемочной группе мы пока не сказали о том, что вынесли нашему фильму смертный приговор. А вечером того дня была назначена кинопроба с Гафтом на роль полковника Покровского. Ее, конечно, надо было отменить, но как-то не нашлось благовидного предлога, и я поплелся на ненужную, бессмысленную съемку. Я чувствовал себя будто на похоронах, но старался, чтобы этого никто не заметил. Я видел, с каким воодушевлением оператор Владимир Нахабцев ставил свет и кадр,— он был беззаветно влюблен в сценарий и предвкушал радость даже от кинопробы. Я репетировал с увлеченным Гафтом, который сыграл пробу так, что у меня захватило дыхание. На экране действовал живой, прекрасный, обаятельный герой, в котором пульсировала горячая кровь, герой, полный гражданских чувств, идеальный исполнитель нашего замысла.

Я поймал себя на том, что не могу сказать этим чистым людям о нашем убийственном решении. У меня было ощущение, что я собственноручно сверну шею чему-то беззащитному, трепетному. Меня окружали друзья — светлые, прекрасные, и я не мог нанести им травму. Я решил: самому превращаться в злодея не надо. Если так случится, то душегубы найдутся. Горин одобрил меня и тут. И здесь не было никакой беспринципности или гибкости. Просто мы оба очень страдали и мучились. Принять резкое негативное решение было нестерпимо больно, и не надо бросать в нас за наше «хамелеонство» камень. Мы были живыми людьми, любили то, что хотели делать, и горько терзались от того, что с нами вытворяли.

Подготовка к съемкам велась лихорадочно. В Ленинград должны были перегнать пятьдесят лошадей с солдатами-кавалеристами, и администрация обеспечивала место для солдатского жилья, корма для лошадей, конюшни и т. д. Заказывались железнодорожные платформы для отправки лихтвагена, камервагена, карет, реквизита, оружия, костюмов. Одежды и наряды в авральном порядке дошивались в пошивочном цехе студии. С большим трудом съемочная группа получила разрешение на гостиницу в Ленинграде — наступил год Олимпиады, и были введены строгие ограничения. Гримеры, бутафоры, реквизиторы, костюмеры упаковывали вещи в огромные ящики. Элементы декораций отправлялись в гигантских фурах, и эти грузовики, как челноки, начали свои рейсы между Москвой и Ленинградом.

И вот в этих условиях привычной для России штурмовщины я и отправился сдавать телевизионному руководству кинопробы. Казалось, это будет, по сути дела, формальность, ибо актеры подобрались первоклассные. Заместитель Лапина С. И. Жданова, обычно приветливая, на этот раз держалась странно, не смотрела мне в глаза, говорила отрывисто и уклончиво, явно испытывая неловкость. Хессин тоже вел себя как-то необычно — много и беспрерывно высказывался на посторонние темы. Честно признаюсь, ни я, ни Горин, ни директор объединения телефильмов С. М. Марьяхин не обратили внимания на неординарность их поведения.

Начался просмотр. Он прошел в полном молчании. Никто ни разу не улыбнулся, не хихикнул, хотя на экране игралось несколько смешных и, по-моему, удавшихся сцен. Когда демонстрация пленки закончилась, С. И. Жданова сказала мрачно:

— Ну что ж, поднимемся ко мне, поговорим.

Поражаюсь своей твердолобости, я по-прежнему не понимал грозовой ситуации. Мы расселись в кабинете Стеллы Ивановны, и я, пытаясь развеселить аудиторию, рассказал свежий анекдот. Это, как вскоре выяснилось, оказалось совсем неуместным, я только усугубил всеобщую неловкость. Надо сказать, что Стелла Ивановна выполняла предназначенную ей палаческую роль с видимой неохотой и стыдом.

— Видите ли,— помявшись, сказала Жданова,— принято решение о закрытии вашей картины.

Наступила долгая, долгая, очень долгая пауза.

— Зачем же вы тогда,— наконец произнес я,— устроили всю эту комедию с просмотром кинопроб? Сказать нам о закрытии можно было и без этого спектакля. Это же садизм...

— Верно,— согласилась Жданова.— Но у нас как-то не хватало решимости, мы оттягивали...

— А какие мотивы? — поинтересовался Гриша.

— Это распоряжение Председателя,— пояснил Хессин.

— Что можно сделать? — спросил ошарашенный Марьяхин.

В ответ были пауза и пожатие плеч.

Еще две недели назад мы сами хотели закрыть свою картину, сами решили не снимать ее. Правда, не привели приговор в исполнение. Казалось, то, что происходило сейчас в ждановском кабинете, не должно было причинить нам боли. Однако стресс случился чудовищный!

Мы вернулись на «Мосфильм». В моей комнате ждал съемок кинопробы на роль Плетнева Станислав Садальский, загримированный и одетый в гусарский костюм. Я сказал ему:

— Все, Стасик, этого фильма не будет. Его закрыли. Так что встретимся на другой картине. Иди, разгримировывайся...

На глазах Садальского появились слезы. Он не мог прийти в себя и плакал.

Сразу же начались распоряжения об остановке работ. Первая забота администрации в подобных ситуациях — прекратить дальнейшие траты. А я побежал в кабинет директора «Мосфильма» Н. Т. Сизова.

Я рассказал Николаю Трофимовичу о том, что произошло. Рассказал также, что мы месяц назад переделали сценарий, учтя главное замечание Гостелерадио. И тут обычно спокойный Сизов взбеленился:

— Что же они со студией-то делают! У меня вылетают две единицы из плана (двухсерийная картина засчитывается как две). Чем я их заменю? Сейчас конец марта, до конца года я не успею сделать ничего другого. Куда они смотрели? Они просто ставят на колени коллектив. Надо им было раньше думать, теперь поздно.

И Сизов сказал, что завтра утром он ложится в кремлевскую больницу — подлечиться, а в той же больнице сейчас находится Лапин. И он, Сизов, с ним поговорит, что так, мол, со студией не поступают и что он заставит их открыть картину снова. Честно говоря, я не очень-то поверил в такую возможность, тем более Сизов по должности был ниже Лапина и тот вовсе не обязан прислушиваться к мнению директора студии и одновременно заместителя председателя Госкино, то есть министра-соперника.

Прошло два-три дня, в течение которых было остановлено все: дальнейший пошив костюмов, укладка вещей в экспедицию, мы отказались от железнодорожных платформ, от многого, чего долго и упорно добивались. Начали открепление от картины работников съемочной группы...

Я приходил каждый день на студию — деваться мне было некуда — и тупо сидел в своей комнате, пока расформировывалось и уничтожалось все, что мы успели сделать.

На третий день в группу прибежал взволнованный Марьяхин: картину снова возвращали в производство!

Какой разговор сложился у Сизова с Лапиным, как он смог его убедить, что там произошло, почему Лапин изменил свое решение, так я и не узнал. В середине апреля, залечивая раны, залатывая дыры, затыкая бреши, с трудом отойдя от бесстыдных игрищ телевидения, мы уехали в Ленинград снимать нашу многострадальную ленту.

Экспедиция сложилась неудачно: бездарная администрация, неквалифицированный второй режиссер, самовольно сбежавший со съемок, тяжелая полуторамесячная болезнь Олега Басилашвили...

Но имелась еще одна глобальная трудность: сценарий в результате вмешательства телевизионных соавторов в чем-то дал трещину. Во время съемок регулярно выяснялись огрехи и прорехи, возникшие благодаря навязанным нам поправкам и изменениям.

И тут я хочу воздать должное Григорию Горину. Гриша не покидал меня, я все время ощущал рядом его дыхание, его верный, дружеский локоть, его помощь, сочувствие, товарищество, его родную шепелявость. Общий успех, конечно, сплачивает людей. Но, по-моему, еще больше объединяют людей общие беды, горести, испытания, которые они переносили вместе, рука об руку. Работа над фильмом «О бедном гусаре...» была не только проверкой профессионализма, она была экзаменом на честность, порядочность и благородство.

В Ленинград приезжали с ревизиями и проверками московские эмиссары. Их визиты дались нам нелегко, это создавало лишнее душевное напряжение, надо было все время держать ухо востро, какие-то свои истинные намерения скрывать.

Картина создавалась в муках, тягостно, превозмогая какое-то роковое сопротивление, вопреки самым разным обстоятельствам. В конце июня мы вернулись в Москву. Съемки продолжались такие же безалаберные, бестолковые, болезненные. Во всей этой сумятице чувств, конфликтов между людьми, противоречивых ситуаций мне необходимо было пронести и сохранить в себе единство ощущения, стиля, хорошее настроение, юмор, легкость, ибо в картине должно было быть немало веселого.

Наконец в конце августа съемки закончились, я приступил к монтажу и озвучению снятого материала. Телевидение постоянно проявляло жгучее нетерпение — жаждали посмотреть снятое. И когда в конце сентября первая складка (так называется черновая сборка всего материала, подложенная в сценарной последовательности) была готова, дружки с телевидения немедленно слетелись на «Мосфильм». И опять был бой — придирки, наскоки, подозрения, намеки лились рекой.

У меня сохранилось заключение творческого объединения «Экран» по поводу этого просмотра, подписанное редактором И. Власовой и утвержденное Б. Хессиным.

Вначале цвели, как водится, комплименты. После вступления, которое было «за здравие», шли замечания, поправки и пожелания явно «за упокой»:

«В стилистической структуре фильма представляется излишней концовка эпизода расстрела Бубенцова (его смерть)...»

И в устной дискуссии Б. М. Хессин и его «группа быстрого реагирования» напустились на трагический финал. Мы сопротивлялись, но идеологических служак это не остановило. Устное замечание еще можно как-то игнорировать. Но, сделанное на бумаге, оно обретало силу непреложной истины.

Было еще пятнадцать пунктов замечаний, где требовалось сократить и выбросить то, что не устраивало телевизионных цензоров. Мы устали, больше того, изнемогали в неравной борьбе. Кое на что мы согласились, ибо сила была не на нашей стороне. Но оставить Бубенцова в живых для нас попросту исключалось.

Обсуждений, пока писался сценарий и снималась картина, было немало. На каждом из них мы несли потери, теряли реплики, сцены, ситуации, вещь выхолащивалась, становилась более аморфной, беззубой, упрощенной. Ни на одном из обсуждений мы ничего не приобрели, мы только проигрывали. Война велась с неизменным нашим поражением. У нас оставалось только одно право, к которому в конце концов и свелась вся эта длинная битва с телевидением,— право довести картину до конца. Мы отдавали многое, лишь бы уцелела картина. Теперь нас, конечно, легко осуждать... Картина ухудшалась на глазах, но все равно, по мнению руководителей телевидения, она оставалась персоной нон грата...

Ноябрь 1980 года. На «Мосфильме» была назначена предварительная сда-

ча нашей ленты. Ее принимали руководство телевидения (но не самое главное) и дирекция «Мосфильма». После просмотра Н. Т. Сизов, тот самый, который спас картину, высказался против трагического финала. Актер Бубенцов, по его мнению, не должен умирать. Сизов — человек цельный, ему несвойственна двойная мораль. Слова Сизова подхватил Хессин и стал тоже горячо протестовать против смерти одного из главных героев. Господи, как у нас не любят показывать грустное и неприятное! «Оберегают», «утешают» народ! Это был тот самый пункт, который мы с Гориным уступить никак не могли. Мы переглянулись, напряглись и приготовились к очередному отпору. Семен Михайлович Марьяхин занервничал, предугадывая схватку. Он был нашим союзником, но при этом — чиновником. Ему было предписано послушание. Но вдруг случилось непредвиденное! Стелла Ивановна Жданова, заместитель министра телевидения, сыграла благородную роль. Она выступила в защиту печального финала, подчеркнув, что иначе разрушится авторский замысел. Это было спасение — ведь фильм снимался по заказу телевидения, а Жданова была авторитетным представителем заказчика. Замолчал и изумленный Хессин, ибо он подчинялся Ждановой по служебной субординации. В общем, нам неслыханно повезло! Правда, под это дело у нас еще оттяпали несколько острых фраз, но все равно мы были рады, что удалось сберечь главное.

После этого оставалась последняя инстанция — просмотр фильма Мамедовым, грозным первым замом Лапина. Сам министр, как правило, не смотрел развлекательные передачи и фильмы. Он держал руку на пульсе высокой политики — трансляции правительственных мероприятий. К примеру, вручения членами Политбюро орденов друг другу, которые сопровождались сочными поцелуями старых, пузатых людей и благодарственными речами, прочитанными по бумажке с нелучшей дикцией.

В начале декабря мы — Марьяхин, Горин и я — прибыли в просмотровый зал Гостелерадио. Вскоре в зал вошел Мамедов. После того как картина закончилась, Мамедов буркнул что-то невнятное, что мы предпочли трактовать как одобрение. При этом присутствовал Хессин и сразу же, как опытный царедворец, поволок меня к Лапину сообщить о том, что фильм готов и принят. Меня, усталого, опустошенного, ввели в кабинет министра, и я должен был там что-то изображать. Хессин в беседе ввернул шефу, что картина «О бедном гусаре...» закончена.

— Мамедов смотрел? — поинтересовался Лапин.

Я утвердительно кивнул.

— Мамедов смотрел? — еще раз спросил Лапин у Хессина, и я понял, что мнению Мамедова он придавал большое значение.

— Мы только что из зала,— доложили мы вместе с Хессиным.

— Что он сказал? — осведомился министр.

Я пробормотал нечто нечленораздельное, ибо объяснить мнение Мамедова оказалось нелегко, но Хессин мне «перевел» как надо, сказав, что у Мамедова хорошее впечатление. Эта странная, бессмысленная, с моей точки зрения, и необходимая, по суждению Хессина, аудиенция была закончена. Мы вышли, и Хессин, отирая пот со лба, поздравил меня с окончанием картины. Он был искренне рад, что сумел помочь приему подозрительного для начальства фильма. Но я радости не чувствовал, душа напоминала выжженную, мертвую землю, как будто я перенес атомную бомбардировку. Но оказалось, что и это был, как говорится, «еще не вечер». На этом наши мытарства не кончились.

Через несколько дней было еще какое-то совещание у Ждановой, где присутствовали Марьяхин, Горин и я. Шла речь о том, когда показывать картину, в какой из дней новогодних праздников. Я было заикнулся, что фильм сложный и печальный, что ставить его на первое января неуместно. Но Марьяхин и Горин замахали на меня: первое января, мол, самый лучший, самый престижный день.

Вскоре пришел еженедельник «Говорит и показывает Москва», где черным по белому было напечатано, что первого января 1981 года после программы «Время» будет демонстрироваться двухсерийный фильм «О бедном гусаре замолвите слово...».

И вот тут я, наконец-то, успокоился. Конечно, фильм в результате понес урон, немало утрат случилось по дороге к экрану, и тем не менее... Наша злоба к тайным методам, к провокациям, к слежке и стукачеству выпирала из всех пор фильма. Наряженное для «проходимости» в песни, шутки, фарсовые эпизоды, содержание ленты было, в конечном итоге, мрачным и представляло собой обвинение против всего того, на чем держалась и держится российская социальная система. Ибо мы — верные и последовательные наследники всего плохого, что было у царизма.

В оставшиеся дни до Нового года я порой не верил самому себе — неужели ЭТО покажут по нашему телевидению? Я предвкушал реакцию — она, по моему мнению, должна была быть оглушительной,— ведь так откровенно о больных вопросах в ту пору никто не говорил. Но действительность превзошла все мои ожидания. Правда, в другую сторону.

Публикация в телепрограмме, видно, вызвала очередной приступ активности, свежий пароксизм ярости у деятелей Госкино. Не буду врать, не знаю, на каком именно уровне был сделан новый донос в ЦК КПСС, но он был сделан. В результате интриг 31 декабря в 9 часов утра, накануне объявленной в программе демонстрации нашей ленты, собрались все руководители телевидения, чтобы самолично убедиться в ее вредной направленности. Сам Лапин, его заместители Мамедов, Попов и Жданова, директор «Экрана» Хессин, заведующий сектором телевидения в ЦК КПСС, инструкторы ЦК, курирующие телевидение, встретились вместе в кинозале (а может, у монитора, не поручусь за точность).

Между семью и восемью часами вечера тридцать первого декабря 1980 года на даче, которую мы с женой снимали и где мы с друзьями собирались встретить Новый год, раздался телефонный звонок.

— То, что я вам сейчас скажу,— произнес знакомый мне по встречам на телевидении женский голос,— должно остаться между нами. Если вы начнете принимать меры, куда-то звонить, ехать, хлопотать, то я могу после новогодних праздников уже не выходить на работу. Я не имею права сообщать вам то, что сейчас сообщу.

— Я обещаю вам, Стелла Ивановна,— холодея, ответил я, понимая по преамбуле, что новости будут неприятные.

— Сегодня в девять утра все руководство телевидения смотрело «Гусара...» — Голос Ждановой перечислил тех, кого я упомянул выше.

— Чем это было вызвано? — спросил я.

— Я вам потом расскажу,— уклонилась от ответа Стелла Ивановна.— Завтра показ состоится, хотя, не скрою, все это висело на волоске. Правда, Председатель предложил сделать две купюры...

— Какие? — перебил я.

— Одна вырезка — это реплика: «Тема хорошая...»

(В сцене пикника в саду губернаторского дворца Настенька Бубенцова объявляет собравшимся гусарам, дамам и городской знати:

— Я спою вам песню, посвященную героям войны 1812 года.

На что Мерзляев роняет цензорским тоном:

— Тема хорошая...)

— Вторая купюра,— продолжал голос,— это облет вокруг церкви, сцена похорон. Председатель сказал: «Это очень мрачно, не надо огорчать зрителей в новогодний праздник». И отдал распоряжение Хессину, чтобы после показа кадр вставили обратно, так что это вырезается не навсегда. И когда будет повтор ленты, она пойдет с кадром облета церкви.

Меня начала бить дрожь, внутри что-то оборвалось.

— И потом Председатель добавил,— Жданова заканчивала свое невеселое повествование,— «Я прошу вас не говорить об этом Рязанову. Не надо портить ему встречу Нового года». Но при мысли, что будет с вами, когда вы завтра, сидя у телевизора, не увидите этих двух мест в фильме, мне стало ясно, что надо обязательно сказать. Иначе это может скверно кончиться. Чего доброго, еще инфаркт случится.

Я повесил трубку и погрузился во мрак. Я снова и снова перебирал в памяти разговор. Первым побуждением было куда-то звонить, протестовать, хлопотать, но было поздно: восемь часов вечера тридцать первого декабря. Нигде уже никого нет, все разбежались с работы, готовятся к встрече Нового года. Звонок раздался не зря после того, как кончился рабочий день, когда сделать уже ничего нельзя. Да и не мог я закладывать Стеллу Ивановну. Это был редкий по благородству поступок, особенно немыслимый для человека, служащего в советском аппарате. И если я начну действовать, обнаружу, что знаю ситуацию, докопаются, кто сообщил, и действительно сотрут в порошок порядочного человека. Так что я был связан по рукам и ногам, был лишен возможности что-либо предпринять!

Вторая поправка была для меня особенно болезненной. Сцена «расстрела» кончалась тем, что Бубенцову становилось плохо с сердцем. Самого мгновения смерти Бубенцова в кадре не было. Просто под скорбную музыку реквиема, сочиненного Андреем Петровым, показывалась снятая сверху, с вертолета, маленькая церковка, стоящая на высоком обрыве над рекой, около храма кладбище и группа застывших во время похорон людей. Кадр был пронзительный, горестный. Это был один из главных трагических пиков картины, когда зритель и душой и сердцем был захвачен волной печали и соучастия.

Поразительно, до чего развито чутье у этих «искусствоведов» с мандатами. Они всегда тыкают пальцами именно в то, что наиболее дорого авторам, всегда бьют без промаха. Причем сопровождается это разговорами, что, мол, вырезаются пустяки, мелочь, несколько слов или несколько секунд действия. Но оскоплению всегда подвергается самое главное, самое существенное, без чего вещь переходит в другое качество.

Я позвонил Горину. Рассказал ему о новогоднем подарке телевидения. А потом добавилось подлинно трагическое известие, рядом с которым вся наша суета с фильмом — ничто. Директор телевизионного объединения «Мосфильма» Семен Михайлович Марьяхин вечером тридцать первого декабря вдруг потерял сознание, его увезли в больницу, а через два дня, так и не придя в сознание, он умер. Не стало доброго, веселого, энергичного человека, верного друга. Он вел себя в истории с нашей картиной просто героически от начала и до конца, стоял стеной в самые трудные моменты. Но он уже не смог увидеть на телевизионном экране премьеру фильма, для которого он сделал столько доброго и хорошего. Человек, который прошел войну, которого пощадила вражеская пуля, не выдержал нервной, неблагодарной, порой бессмысленной работы. Ткань фильма, где погибали прекрасные люди, и страшная жизненная реальность, где случилось то же самое, переплетались, образуя какую-то кошмарную, чудовищную картину...

...А потом был показ фильма по телевидению в неуместное время, в неуместный день. И вот здесь произошло, пожалуй, еще одно непоправимое событие в судьбе ленты. Ее практически не заметили. Возможно, я немного сгущаю краски, но, честно говоря, не очень. Интеллигенция, обратившая на фильм внимание, раскололась на два лагеря, кое-кто фильм принял восторженно, некоторые плевались. Но народ безмолвствовал. Огромная гражданская пассивность, охватившая в те годы массы, поглотила нашу картину бесследно. Люди, благодушно чокавшиеся и закусывающие, были далеки от нашей боли, от нашего страдания. Нет, были прекрасные отзывы, письма, телеграммы, звонки, с восторгами и благодарностью. Были добрые отклики таких людей, чье мнение нам было неимоверно дорого: Булат Окуджава, Людмила Петрушевская, Борис Васильев, Станислав Рассадин, Игорь Ильинский, Андрей Вознесенский. Но господствовало, пожалуй, иное суждение. Чиновничьи инстанции недружелюбно затаились, газеты практически промолчали. Да и что писать? Умные журналисты и критики, конечно, видели второй план фильма, понимали намеки, аллюзии, ассоциации, да вслух об этом говорить было опасно, а вернее вовсе исключено. Мы надеялись на повторный показ. Но шли годы, я неоднократно предпринимал попытки в этом направлении, однако Гостелерадио стояло насмерть. Все мои поползновения, чтобы показать, причем по любой программе, еще раз нашу картину, терпели фиаско. И без объяснения причин. Мы бились в догадках, но стена гигантского управленческого аппарата загадочно молчала. Во время моей последней встречи с Лапиным, когда я опять унижался, прося показать «Гусара...», он намекнул мне, что фильм в свое время не понравился Андропову, который тогда возглавлял КГБ. Было ли это правдой? Не знаю. Андропов казался мне умным человеком. Я думаю, что у него должно было хватить соображения не ассоциировать себя с Бенкендорфом, а собственное ведомство с Третьим отделением. Но если даже он и произнес нечто в этом роде, его уже не было. Руководил страной другой лидер — Черненко. Поэтому такая немыслимая верность частному высказыванию прошлого вождя представлялась странной. Правда, у нас в стране заклятия, как правило, переживают того, кто их произнес...

...Мерзляев и Бубенцов находились в тюремной карете, которая везла артиста на расстрел. Вот что сказал Мерзляев:

« — Господи! Как это получается? Обыкновеннейшие мещане, обыватели вдруг становятся врагами Отечества».

И вот что ответил ему Бубенцов:

« — А вы от имени Отечества не выступайте. Оно само разберется, кто ему враг, а кто друг. Со временем...»

* * *

...Эти заметки писались в 1984 году. А 4 января 1986 года фильм «О бедном гусаре замолвите слово...» был показан по телевидению по первой программе. Произошло это само собой, без моих хлопот и пробивания. Наступило другое время в стране, пришли другие люди. И то, что казалось невозможным, стало легко и просто. Искусство, которое преследовалось, стало легко находить путь к народу. Пять лет фильм провел, по сути дела, в тюрьме. А моя жизнь практически вся прошла в условиях несвободы. У меня есть стихотворение, которое кончается такой строчкой:

— Как раз на жизнь свобода опоздала!

■

ТОЧКА НА КАРТЕ

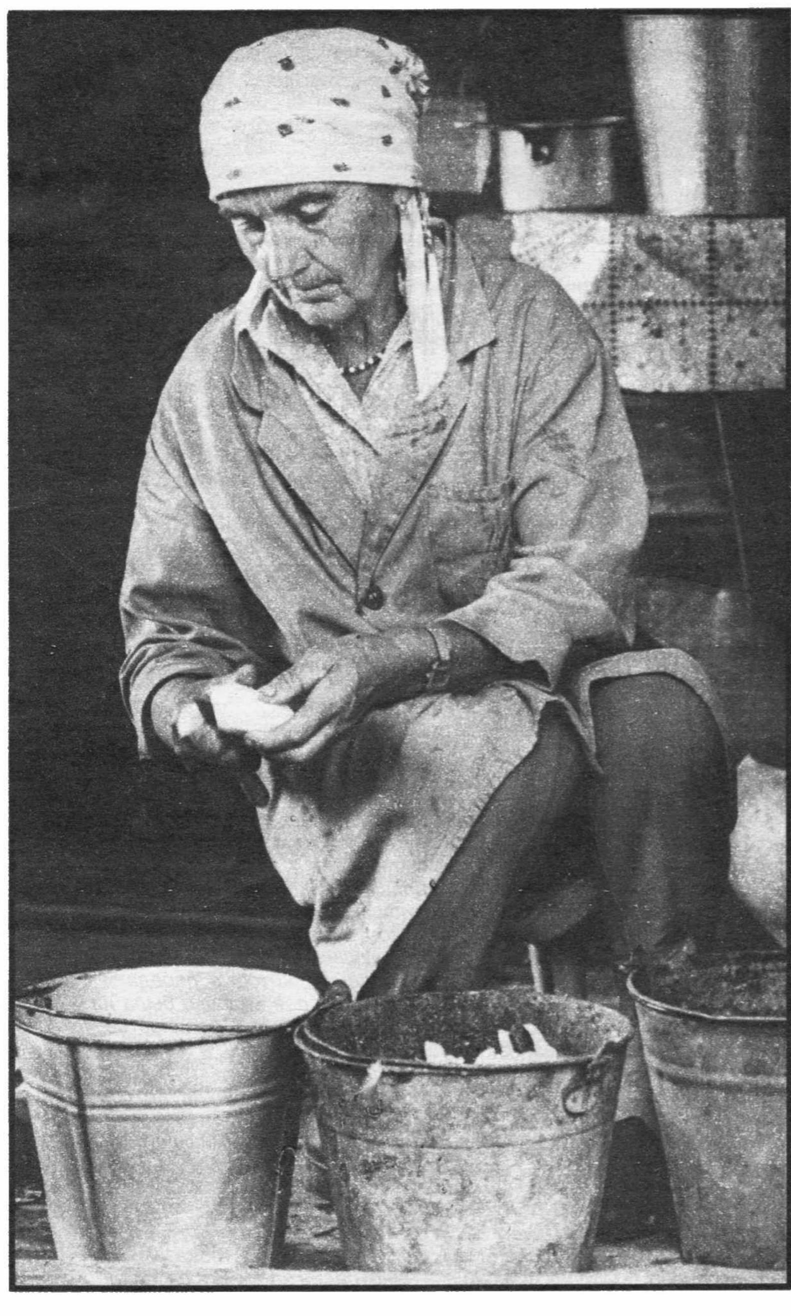
Я уезжаю из деревни Ра́гозы, что затерялась в псковских лесах. Меня провожает девятилетняя Светка, вставшая рано по этому случаю и нажарившая вкуснейших семечек. Что будет с ней лет через десять, будет ли ее деревня на карте?

Сейчас там двадцать дворов. Зимуют человек тридцать. Всего четверо ребятишек ездят в школу в соседнее Глазуново. Живут здесь замечательные русские бабушки, знаменитые певуньи: баба Варка (В. М. Жиганова), Нюша (А. И. Зверева), Наталейша (Н. Н. Ермакова), Дуня (Е. Н. Штыкова), Хруза (Е. Т. Белюсева), Ульяна (У. П. Лукова), Бычиха (А. М. Быченкова). Почему знаменитые? Да потому, что недавно в Ленинграде вышла их пластинка «Традиционное искусство Поозерья». И теперь, ожидая коров на горке, лихая местная красавица Райка выключает свою любимую «Ламбаду» и ставит бабушкам на проигрыватель их песни. А иногда приходит на горку и гармонист Козел (Н. И. Козлов). Высокий, добрый и удивительно красивый. Берет гармошку, и пускаются бабки в пляс. Песни да музыка, пожалуй, единственное, что еще осталось у них.

Многие из них одиноки, мужей скосила война, дети разъехались. В каждом доме в красном углу рядом с иконкой — фотографии родителей. А в рамах под стеклом — вся жизнь: молодость, дети, внуки.

Каждый день похож на предыдущий. Все повторяется. Выгон коров,

уборка сена, магазин, дойка, загон коров, баня. Магазина в Рагозах нет, полкилометра надо идти в Поташню, чтобы получить свои две буханки черного хлеба, полкило масла, килограмм сахара, две пачки пшена. Все строго по норме. Больше и не привозят. Даже конфет нет, чтобы угостить гостей. А что говорить о бесценной валюте — водке. Только по талонам, да и то не всегда. Зато есть свой сад, огород, у большинства — коровы и овцы.

Ночью стоит оглушительная тишина, висит огромная луна. Один дед так и сказал, что у него за печкой — дырка в космос.

Итак, я уезжаю из Рагоз в свой мир, в свой город, где, как сказала не менее знаменитая певунья Евдокия Васильевна Боровикова, «людей много, как деревьев в лесу. И никто с тобой не здоровается». Жаль, что, наверное, исчезнут Рагозы, когда не будет уже этих замечательных женщин. Ведь не останется же здесь семнадцатилетний внук бабы Варки, готовый за бутылку водки продать душу, или Райка, мечтающая стать лесником, или Андрейка, целый день носящийся на велосипеде? Так что же будет с этими нашими милыми, уютными островками жизни? Вслушайтесь: Завьюжье, Аничково, Церковище, Удвяты, Лобынщина. Они живы, пока там живут люди, из которых наше государство высосало все, что только можно, выплачивая им теперь гроши. И давно уже наплевало на них. Эти люди без него проживут, и прожили бы намного счастливее, да справится ли оно без них?

Тишина.

Светка, умоляю тебя, не уезжай! Сохрани Ра́гозы.

Юрий ФЕКЛИСТОВ. Фото автора.

Фото Валерия ФОМИНСКОГО. Кемерово.

ДНЕВНИК СТУКАЧА

Александр ЭКШТЕЙН

(1979 г. Чечено-Ингушетия. 1-я колония, Наур. Где-то в районе Чернокозовки. Начальник колонии подполковник Громов; замнач по РОР Идрисов; начальник оперчасти майор Володин.)

Меня в конце концов из Ростова вывезли в Чечено-Ингушетию, в единственную там колонию усиленного режима Наур, с легкой руки уголовников названную «Мяурр». «Попадаешь и мявкнуть не успеешь...» — так начинал все рассказы о Науре мой знакомый чечен Мутушев Асламбек... Я впервые попал в колонию с сугубо кавказским контингентом осужденных.

...Лег спать, молескиновый костюм положил на скамейку. Проснувшись утром, увидел, что костюма нет, на его месте лежал другой, грязный и ветхий. Новые, обделанные под «волю» ботинки также исчезли, а вместо них стояли чудовищные, заляпанные цементом и столь же чудовищного размера. Появиться в таком одеянии равносильно тому, что добровольно признать себя опущенным, я хорошо знал об этом. Благо перед сном я сдал свой вещмешок в каптерку, в нем были еще один хороший костюм и обувь. Как-никак я был «блатной», и Ростовская зона снабдила меня по уму... Этим же вечером, после множества мелких стычек с местными и завязывания знакомств с залетными, я увидел на «чехе», так называют в Науре чеченцев, свой костюм. Решил выяснить, где он его взял, бывает всякое. Возможно, что тот, кто украл, продал его ему... Я подошел к «чеху» и спросил:

«Слышишь, земляк, а где ты взял этот костюм?» В ответ услышал: «Пошел ты, Иван!» Почему «Иван», я не понял, но на такие слова в зоне, если ты считаешь себя бродягой или хочешь им выглядеть, нужно отвечать конкретным действием, иначе крест на зоновской, среди блатных, карьере... Железный угольник обрушился на голову «чеха», которая сразу же и обильно окрасилась кровью, а «чех» тяжело рухнул на землю... Ярость утихла мгновенно, а еще через мгновение вокруг меня стояли, схватившись за руки, шесть контролеров, а вокруг этого кольца бушевала толпа разъяренных чеченцев, выкрикивая: «Оборзел, Иван, на чечена руку поднял!!!»

Затем меня увели в ШИЗО, где долго, сильно и равнодушно били ногами и дубинками перед тем, как посадить в камеру. Ну а в камере было все ништяк: интернациональный контингент, чай, анаша, «братство»...

К чести воров, элиты преступного мира. Когда в Наур завезли на время одного из них, Батумского Махохия, а затем другого, Джамала, они уничтожили проявления национализма, и уничтожили основательно. Когда их вывезли, осудив на тюремный режим, национализм уже проявлялся в колонии очень редко и был наказуем средой осужденных. Администрация, напротив, национализм разжигала, так как «разделяй и властвуй» — один из важных инструментов «исправления». Было выгодно гасить борзых русаков, вывозя их из российских зон в Наур или наоборот. Было выгодно поощрять, негласно, вражду чеченцев и ингушей, а затем вербовать из той и другой группы агентуру...

...«Кум» Володин был грузным, наглым и умным. На следующий день после моего водворения в ШИЗО меня вызвали из камеры к нему в кабинет. Разложив перед собой бумаги, он с удовольствием сказал: «Вот и чудненько... Пятилеточку мы тебе подболтаем...» Я задохнулся от страха и, заикаясь, заговорил: «Ну что вы, гражданин майор, я ведь должен был это сделать для того, чтобы быть более качественным осведомителем, я же ваш...» Володин закрыл папку с бумагами, внимательно взглянул на меня и коротко спросил: «Псевдоним?» «Назаров»,— испуганным голосом быстро произнес я. Лицо Володина подобрело: «Ну, ладно, я пока сделаю запрос в управление, чтобы твое оперативное дело выслали для ознакомления, а тебе придется все же посидеть в ПКТ пару месяцев. Понаблюдай, кто и что носит в хаты с воли, о чем говорят в хате, где начки у них, а потом решим, что и как, может, на крест отправим, отдохнешь...» Сказал он, и мы попрощались, пожав друг другу руки. Он вызвал контролера: «Уведите этого урку в камеру, опасный гад, глаз да глаз за ним нужен». Профессионал, одним словом...

Стукач по сути и смыслу провокатор. Для того чтобы обнаружить пути попадания наркотика в колонию, он должен завести знакомство с наркоманами. Сделать это возможно лишь через употребление наркотика и прямую личную заинтересованность в его доставании. Если стукач не был наркоманом ранее, то он им станет. Кайфуя, он заодно и стучит: где прячут наркотики, кто прячет, кто доставляет. «Кумовья», в свою очередь, у этих людей все изымают, а затем кое-что сдают для отчета, кое-кого, для того же отчета, крутят на новый срок, а в основном информацию используют для своего кармана, то есть гонца задерживают и под страхом раскрутки вербуют его для работы на себя. Он начинает выполнять правила игры оперативников, продолжая носить наркоту, делясь прибылью с ними.

Гонцами, как правило, являются контролеры и вольняшки, работающие в зоне по найму. Если «кумовья» изымают из начки наркоту, то часть, как упоминал выше, сдают по службе для отчета, а другую через некоторое время выпускают в продажу по зоне через своих людей.

...*«Источник сообщает, в колонии очень высок процент людей, торгующих и употребляющих наркотики. Практически весь контролерский состав является не чем иным, как связующим звеном между барыгами в колонии и теми людьми, которые передают наркотики с воли. Анаша, которая недавно была изъята оперативниками в рабочей зоне в количестве 4 кг, через некоторое время появилась в продаже, 100 рублей 100 грамм. Продажей занимаются контролер Тахоев и осужденный Тевлоев Салауди, который, по мнению осужденных, является «человеком» оперуполномоченного Елизарова, занимающегося борьбой с наркотиками. Многие торговцы наркотиками в колонии даже не соблюдают предохранительных мер по своей безопасности, это говорит о том, что они чувствуют за собой поддержку администрации. Проведенное мною наблюдение показывает, что практически все начотрядов за деньги распределяют*

Окончание. См. «Огонек» № 35.

личные свидания, закрывают глаза на отрицалово и их образ жизни, представляют на комиссию для условно досрочного освобождения... Существует странная связь между барыгами и контролерами в одном случае, между барыгами, контролерами и оперативно-режимной частью — в другом, что наводит на мысль о существовании организованности в продаже наркотиков.

Назаров».

Расчет был верен, впоследствии я его очень часто использовал. Что было невозможно для обыкновенного стукача, дальше зоновской оперчасти не прыгающего, то для меня было очень даже возможно... Сразу же после моего сообщения, в глазах Володина стал возникать при встречах со мной напряженный интерес, замешенный на испуге и неприязни. Через два месяца я был этапирован из Наура в Краснодарский край, в колонию № 9 города Хадыженска. Надо сказать, для того чтобы этапировать стукача из колонии одной области или республики в другую, нужно оформить на него спецнаряд. Делается это через Москву, и оперчасть должна убедительно сформулировать целесообразность такого переброса. Обычно это «опасность для жизни». «Опасность для жизни» означает, что стукач на грани запала и в связи с этим его может постигнуть возмездие. Лично мне, особенно после приведенных выше донесений, оперчасть организовывала «опасность для жизни», то есть где-то как-то «просачивалась» двусмысленная информация обо мне, «начинались» разговоры, дескать, «а не кумовский ли?». Затем меня «прятали» в ПКТ и по приходу спецнаряда вывозили в другую колонию. Простого стукача, естественно, сразу бы «съели»: посадили бы на годик в ПКТ, используя официальную власть, напугали бы, а если бы не пугался он, то изнасиловали бы, используя неофициальную власть, то есть через нас, весьма исполнительных стукачей. (Было у меня такое задание в Оренбургской колонии № 1. Дал его мне начальник оперчасти Сенеговец в 1986 году.— **А. Э.**)...

Ну, а меня просто вывозили, и все. Каждый «кум» чувствовал за мной управление, в свою очередь, управление подозревало за мной ГУИТУ, а я старался не разубеждать их в этом. По этой причине мне и организовывали «опасность для жизни», а пальцем не трогали. Если колония мне нравилась режимом и содержанием, то я не давал «никаких таких сведений», порочащих честное имя администрации, и «опасностей» у меня не возникало; если мне что-то не нравилось, то я организовывал себе спецнаряд, тем более что это было нетрудно, все колонии уже давно превратились в кормушку для «воспитателей» и «исправителей» преступного мира. Я не говорю о честных и хороших администраторах — они погоды не делают. Если честен и умен, то рано или поздно уйдет он из этой системы или перестанет быть честным, а честные и глупые лишь раздражают своей быковатостью... Основная масса зоновской администрации лишь работает под «честных и мужественных», научившись лицемерию у з/к и намного обогнавших тех в этом искусстве.

(1981—1983 гг. Краснодарский край, г. Хадыженск. Колония № 9. Начальник колонии подполковник Зайцев; начальник оперчасти капитан Теменев; оперуполномоченный Коробов; замнач по РОР капитан Лысенко.)

С 1981 года в колониях страны начались «ломки», то есть кампания по борьбе с отрицаловкой. Людей начали бить, и очень сильно бить... В Краснодарском крае, в 9-й колонии это началось обвально. Отряд выводили на плац, выстраивали в шеренгу, и председатель СПП вместе с нач. отряда и режимниками подходили к осужденному, отдельно к каждому, и предлагали красную повязку на руку, для дежурства по зоне. Кто отказывался, того уводили в ШИЗО, кто надевал повязку, того не трогали, но путь к бродягам для него становился закрытым. Надо заметить, что таким путем создалась самая гнусная разновидность преступности; так называемые черти, зная, что замараны и им ничего не светит в лагерной карьере, а также не имея ни малейшего желания вести нравственный образ жизни, они совершают самые гнусные и явно «шизоидные» преступления.

...В ШИЗО на 300 человек было забито вдвое больше. Были перекрыты все доступы нелегальных путей чая и табака, били с поводом и без повода, в камерах задыхались, теряли сознание, пища, не отличавшаяся качеством в зоне, в ШИЗО была абсолютно несъедобной. Когда заканчивался срок 15 суток, осужденного выводили из камеры в козлодерку — так окрестили помещение для контролеров, где проходили все экзекуции,— и вновь предлагали надеть повязку и выйти с ней в зону; если он соглашался, его выпускали из ШИЗО, если нет, то вновь избивали и добавляли очередные 15 суток. Через несколько месяцев поток освобождаемых из ШИЗО достиг высокого уровня, ШИЗО очистился, те 60 человек, которые остались, выдержав все, были частично вывезены за пределы Краснодарского края, частично осуждены на тюремный режим и частично отправлены в туб. зоны с дальнейшим переводом на инвалидность...

...Во время «ломки» мне предложили в недрах кабинета начальника оперчасти капитана Пушкарского (Теменев его заменил позже) небольшую игру для поднятия моего авторитета среди бродяг... Когда отряд, в котором находился и я, выгнали на плац для раздачи повязок, в тот момент, когда ко мне подошел с этим предложением председатель СПП (бывший капитан милиции) Шохин, я нанес ему несколько ударов по лицу кулаком. Так как били «кумовья» и завербованные ими контролеры, то, несмотря на несколько чувствительных ударов во время «экзекуции», я, естественно, не пострадал. Как совершивший «опасный» и «дерзкий» поступок, я был «брошен» в сухую и проветриваемую одиночку, где, мне на «удивление», в «нычках» камеры был большой запас чая, сигарет, сахара и теплое байковое одеяло... В этой камере, которую не шмонали, я находился долго и безболезненно, хотя все остальные сидящие в ШИЗО и находящиеся в зоне считали, что я страдаю наиболее сильно... Затем меня вывезли в больницу с несломленными, а после больницы и закончившейся ломательной кампании я нарисовался в зоне, имитируя туберкулезное покашливание, сутулясь особой тюремной сутулостью бродяги, и уже в качестве авторитета...

...Мне было разрешено почти все, пока у меня не начался бзик раскаяния, но об этом позже, а пока мне было разрешено почти все...

В Ростовской области (10-я колония) я разбил голову своему подельнику Стуканю Юрию толстым дрыном и фактически устроил драку среди зоны в ночное время.

В Оренбургской колонии № 1, будучи уже на грани запала и поэтому находясь в ШИЗО (от греха подальше спрятанный.— **А. Э.**), я получил задание наказать Силаева Павла (21 год.— **А. Э.**). Вот что я сделал: заварив в алюминиевой кружке чифир, доведя его до кипения, вылил кипяток ему на шею и часть лица. Его вывели в санчасть, где с ним провели беседу «авторитеты» (сделанные оперчастью) и избили. Меня перевели в соседнюю камеру, где находился стремящийся к воровской жизни Козорян Жора. На него в это время делали в оперчасти компромат для осуждения на новый срок. Мне же было дано задание деморализовать его физически. Я проломил ему голову железным «кротом» (толстое и длинное сверло для проделывания отверстий в стене между камерами. Все можно иметь в камере, как видите, если это нужно для исправления.— **А. Э.**), его вывели в санчасть, зашили голову, и с ним опять провели беседу «авторитеты», после чего избили; он воткнул себе в живот электрод. Впоследствии его осудили. В санчасть вывели и меня, где я и находился 2 месяца до отправки в Узбекистан абсолютно здоровый. Я ничего не напутал, начальник оперчасти Сенеговец?..

...Я мог безнаказанно употреблять наркотики. У меня изымали контролеры анашу, таблетки, мак, все это сдавалось «куму», а от него возвращалось мне — и никаких последствий. (В Науре у одного отрицалова вырезали карман и отправили на экспертизу, которая обнаружила 0.001 грамма наркотического вещества, и он получил 1 год добавки срока за употребление наркотиков. Ему было нельзя!..)

Я несколько раз подбрасывал анашу в карман, под подушки другим з/к, и в итоге одних крутили на новый срок, других отправляли в крытую, третьих делали стукачами, вербовали. (1987 год. Оренбургская колония № 1. Осудили одного бесконвойного и его брата на пять лет. Моя работа, я подбросил, и я заставил написать явку с повинной. Каюсь, забыл его фамилию, но начальник 1-го отряда в то время, Петров, ее знает.— **А. Э.**)

Я правильно говорю: оперуполномоченный к-н Горбань и начальник оперчасти Казначеев? (1978—1979 гг. ИТК-398/10. Ростов-на-Дону.)

Я правильно говорю: начальник оперчасти к-н Рассказов? (ИТК-398/1. 1979 г. Ростовская область.)

Я правильно говорю: зам. по оперативной работе начальника управления Ростовской области подполковник Евдокимов, а затем вас сменивший Пшеничный? (1977—1979 гг. УИТУ Ростовской области.)

Я правильно говорю: начальник оперчасти майор Володин? (1979—1981 гг. Чечено-Ингушетия. Колония № 1.)

Я правильно говорю: опер Коробов и начальник оперчасти капитан Теменев? (1981—1983 гг. Краснодарский край. Хадыженск. 9-я колония.)

Я правильно говорю: начальник оперчасти майор Агаронов? Сколько тебе з/к платили в день? Ты и со мной делился, спасибо... (1983 г. Азербайджан. пос. Бина. 2-я колония.)

Я правильно говорю: начальник оперчасти капитан Сенеговец? В принципе ты отмазал меня от всех бед, связанных с моим запалом, но и больше всего я подлостей наделал под твоим руководством... (1983—1987 гг. Оренбург. 1-я колония. С перерывом полтора года на тюремный режим.)

Я правильно говорю: начальник оперчасти майор Буренков? Вы были лучший из оперов... (1983—1985 гг. Чистополь. Татарская АССР. УЭ-148/СТ-4.)

Я правильно говорю: ст. лейтенант Зулимов? Это у тебя я шел уже под псевдонимом «Кузнецов» — не забыл?.. Это ты меня оформил на полгода в одиночку, когда я тебе привез и отдал прямо в руки две стеклянные трубки из-под валидола, набитые «пурий этаминала-натрия», которые мне передали бродяги из больницы для з/к, где контролеры по стойке «смирно» становятся перед авторитетами, для передачи бродягам в УЯ64/Т-1. Ты их вернул им вновь, за деньги, естественно... (1987—1989 гг. Узбекская ССР, г. Андижан. УЯ 64/Т-1.)

Кто вы сейчас? В каком звании? Не хотите ли покаяться?

Основная масса заключенных, так, как я, или ча-

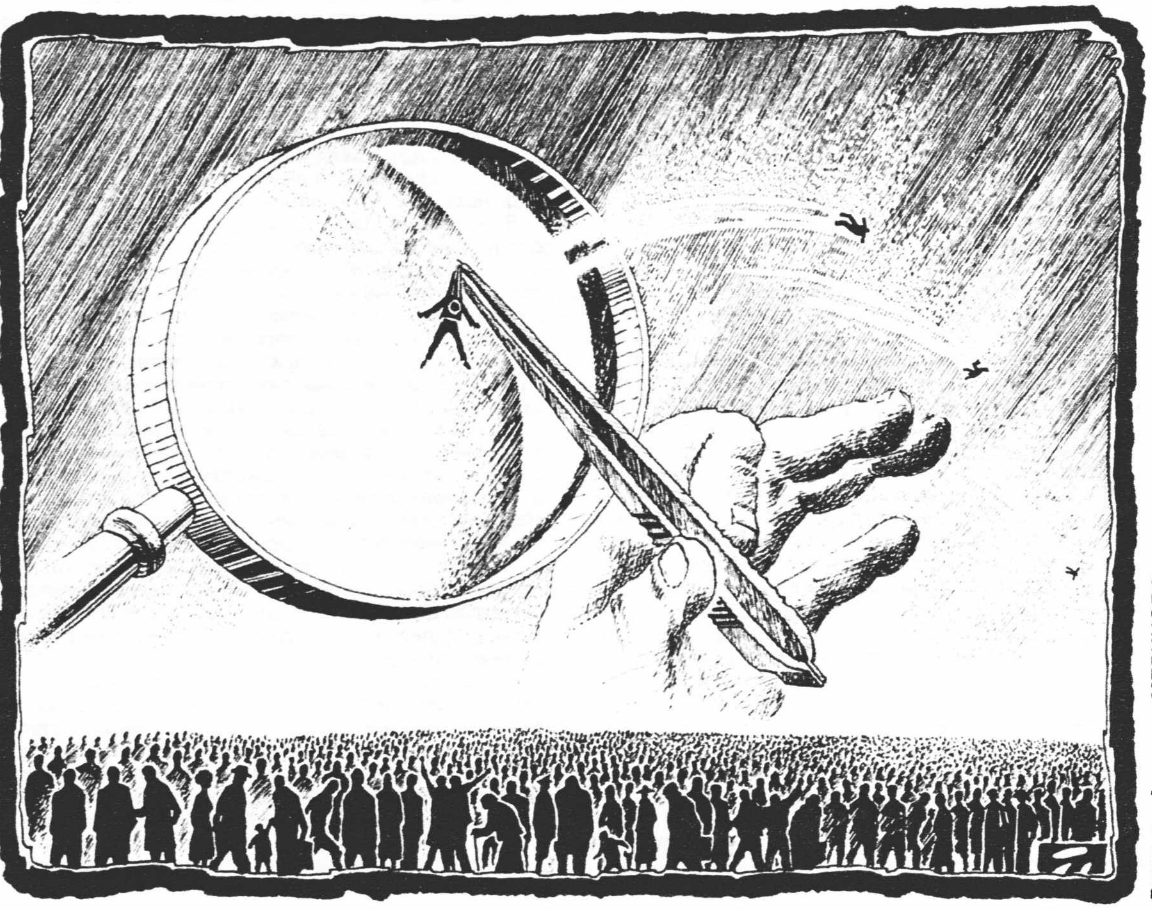

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

стично, «стучат». Стучат не обязательно куму, стучат режимникам, стучат хозяину, замполиту, отряднику и даже пред. СПП колонии. Но то, что стучат, ничего, пустяк, дело в том, что стукачам почти все сходит с рук, им можно почти все... Из них делают наркоманов, если они не были таковыми, они в прекрасных отношениях с администрацией, они освобождаются тысячами — и это, по сути, есть тайная, могучая сила администрации ГУИТУ СССР при МВД СССР; нет такой подлости, на которую они не пойдут. Кого надо, убьют, что угодно сделают, и все будет шито-крыто. Начала пресса нападки на работу МВД и ГУИТУ, так сейчас же возросла преступность по стране, связанная с насилием, и та же пресса взмолилась: «Спасите от преступности, защитники наши». Это ответ со стороны этих двух учреждений, и ответ не от руководства, а от тех, кто внизу, это там, по городам и весям, безвестные полковники, капитаны, майоры дали приказ таким, как я,— «Делайте, хлопцы, что хотите, все будет ништяк, если что, то на зоне отсидитесь немного, не помрете, сами знаете...»

Уже давно ГУИТУ СССР является не исправителем для преступников, а размножителем их методов в жизни. Там уже давно произошло слияние мыслей и целей. Я видел! Я знаю! Давая информацию оперчасти о доставках наркотиков, водки или о готовящихся драках, я видел, что эта информация шла на пользу преступному миру, а не обществу. Канал наркотиков продолжал действовать, лишь маскировалась та цепь, в которой я его заметил. Это я, оказывается, помогал операм замечать слабые звенья этой цепи, а я ведь не один... И так было везде. Работа администрации в ИТУ с преступностью похожа (и таковой является.— **А. Э.**) борьбой противодействующих преступных группировок, которые при опасности всегда могут договориться... Вся АДМИНИСТРАЦИЯ ИТУ содержится за счет ПРЕСТУПНОСТИ и кровно заинтересована в большом количестве з/к.

Будьте осторожны, обратите внимание на глубинную суть системы ГУИТУ! Вы что, не видите, что это законсервированный на время ГУЛАГ?

Нужны ли стукачи? Или нет, не так. Нужны ли «истинные граждане», которые доводят до сведения, ставят в курс дела органы?.. По телевидению как-то задавали вопрос одному эксперту из ученых в соответствующей этому вопросу передаче: «Нужен ли штат осведомителей?» Он ответил: «Видимо, все-таки нужен...»

Штат?! — Армия!!! Огромная, многомиллионная, страшная по своей разрушительной силе армия. Безобразная и ядовитая бородавка органов...

Впервые я начал контактировать с КГБ еще в 1983 году, направив туда сообщение о коррумпированной администрации азербайджанской колонии № 2. Сообщение возил в Москву мой отец, естественно, не зная, о чем и почему. Он выполнил мою просьбу, а что почем, его не интересовало и не интересует до сей поры. В Андижане мы уже оформили отношения, и я получил псевдоним «Булгаков», хотя хотел получить «Булгарин», но они что-то там напутали... Надо сказать, организация эта весьма осторожна с подборкой агентуры, даже как-то пуглива.

(1989 год, ноябрь. Москва.) ...Я обратился в приемную КГБ и предложил свои услуги в качестве осведомителя в ноябре 1989 года. Но столичное КГБ не нуждалось в осведомителях из провинции и посоветовало мне в лице не представившегося мужчины солидного вида: «По месту жительства начни, а там увидим...»

(1989 год, декабрь. г. Таганрог.)...Начал я по месту жительства в г. Таганроге. Вначале ко мне отнеслись настороженно, а затем, усмотрев во мне печать «иудушки», поверили и расположились...

Первый, с кем я начал контактировать, работать, был Прокопенко Геннадий Георгиевич, молодой человек, довольно-таки приятный на внешность и в общении ничего, кроме симпатии, не вызывал. (Его рабочий телефон: 6-36-18, домашний: 3-38-66. Телефон дежурного по ТагКГБ — 6-34-27.) Он посоветовал мне внедриться в городское неформальное политобъединение «Гражданин» и завести знакомство с Ананьевским Леонидом Алексеевичем, в то время являвшимся лидером таганрогской группы РНФ. Я внедрился, познакомился и стал давать информацию о заседаниях, которые проходили по вторникам, клуба «Гражданин» (да, да, гражданин Болотин Владимир Андреевич; да, да, Шматов Юрий; да, да, Чесноков Сергей; да, да, Сысоев Владимир; да, да, Каменский Леонид; да, да, Эдуард Яковлевич; да, да, Смертин Павел; да, да... На всех вас я дал информацию, на всех вас есть дело в КГБ, так что знайте об этом.— **А. Э.**) и стучать на Ананьевского Леонида. Он пользовался особенным вниманием КГБ, по нему я давал информацию даже о его семейных неурядицах (его оставила жена)...

...Затем меня командировали в Донецк, на выставку «Дизайн США», это уже в 1990 году. Выглядело это так. «Мы тебя финансируем, вот тебе телефоны донецких товарищей, они тебя проинструктируют, посылаем тебя просто на всякий случай, у тебя подходящая биография, тюрьма и все такое, может, кто и клюнет... Короче, там скажут». Надо сказать, что к этому времени я уже пошел на повышение, со мной работал начальник того отдела, где работал Прокопенко (Ручко Евгений Иванович. Рабочий телефон: 6-28-35, домашний: 4-65-26. Проживает по ул. Октябрьская, 84, кв. 5, вернее, не он проживает, а его родственник, куда мне нужно было присылать письма с доносами.— **А. Э.**). Спросите у него, если появится желание, спросите, сколько раз мне платили, за что платили, за кем посылали следить, о ком собирать информацию!.. В Донецке я позвонил по телефону (90-91-54 — основной, и дублирующие — 90-93-19, а также 90-92-65. Спрашивать Николая Николаевича, это пароль, сидит там кто угодно, но, спросив Ник. Ник., тут же услышите: «Что вам нужно, я слушаю...». — **А. Э.**) и спросил Николая Николаевича, сказав, что я от Евгения Ивановича, в итоге встретился с Виталием Яковлевичем. Я получил такую инструкцию: ходить и пытаться с кем-нибудь поговорить — это называется «поконтактировать»,— а затем составить подробную докладную, о чем говорил, с кем говорил (у американцев на каждом стенде висела табличка с данными ведущего стенд.— **А. Э.**) и каким способом начался этот разговор. Виталий Яковлевич дал мне пригласительный билет на выставку, и я без очереди, вдоль нее (а какая очередь была! Помните, жители Донецка? — **А. Э.**) прошел на выставку. Хорошо! Бесплатный кулек, значок, журнал при входе плюс к этому созерцание американских достижений. А делов-то! Поговорил с неким Мейером (или Майером, запамятовал.— **А. Э.**) в течение 15—20 минут, а затем подробную докладную Виталию Яковлевичу. И ведь не было конкретного задания поговорить именно с Мейером (Майером). Нет! Просто с кем удастся поконтактировать, на того и докладную...

Надо сказать, что у меня в это время был годичный надзор после освобождения. У меня не было нарушений по надзору, но зато я писал стихи, и милиция меня видела (она не могла знать, что я внедрен.— **А. Э.**) в таг. группе РНФ. Поэтому надзор был проведен тютелька в тютельку, хотя при мне сняли досрочно надзор одному освобожденному из лагеря, а он через месяц вновь за грабеж на 10 лет устроился. Я в это время на оперов не работал, а КГБ в лице Евгения Ивановича сказал: «Это хороший конспиративный фон, ты как будто репрессированный, если случится что-то конкретное, то поможем...» Не знаю, не знаю... Затем я сделал ряд донесений, отображая политическую обстановку в городе, и ко мне расположились окончательно. Надо сказать, что методы работы с агентурой у КГБ весьма приятны: дружеское отношение, встречались с Евгением Ивановичем у него на квартире, все вежливо, культурно...

*«Источник сообщает (этих слов в письменных сообщениях к КГБ не было, но это сути не меняет.— **А. Э.**), на мой взгляд, политическая обстановка в нашем городе нейтральная, если исходить из обстановки во всей стране, но нестабильно нейтральная. Все зависит от таких центров, как Москва, Ленинград, Ростов, что произойдет там, то в виде уменьшенной и ослабленной копии произойдет в Таганроге. Самой серьезной ситуация в городе может стать лишь в том случае, если торговля и цены перейдут тот рубеж, за которым кончается терпение обывателя. А наш город, надо признать, обывательский...*

*В нашем городе (Таганрог.— **А. Э.**) существуют следующие политические образования:*

а) Группа РНФ (Российский Народный Фронт), членами которой являются Ананьевский, Шматов и отделившийся от них Понякин, который создал вторую группу — РНФ. Как таковой, наш таганрогский РНФ не является РНФ, ибо никто из членов его не имеет точного представления о программе и направлениях московского (на платформе Иванова) РНФ. Поэтому наш РНФ ограничивается лишь выходами с демократической и антикоммунистической информацией на щитах к парку КиО им. Горького и на улицу Свободы, в перерывах между выходами выясняя отношения между собой, в том смысле, кто глубже и шире понимает процессы, происходящие в стране и мире, а также подвергая остракизму (по возможности) все, что было после 1917 года. Определенный круг лиц симпатизирует РНФ, но этот круг, как и РНФ, не сможет делать погоды, то есть поднимать и руководить массами...

б) Политклуб «Гражданин» — политикодемагогическодемократическое образование, которое тем не менее содействует созданию определенных постулатов для людей нового мышления, что само по себе вызывает иронию, ибо во всей прогрессивности «Гражданина» видна неприкрытая конъюнктура в лице председателя клуба Болотина В. А. ...

в) «Вече» — марксисты отпочковались от клуба «Гражданин» и являются, на мой взгляд, «бурей в стакане». Но при определенных процессах в полит. жизни страны могут «пошуметь», впрочем, как и РНФ, и клуб «Гражданин», не более, не более...

г) «Монархисты» — молодежь, лидер Игорь Задорожный. Цель: восстановление монархии, возрождение русской культуры. А также у них существуют элементы антисемитизма, элементы идиотизма и элементы агрессии, которая, на мой взгляд, является более возрастной, чем идейно наполненной. В данный момент они выступают под вывеской «Пушкинский клуб» и вряд ли могут вызвать серьезные опасения...

На этом список политических образований нашего города можно закончить, лишь добавлю к нему, что в будущем возможны образования групп ХДС и религиозно-философских обществ. На мой взгляд, наиболее активным, умным является член РНФ Ананьевский Л. А. Имеет связи с Москвой, а именно с журналом «Гласность», газетой «Экспресс-хроника» и Ивановым (РНФ). Целенаправлен, честолюбив, порядочен — это мое мнение. Не принимает коммунистической идеологии. Имеет реальные данные для того, чтобы стать заметной фигурой в городе. Имеет желание выехать за границу и ищет пути, чтобы в случае «похолодания» покинуть страну. Религиозен, но не до фанатизма, а скорее по «моде». В разговорах часто говорит, что борьба с коммунистической идеологией (но не коммунистами) его смысл, а если понадобится, он возьмется за оружие...

И повторюсь в конце, самые взрывоопасные в городе являются обыватели, и неизвестно, какой лидер во время этого (возможного) взрыва, при нынешней инфляции...

Булгаков».

*«Источник сообщает, что Ананьевский, будучи в Москве, в которую он въехал с целью узнать возможности публикации журнала, макет которого составлен в Таганроге из машинописных текстов и который имеет название «Благие вести», позвонил Экштейну А. В. (Так мне посоветовал писать после первого доноса Евгений Иванович, от третьего лица, а не от первого.— **А. Э.**) и поделился с ним достигнутыми результатами, впечатлениями, верней, от поездки:*

а) Знакомство с генералом Калугиным (бывшим).

б) Распродажа портретов царя и царской семьи.

в) Полная невозможность издать журнал.

г) Покупка всевозможных неформальных газет и договор на их высылку ему в Таганрог для распространения...

С Калугиным, судя по разговору Ананьевского с Экштейном, Ананьевский встречался и собирается встретиться еще, имея у себя домашний адрес и телефон Калугина. Телефон квартиры, где остановился в Москве Ананьевский,— 336-71-05...

Булгаков».

...Это копии, я их снимал всегда, когда писал донесения в КГБ. Некоторые я писал при Евгении Ивановиче, и по этой причине копий нет.

И вот итог. Мне дают деньги, я пишу расписку. Денег дают всего 100 рублей (больше в кассе не было.— **А. Э.**), дает Евгений Иванович после согласования с начальником Таганрогского КГБ, дает на дело чрезвычайной государственной важности, то есть мне нужно выехать в Москву и проследить за Ананьевским Леонидом, так как он познакомился с генералом Калугиным и по приезде в Таганрог мог еще сильней досаждать местному КГБ. Досаждал он сильно, например, взял и пришел однажды с членами РНФ и другими неформалами на встречу с руководством ТагКГБ, его приняли доброжелательно, а он им портрет царя последнего подарил для музея, сказав: «Этим экспонатом, как началом своей деятельности, открывайте экспозицию своего музея». Ну, что это?.. А то еще постоянно вопрос задает на сессии горсовета депутатам от КГБ: «Зачем КГБ нужно в Таганроге, чем оно занимается в большом, им принадлежащем здании?» Ответить на этот вопрос трудно. А действительно, чем?.. Я в Москву поехал, этими деньгами воспользовался, но поехал не для слежки за Ананьевским, а для передачи своей исповеди в «Огонек», тем самым действительно на пользу государству истратив эти деньги. Кто не согласен, пусть первым кинет в меня камень...

Ананьевский Леонид Алексеевич, с первого дня нашего знакомства и до последнего я имел конкретное задание давать по вам информацию в КГБ. Ты считал меня своим другом, Леонид, а я стучал на тебя. Прости... Я знаю, что помыслы и дела твои были чисты, а это всегда подвергается слежке в нашем Отечестве...

Многие замечали, что у меня двойное лицо. Слева если смотреть — одно, справа — другое. Я сам однажды увидел это в зеркале и осознал в одиночке. Так что презирайте меня, кидайте камни, расправляйтесь, но хотя бы изредка смотритесь в зеркала души своей, а если таковой нет, то внимательно смотрите на себя в зеркало, висящее в ванной...

Начало на 2-й стр. обложки.

предприятие. Новые нормативы предусматривают: чем младше возраст, тем меньше детей приходится на воспитателя.

Сложнее оказалась другая задача — поднять уровень воспитателя детского сада. По идее, это должен быть человек образованный, культурный, обязательно музыкально развитый. Пусть он сам не умеет рисовать, лепить или хорошо играть на инструменте, но он должен очень тонко чувствовать задатки к рисованию, ваянию, музыкальные способности.

Лев Николаевич Толстой говорил: «От меня до пятилетнего (а было ему тогда больше 80) — один шаг. А от рождения до 5-летнего — страшное расстояние». И вот я всегда думал, почему страшное? Потому что в человеке от нуля до пяти закладывается все, именно в этом возрасте и можно человека искалечить непоправимо.

Ясно, что вся система дошкольных учреждений требует коренных изменений.

Сейчас разрабатывается государственная программа, которая осуществит реформу образования, начиная с дошкольного, кончая высшей школой.

— То есть это будет единая воспитательно-образовательная программа.

— Видите ли, образование — наверное, это понятие идет от «образа», «создания образа» — более широкий термин, чем воспитание. В образование всегда включают и воспитание. Ведь нельзя сказать: сейчас я вас кончу образовывать и начинаю воспитывать. Хотя есть много педагогов, которые считают, что это две разные функции. Думаю, что это не так.

— В чем мы встретим главную трудность при осуществлении этой программы? В средствах?

— Средства, деньги, конечно же, нужны, но главное препятствие — невостребованность обществом культуры, интеллигентности и образованности...

— То есть общество не знает, что надо востребовать в первую очередь? Оно не настолько культурно, не настолько образованно, чтобы понять... первоочередные свои потребности?

— Когда общество платит шоферу автобуса столько же, сколько доценту института — это значит, что оно больно. Если оно платит учителю меньше, чем рабочему, это значит — оно тяжело больно. В нормальном обществе такого не может быть.

— Не должно быть...

— Не только не должно, а не может быть, потому что если есть, то это неизбежно приведет общество к деградации.

— Вопрос: где брать деньги?

— Зарабатывать.

— Каким способом?

— Повышая образованность общества, делая его более интеллигентным, более нравственным, более умеющим, более профессиональным...

— Опять мы приходим к проблеме курицы и яйца: что первично?

— Тут все абсолютно переплетено. Когда говорят: потерпите, начнем зарабатывать, тогда будем повышать культуру,— это губительный путь. Когда Дантон говорил: «Сначала хлеб, потом школа»,— он ошибался. Без школы нельзя произвести хлеб. Чтобы произвести современный хлеб, чтобы убрать его без потерь («убрать» — это и значит «без потерь», потеря — это уже не уборка), превратить его в нужный людям продукт, а не сгноить, нужно иметь определенный уровень культуры. Мы из хороших вещей умудряемся делать такое, что уму непостижимо.

Хотите, я вам покажу книгу, которую можно прочесть только один раз? Новенькая, только из цеха, она распадается на листочки. Но на нее пошло столько же бумаги, человеческой энергии, типографской краски, даже труда, сколько и на сделанную добротно. До тех пор, пока мы не научимся тратить деньги и ресурсы с толком, мы будем оставаться нищими. Английская пословица гласит: не настолько мы богаты, чтобы покупать плохие вещи. А как мы ведем себя, проматывая все свое благосостояние на производство плохих вещей?

Обучение, повышение культурного уровня есть абсолютно необходимая ступенька в повышении качества труда. Вот вам ответ: что первично — курица или яйцо.

— Образование сейчас стоит денег, особенно высшее. Некоторые считают, что студенты вузов сами могли бы в известной мере зарабатывать деньги на создание технической базы, тем более что уровень, накопленный в высшей школе, в каждом институте, довольно высок. Да и самим студентам такой приработок мог бы стать материальным подспорьем.

— Я думаю, было бы в принципе неправильно, чтобы студент на себя зарабатывал. Почему? Современное обучение — это достаточно сложный, трудоемкий и времяемкий процесс. Учеба — это фактически огромный труд. И сделать так, чтобы сначала студент работал, а потом на заработанные деньги учился, — это, на мой взгляд, очень спорно. Государство должно перераспределять некоторые ресурсы на такие слои общества, где человек сам зарабатывать еще не может или не должен. Это в первую очередь ребенок, школьник, студент.

Некоторые предлагают ввести платное образование: оно, мол, повысит ответственность студента за учебу. Конечно, повысит. Конечно, можно ввести. Но тогда государство должно перестать изымать у своих граждан часть заработной платы, идущую на эти цели. Нельзя ввести платное образование, не предусмотрев одновременно снижения налогового обложения заработной платы. Ведь никакого бесплатного образования сейчас нет. Оно все равно платное, только платит государство на какой-то стадии, изъяв эти средства у работающего человека. Других источников все равно нет.

Так что хотя я отношусь с огромным уважением к тем студентам, которые учатся и одновременно работают, и стараюсь создать им для этого необходимые условия, однако решение проблемы вижу все-таки не в этом. Главной работой студента должна быть учеба. Наша социологическая служба все время отслеживает разные процессы, происходящие в высшей школе. Установлено, что современный студент работает — аудиторно и дома — 60 часов в неделю, прихватывая и воскресенье. Это плохо. Во-первых, он все равно не успевает справиться с тем, что ему задают сверх меры. Во-вторых, это означает, что у него нет совершенно свободного времени для поиска, он не имеет возможности думать, осмысливать прочитанный и прослушанный материал.

И, наконец, третье. Не имея возможности выполнить все задания, он все время чувствует себя виноватым, незащищенным, а комплекс вины воспитывает в человеке отнюдь не лучшие качества. Надо помнить и об этом важном обстоятельстве.

— Как же помочь школе, вузу, детсаду?

— По-моему, всеми доступными средствами — средствами массовой информации в первую очередь — общество должно воспитывать у своих граждан уважительное отношение к культуре, к квалификации, к качественному труду. Почему стал возможен Чернобыль? Ведь в АЭС в принципе все было сделано, как положено. Была предусмотрена одна система защиты. Ее отключили. Была вторая система защиты — отключили, третья — вырубили напрочь... Почему это стало возможным?

Почему лопнул продуктопровод под Уфой? Оператор, увидев, что упало давление на трубопроводе с жидким газом, не отключил систему. Ведь когда падает давление, ясно, что на трассе дыра. Он же врубил дополнительный насос: авось пробьемся. Вот и рвануло.

Я ездил в Уфу, когда там случилась история с фенолом, разбирался. Это же было совершенно вопреки всякому здравому смыслу: зимой фенол просто вылился из хранилища на землю, и все сделали вид, что они об этом не знают или не заметили. Авось... А когда снег растаял — оказалось совсем не авось. Фенол попал в питьевую воду. Здоровье огромного города оказалось под угрозой.

Как видим, всюду одна причина: отсутствие компетентности, связанное с отсутствием нравственности и ответственности. И никуда мы не уйдем в решении этих вопросов без надежного образования в вузе, в школе, без учителей, без воспитателя в детском саду, яслях.

— Высокое качество обучения — это ко всему прочему и высокие затраты. Скажите, вы сравнивали затраты на одного студента, школьника или детсадовца с американскими?

— Чего же тут сравнивать? Америка гораздо богаче нас, она может себе позволить тратить больше и на эти цели. И все-таки дело не только в этом. Потому что общество может быть более богатым, менее богатым, а вот отношение к образованию определяется тем, какую долю национального дохода расходует на обучение и воспитание подрастающего поколения.

— И как у нас с долей?

— Понемногу стали ее повышать. Была 5,5 процента, сейчас довели до 5,8 процента национального дохода. Беда только, что национальный доход начал падать. Конечно, это временное явление долго длиться не может. Но есть вещи, которые не требуют затрат: уважение к личности, начиная с личности ребенка. Внимание к его развитию, помощь в этом развитии. Отсюда уважение к тем, кто с этим ребенком занят,— к учителю, воспитателю. Тут у нас море непочатых дел...

ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНА

1 сентября — День знаний — советские студенты встретят в поле. После первого звонка к ним примкнут школьники и учащиеся техникумов, ПТУ.

Вчера вдалбливали в головы: «Сокращение численности крестьян — процесс прогрессивный. Вчерашние крестьяне пополняют армию рабочих и интеллигенции, умножая индустриальную и научно-техническую мощь». Сегодня кричим: «Некому убирать урожай! Все — на поля!»

На поддержку штанов, сползающих с колхозно-совхозного строя, брошены все силы. Тотальная мобилизация... Подрастающему поколению в спасении строя отводится заметная роль. На заседании чрезвычайной комиссии Ярославского облисполкома студентов и школьников высокопоставленное лицо назвало «резервом номер один». Мальчишек и девчонок по значимости поставили даже впереди армии. Учащиеся — самая дешевая и легкая на подъем сила.

Конечно, чрезвычайное положение — мера вынужденная. Погибает урожай. Складывается впечатление, что те, кто крикнул: «Караул!» — видят себя чуть ли не героями. А чем, собственно, гордиться? Аврал — это печальное подведение итогов за пятилетие. Свидетельство того, что экономические способы до сих пор не проникли в хозяйственную жизнь. Причем не в одном каком-нибудь «отдельно взятом районе», а в целом по стране. Зонами бедствия объявлены Ивановская, Тверская, Куйбышевская, Северо-Казахстанская, Пермская области... Проще назвать области, где не введено чрезвычайное положение. Останутся ли, впрочем, такие к концу уборки?..

Уязвленная тем, что разнарядки по отправке автомобилей в село не выполняются, Ярославская чрезвычайная комиссия отдала милиции приказ остановить работу непослушных предприятий. Машины под милицейским надзором пошли на колхозные поля, оголив городские стройки, оставив в труднейшем положении торговую и общепитовскую сеть.

Расточительство, неразбериху — все, чем грешит приказное планирование,— чрезвычайщина демонстрирует во всей красе. В одном колхозе простаивают без работы автомобили, в другом — на приколе комбайны: не на чем увозить зерно. Хлеб повсеместно ждет гибели под открытым небом: в порыве чрезвычайщины его намолотили столько, сколько не в состоянии переработать зерносушильное хозяйство.

Того и гляди, и этот едва удерживаемый величайшим напряжением сил полухаос-полупорядок рухнет. К зданию Ярославского облисполкома пробился водитель на мощном КамАЗе с ультиматумом сельской глубинки: если деревню не обеспечат табаком, она забастует. В совхозе «Туношна» пастухи отказались без табака пасти скот. Ярославское руководство было вынуждено прекратить на неделю отправку табачных изделий с местной фабрики за пределы области. Значит, в другом месте не будет курева.

Таковы будни чрезвычайщины. И еще неизвестно, чего будет больше от нее — пользы или потерь. Главное, впрочем, давно уже ясно: многолетняя чрезвычайщина ни в коей мере не спасает село, а все в большей степени усиливает его разложение. В то время как город в ущерб себе посылает людей на уборку урожая, селяне зачастую появляются на поле как бог на душу положит, а уходят при первых намеках на дождь.

Из села раздаются голоса продлить чрезвычайное положение на зиму, а некоторые не прочь объявить чрезвычайным все пятилетие. Признаемся, что нынешний богатый урожай всего лишь предлог для введения чрезвычайного положения. Будь хлеба победнее, все равно пришлось бы бить в набат: колхозам не по силам убрать любое зерно.

...Неужели и 1 сентября 2000 года День знаний наши дети встретят в колхозном поле?

Павел НИКИТИН,
собственный корреспондент
«Огонька»
Ярославская область.

Сейчас мы возвращаем долги, даем слово тем, кого «уехали» когда-то из России,— время собирать разбросанные камни... Конечно, легче печатать известных: Войнович — ну как же, знаем, за что и почему; Аксенов — ура, наконец-то! А как быть с «солдатами» литературы? Которые не стали «первачами», но достойно занимают свою экологическую нишу? А тоже печатать.

Познакомьтесь: Эмиль Абрамович Дрейцер. Родился в печально известном 1937-м, в колыбели отечественной жизнерадостности — в Одессе, это предопределило жанр, в котором он стал работать.

Итак, «до того» Эмиль Дрейцер окончил Одесский политех, был инженером, научным редактором издательства уже в Москве; под псевдонимом «Эмиль Абрамов» печатался в «Известиях», «Крокодиле», «Юности», «Литературной России», «Литературной газете» и пр. Деликатный вопрос: зачем понадобился псевдоним? А чего ж тут деликатничать! Заявляю ответственно, проработав двенадцать лет редактором, я накопил грустную статистику: с фамилией «Дрейцер» печатали у нас, мягко говоря, неохотно, хотя с лаской в глазу любили поговорить о «еврейском вопросе». Вот и приходилось брать псевдонимы, производные от собственного имени или отчества, а иногда от имен жен и подруг. Так появлялись на страницах Сашины, Колины, Витальевы, Ольгины, Юлины, Лени... пожалуй, «Лена» — единственное имя, манипулировать с которым надо было осторожно. Да что там говорить — один бывший первый заместитель главного редактора самого «демократического» во времена застоя органа — «Литературной газеты» — начал вступление в должность с того, что скрупулезно «разложил» по национальностям список сотрудников. Это тоже, знаете, не последняя капля, когда принимаешь решение...

Что же у Эмиля Дрейцера «после того»? Аспирантура Калифорнийского университета, защищенная диссертация, степень доктора философии и... книжка юмористических рассказов «Пещера неожиданностей», изданная в Нью-Йорке. В предисловии к этой книжке Василий Аксенов пишет: «Писатель знал советскую жизнь, писатель хорошо знал советскую жизнь, писатель слишком хорошо знал советскую жизнь, вот и покатился под «русскую горку», вот и поделом, выкатился на «американскую», так и надо, катись подальше, на Западный аж берег, вот — в лице Эмиля Дрейцера перед нами наглядный пример того, что случается, когда отрывается от жизни писатель, слишком хорошо ее знающий».

Хочется предложить вам два рассказа из этой книжки. Один, написанный на «русской горке», и другой — на «американской». В этих рассказах видно, как меняется вектор юмора, и остается без всякого фарисейства пожалеть, что русское «рубежье» потеряло еще одну хорошую голову и точную руку.

Игорь ДВИНСКИЙ

Эмиль ДРЕЙЦЕР
(Лос-Анджелес)

ЭТОТ «ИСКУССТВОВЕД»

Я почувствовал, что за мной давно наблюдает прилично одетый гражданин. Он сопровождал меня, держась поодаль, всюду. В метро, на улице, в кафе. У подъезда дома, куда я забежал поприветствовать симпатичное мне семейство, наконец, я не выдержал и подошел к нему.

Он поздоровался первым.

— Здравствуйте,— сказал он.— Будем знакомы. Портупеев, искусствовед.

— Товарищ искусствовед,— сказал я,— в чем дело? Почему вы ходите за мной по пятам?

— Изучаю.

— Что?

— Все. Походку, одежду, блеск ваших глаз, темп и ритм вашей жизни. Мне все в вас интересно.

— Что во мне такого интересного? И почему именно во мне?

— В принципе мне интересен каждый человек. Вы первый, с кого я начал.

— Что начали?

— Изучение человечества. Я же заочно на искусствоведческом.

— Вот и изучайте себе искусство. А меня оставьте в покое.

— Простите,— вежливо сказал он,— я не хотел вас обидеть. Дело в том, что изучение искусства — это вчерашний день искусствоведения. День сегодняшний — изучение самого предмета искусства. То бишь человека.

— Позвольте, кто же вам разрешает ходить за другим человеком, подсматривать... В конце концов это и неэтично, и оскорбительно.

— Ну, вот вы и совсем обиделись,— с сожалением сказал он.— А ведь, в сущности, я вам ничего дурного не сделал. Просто старался быть к вам немножко ближе. Простите, не двигайтесь минуту.

Я застыл.

— Ну вот, спасибо,— сказал он.— Никак, знаете, не удавалось вас увидеть чистый анфас. Очень вы беспокойный человек,— улыбнулся он.— Или книгу читаете, или с друзьями о чем-то говорите... Ну, о друзьях ваших мне все известно. Наша группа на заочном их между собой разобрала, кто кому попался... А вот читаете вы что?.. Извините.

Он засунул руку в накладной карман моего портфеля и вытащил книгу:

— Чехов А. П. ... Очень хорошо. Совпадает с моей концепцией.

— Какой?

— Что классику тоже иногда читают.

— Вот здорово! — хохотнул я.— А что, есть другие мнения?

— Смешной вы,— сказал он.— И даже чем-то симпатичный. Наблюдения показывают, что читают Бог знает что... Впрочем, не только Бог, но и мы, искусствоведы...

— Да что же это за наука такая! — воскликнул я.— По чужим портфелям лазать!

— Если вам интересно, пожалуйста, посмотрите мой. Можете задавать вопросы.

Он распахнул потрепанный портфель, который держал под мышкой.

Там лежали краюха хлеба, алюминиевая кружка и портрет человека с бородкой клинышком.

Вопросов у меня не было.

«СПАСИТЕ КИСУ!»*

...Американцы много и часто протестуют. Похоже, что против всего. Против сверхприбылей нефтяных монополий и недоплаты пожарным. Против роста цен и падения нравов. Против электронных касс и искусственного зачатия в пробирке. Моя взращенная при тоталитаризме душа не нарадуется при виде людей с транспарантами. Они — такая же неотъемлемая часть американского городского пейзажа, как и кукольные домики Макдональдов...

Поэтому я нисколько не удивился, когда, пробегая под проливным дождем, уже не один день поливавшим Лос-Анджелес, увидел своего знакомого Джерри с плакатом в руках. Только держал он его не перед собой, торчком, как положено уважающему себя демонстранту, а над головой, параллельно земле.

— Ты что,— спросил я на бегу,— протестуешь или от дождя спасаешься?

— И то, и другое,— сказал он.

— Против чего протестуешь?

— Против дождя.

— Чего? Чего? — Я даже остановился.

— Против дождя, говорю тебе.

— Какого? Вот этого? Или вообще? Так сказать, в принципе?

— Не делай из меня идиота,— сказал Джерри.— Есть среднее количество осадков, положенное на дюйм поверхности для Южной Калифорнии. Ну, плюс-минус столько-то миллилитров. То же, что сейчас происходит,— преступление перед населением. Это,— он кивнул в сторону бурлившей вдоль тротуара воды,— не должно им просто так сойти с рук.

— Кому — им?

— Как кому? Конечно, правительству!

— Но, позволь,— недоумевал я,— дождь — естественное явление природы.

— Да, для Лос-Анджелеса неделя в году — естественное. Но три недели кряду — это же безобразие!

— Согласен,— сказал я, шмыгая простуженным носом.— Приятного мало. Но что делать!

— Как что? Протестовать!

— Хорошо, а как насчет других атмосферных явлений? — спросил я из любопытства.

— О, я уже выступал, например, против шквальных ветров в октябре. Правда, несколько не рассчитал. Сделал плакат слишком большого размера — и меня забросило на крышу банка на Уилшир-бульваре... Зато там я был виден гораздо большему числу людей. Даже в газеты попал, что вообще большая удача для любого демонстранта...

— И часто ты протестуешь? — говорю.

— Не реже раза в неделю.

— А если нет повода?

— О! — рассмеялся он над моей наивностью.— За этим недостатка нет.

— Что у тебя на следующей неделе?

— Протест против несчастной любви.

— Какой любви? — не понял я.

— Против любви без взаимности.

— Ну и ну,— сказал я.— И кто же виноват?

— Ясно кто. Правительство!

— Ты любишь правительство, а оно тебя нет? — Я совсем был сбит с толку.— Ты же только что ругал его почем зря!

* Рассказ печатается с сокращениями. В заголовок вынесен призыв «Спасите кису!», под которым, как полагает автор, американцы протестуют против вымирания тигров...

— Ты что, нездоров? — спросил Джерри озабоченно.— Кто же в Америке любит правительство! Даже если оно самое распрекрасное, чего никогда не бывало. Нет, тут совсем другая история. Одна моя приятельница влюблена в меня, а я хоть бы хны — не реагирую на нее, и все тут.

— Чего же ты?

— Понимаешь, у нее карие глаза, а меня волнуют только светлоглазые. Убей, ничего не могу с собой поделать. Так уж устроена моя психика — темные глаза пугают. Фрейдистский комплекс... А девушка страдает ни за что.

— Бедняжка! — сказал я.— Но при чем тут правительство? Как оно могло повлиять на цвет ее глаз?

— Еще как могло! — уверенно сказал Джерри.— У ее мамаши в молодости был парень. Голубоглазый. Будь моя знакомая его дочерью — все, наверное, было бы иначе. Но парня призвали в армию. Мамаше ничего не оставалось, как выйти за другого... Кстати, заодно это будет протест против воинской повинности, что сейчас вообще на злобу дня.

Я уж собрался было расстаться с Джерри и бежать дальше, как вдруг сообразил.

— Постой, постой,— сказал я.— Несчастная-то любовь у нее. Почему же протестуешь ты?

— А у нее времени нет,— сказал он.— Работает день-деньской, да еще учится по вечерам. Вот я из солидарности... Ну, разве это не собачья жизнь, когда человеку и попротестовать-то некогда!

«МЫ ГОВОРИМ»

- **Язык до гласности доведет!**
- **Одним рациональным зерном сыт не будешь.**
- **Лица меняются, а маски остаются...**
- **Свобода слова хороша, когда есть дар речи.**
- **В правах правды нет!**

Леонид ЛЕОНИДОВ

- **Очереди — дети отрядов.**
- **Когда бьют куранты, глупо жаловаться на механизм.**
- **От великого до смешного — один съезд.**
- **Ничто так не омрачает жизнь, как светлое будущее.**
- **Мамонты вымерли, потеряв руководящую роль.**
- **Большинство за то, чтобы против.**

Геннадий МАЛКИН

- **Самое страшное для народа — это пожелания трудящихся.**
- **Россия — это одна шестая часть света и пять шестых тьмы.**
- **Даже в метро звучат призывы к свободе: «Граждане! Освободите вагоны!»**

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

Валентин БЕРЕСТОВ

РЕЧЬ О ПРЕССЕ НА КОНГРЕССЕ

Не прожить ни дня без стресса.
А всему виною пресса.
Из-за ваших репортажей
Все исчезло из продажи.
Из-за всяких там статей
Нет колготок у детей.
Прочитал передовицу,
Захотелось удавиться.

Тут заметка, там заметка,
И — «накрылась» пятилетка!
Наркоманы, неформалы...
А всему виной журналы.
Не исполнены заветы.
А всему виной газеты.
Не плодились бы бездельники,
Если б не еженедельники.
И была бы благодать,
Если б только не печать,
Если б не корреспонденты!
(Бурные аплодисменты.)

Сергей ЕВТУШЕНКО,
Владимир ЛАДЧЕНКО (г. Уральск)

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Золотарь Сидоров выиграл в «храп» у лошадиного барышника Тимофея рубль и два дня усидчиво пропивал его в трактире «Звезда», закусывая холодной осетриной. И еще сожителя своей сестры угощал, марксиста Артемьева. А через три года в него попал снаряд во время Брусиловского прорыва.

Мастер по профилактическому осмотру сантехнического оборудования низкого давления Сидоренко разложил перед собой железные рубли, сел у окна и затаился. На балкон прилетела синичка и бойко зацвенькала. Сидоренко снял ее рублем из рогатки, ощипал и съел, предварительно отмочив в уксусе. Уксус в магазинах еще был.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

— Ол райт,— сказал довольный мистер Смит, выходя со свертками из супермаркета.

— Мерси, мадемуазель,— чертовски элегантно улыбнулся месье Жан очаровательной продавщице.

— Дзенькую, пани Зося,— приподнял шляпу пан Ковальский, расплатившись за покупки.

— ...,— только и смог сказать Петров, разглядывая на прилавке ботинки местной промартели.

Продавщица покраснела.

Ведет рубрику
Игорь ДВИНСКИЙ,
рисовал Виктор КОВАЛЬ.

В магазине женщина выбирает метлу. Перебрала все, что было, потом заставила продавца принести партию со склада, потом снова перебрала все сначала и так два часа. Продавец взмок. Наконец она выбрала метлу.

— Вот эту.

— Мадам, вам завернуть или так полетите?

* * *

Разводятся муж и жена. Судья спрашивает мужа о причине развода.

— Гражданин судья, скажите, может ли семья из двух человек прожить на двести рублей в месяц?

— Может.

— А вот она меня третий год пилит: иди работать, иди работать.

* * *

Молодой артист впервые собирается выехать с театром на гастроли. Друзья ему говорят:

— Ты хоть чемодан купи себе в дорогу.

— Зачем?

— Положишь туда брюки, пиджак, белье...

— А в чем же я тогда поеду?

* * *

В бане два маленьких мальчика увидели голого мужчину с большим животом. Спрашивают его:

— Дядя, а что у тебя в животе?

— Бомба.

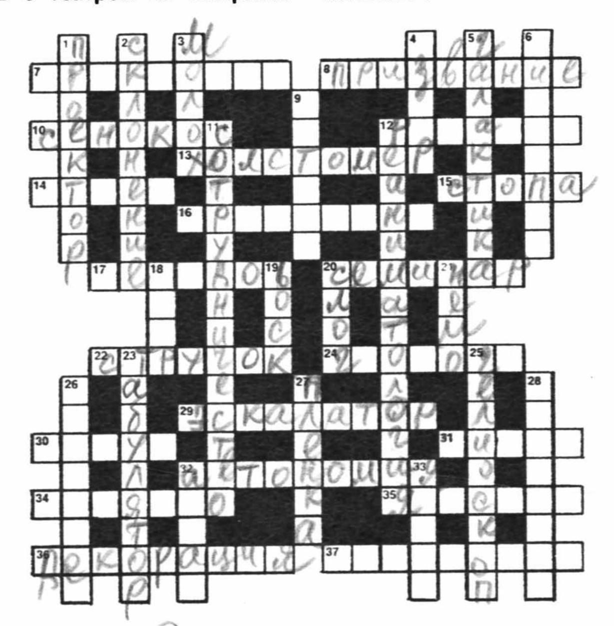
Один тихо говорит другому:

— Давай взорвем ее.

— Опасно. Очень короткий фитиль.

* * *

На столбе объявление: «Перевожу с немецкого и армянского на Ваганьковское».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Толкование, объяснение. 8. Склонность к определенному делу, профессии. 10. Картина А. А. Пластова. 12. Русский полярный исследователь. 13. Повесть Л. Н. Толстого. 14. Категория в систематике растений. 15. Стихотворная строфа. 16. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые». 17. Физик, академик, Герой Социалистического Труда. 20. Вид учебных занятий. 22. Длинный узкий плод гороха, акации. 24. Песня А. Н. Пахмутовой. 29. Лестница с движущимися ступенями. 30. Русский театральный художник, историк искусства, критик. 31. Среднее учебное заведение. 32. Самоуправление, независимость. 34. Советский физиолог, впервые в эксперименте ожививший изолированное сердце. 35. Город в Польше. 36. Оформление сцены. 37. Знак препинания.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Оптико-механический прибор для перенесения изображения на экран. 2. Изменение имени по падежам и числам. 3. Повесть А. И. Куприна. 4. Скульптор, Герой Социалистического Труда. 5. Гигантская звездная система. 6. Опытный участок для выращивания и изучения сельскохозяйственных растений. 9. Измерительный преобразователь физической величины в сигналы для передачи, обработки. 11. Участие в общем деле. 12. Раздел медицины, изучающий восстановление жизненно важных функций организма. 18. Ценный пушной зверек. 19. Вещество для постройки сот. 20. Звук или сочетание звуков в слове. 21. Герой повести Жюля Верна «20 000 лье под водой». 23. Электромеханическая цифровая вычислительная машина. 25. Телескоп для изучения поверхности Солнца. 26. Действующий вулкан на Курильских островах. 27. Эластичная светочувствительная лента для снимков. 28. Выполнение определенных действий вычислительной машиной. 31. Город в Ростовской области на Дону. 33. Эстонский актер, народный артист СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Культиватор. 8. Арсеньев. 9. Референт. 10. Копер. 12. Баккара. 16. «Шалаш». 18. Уран. 19. Агат. 20. Кинофестиваль. 21. Ишим. 23. Свет. 24. Анкер. 25. Бабадаг. 28. Ягель. 31. Коненков. 32. Арматура. 33. Прокопьевск.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рудник. 2. Донецк. 3. Марципан. 5. Тавляк. 6. Варела. 7. Шиншилла. 10. Корюшка. 11. Регистр. 13. Апофема. 14. Капсула. 15. Радиола. 16. Штольня. 17. Штабель. 22. Макарова. 23. Сценарий. 26. Бревно. 27. Деталь. 29. Манера. 30. Трасса.

CROSNA
ПРИЕМНАЯ СИСТЕМА СПУТНИКОВОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

- телепередачи со всего мира
- прием сигнала с любого спутника
- прием программ в системах PAL, SECAM, NTSC
- возможность подключения до нескольких десятков телевизоров

Установив антенну у себя на крыше или во дворе, вы сможете смотреть телепрограммы всего мира в любое время суток.

КРОСНА — ЭТО ОКНО В МИР

123557, Москва,
Пресненский вал, 27.
Московский электромашиностроительный завод
«Памяти революции 1905 г.».
Тел.: 253-86-83,
253-19-53.
Телетайп: 113768 ЯРИЛО.
Телефакс: 2002216, 2002217.
Международный телекс:
411700 РТВ СУ-Кросна.

